

ISSN 2413-8584

ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС

e-mail: epb@asu.ru сайт: <http://journal.asu.ru>

2022. № 1

ECONOMICS PROFESSION BUSINESS

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2022

Научный рецензируемый журнал. Издается с 2014 г. Выпускается 4 раза в год

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

В. В. Мищенко, доктор экономических наук, профессор

Редакционный совет

Е. А. Ан, д-р экон. наук (г. Алматы, Казахстан);
А. М. Асалиев, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
П. А. Ореховский, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
Ю. В. Рагулина, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
В. И. Суслов, д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН
(г. Новосибирск);
Сюй Линьши, д-р экон. наук, проф. (г. Харбин, Китай);
В. И. Тинякова, д-р экон. наук, проф. (г. Москва).

Редакционная коллегия

В. И. Беляев, д-р экон. наук, проф.;
С. Н. Бочаров, д-р экон. наук, проф.;
И. Н. Дубина, д-р экон. наук, проф.;
С. В. Лобова, д-р экон. наук, проф.;
С. И. Межов, д-р экон. наук, проф.;
В. Л. Татаринцев, д-р сельскохозяйств. наук, проф.;
Е. Е. Шваков, д-р экон. наук, проф.

ISSN 2413-8584

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № ФС77-77154 от 10 декабря 2019.

Индекс в каталоге российской прессы «Почта России» — **П 2848**. Индекс в каталоге Урал-Пресс — **ВН018442**. Цена свободная.

Журнал «Экономика Профессия Бизнес» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктор и кандидат наук по специальности 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный в Интернете по адресу: <http://www.elibrary.ru> (Научная электронная библиотека).

Все права защищены. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Founder

Federal state budgetary educational institution of higher education “Altai State University”

Editor-in-Chief

V. V. Mishchenko, Prof.

Editorial Council

E. A. An, Prof. (Almaty, Kazakhstan);
A. M. Asaliyev, Prof. (Moscow);
P. A. Orehovskii, Prof. (Moscow);
Yu. V. Ragulina, Prof. (Moscow);
V. I. Suslov, Prof., Corresponding member of RAS (Novosibirsk);
Sui Linshi, Prof. (Harbin, China);
V. I. Tinyakova, Prof. (Moscow).

Editorial Board

V. I. Belyaev, Prof.;
S. N. Bocharov, Prof.;
I. N. Dubina, Prof.;
S. V. Lobova, Prof.;
S. I. Mezhev, Prof.;
V. L. Tatarintsev, Prof.;
E. E. Shvakov, Prof.

The journal is registered in the Federal Service for supervision of communications, information technology and mass media. The Certificate of Registration PI № FS 77-77154 issued on December 10, 2019.

The journal “Economics Profession Business” is included in the “List of Russian peer-reviewed scientific journals recommended by the higher attestation Commission of the Ministry of science and higher education of the Russian Federation for the publication the main scientific results of dissertations for the degrees of Doctor and Candidate of Sciences in the specialty 08.00.05 — Economics and National Management of People Economy.

The articles published in the journal are included in the Russian Science Citation Index, available at the Internet address <http://www.elibrary.ru> (Scientific Electronic Library)

All rights reserved. Reference to the journal is required when using any part of the content.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алабина Т. А., Дзангиева Х. С., Юшковская А. А.</i> МЕТАВСЕЛЕННАЯ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ТРЕНД ЭКОНОМИКИ	5
<i>Бахирева А. А., Воронкова О. Ю.</i> РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНТРОЛЛИНГА ИСПОЛНЕНИЯ БЮДЖЕТОВ ПИВОБЕЗАЛКОГОЛЬНЫХ КОМПАНИЙ.....	13
<i>Беляев В. И.</i> МАРКЕТИНГ: ФУНКЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ИЛИ ФИЛОСОФИЯ БИЗНЕСА?	21
<i>Воробьев С. П., Воробьева В. В., Титова О. В.</i> ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ В МОЛОЧНОМ СКОТОВОДСТВЕ РЕГИОНА.....	29
<i>Григорьева Е. Г., Шилова Е. В., Стакутис С. З.</i> СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ БЕДНОСТИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	36
<i>Дятлов Ю. Н.</i> ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТРУДОВОЙ АДАПТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ОТКРЫТОГО И ПОЛУОТКРЫТОГО ТИПА.....	47
<i>Кошевой О. С.</i> ОЦЕНКА НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАФЕДР ВУЗА НА ОСНОВЕ РЕЙТИНГА ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА	56
<i>Кылгыдай А. Ч.</i> РЫНОК ТРУДА: ИЗМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ ТРУДА, ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ.....	63
<i>Петрова М. В.</i> ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ	67
<i>Савченко А. С.</i> ОЦЕНКА РЕНТАБЕЛЬНОСТИ И НАЛОГОВОЙ НАГРУЗКИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В СОСТАВЕ АГРОХОЛДИНГОВ	73
<i>Самсонов И. И., Попова Н. В.</i> О КРИЗИСЕ ОПЛАТЫ ТРУДА ТРЕНЕРОВ СПОРТИВНЫХ ШКОЛ: ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ	81
<i>Санникова И. Н., Борисова Д. Е., Краюшкин М. Г.</i> ТРЕНДЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РЕГИОНАХ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)	91
<i>Троцкий А. Я., Перекаренко Ю. А., Родионова Л. В., Сергиенко А. М.</i> ИНТЕГРАЦИОННЫЕ СВЯЗИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ С РЕГИОНАМИ СИБИРИ: ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	98
<i>Чиркова О. А.</i> К ВОПРОСУ О РОЛИ И ЗНАЧЕНИИ КОНТРОЛЛИНГА В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	111
НАШИ АВТОРЫ	117
ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС»	119

CONTENTS

<i>Alabina T. A., Dzangieva K. S., Yushkovskaya A. A.</i> THE METAVERSE AS A GLOBAL ECONOMIC TREND.....	5
<i>Bakhireva A. A., Voronkova O. Yu.</i> DEVELOPMENT OF INFORMATION AND ANALYTICAL SUPPORT FOR CONTROL OVER THE EXECUTION OF BUDGETS BREWING COMPANIES	13
<i>Belyaev V. I.</i> MARKETING: A MANAGEMENT FUNCTION OR A BUSINESS PHILOSOPHY?.....	21
<i>Vorobyov S. P., Vorobyova V. V., Titova O. V.</i> THE POTENTIAL FOR THE DEVELOPMENT OF CONSUMER COOPERATION IN DAIRY CATTLE BREEDING IN THE REGION.....	29
<i>Grigorieva E. G., Shilova E. V., Stakutis S. Z.</i> STATISTICAL ANALYSIS OF RURAL POVERTY FACTORS IN THE RUSSIAN FEDERATION	36
<i>Dyatlov Yu. N.</i> ECONOMIC AND PROFESSIONAL ASPECTS OF CONVICTS LABOR ADAPTATION IN OPEN AND SEMI-OPEN CORRECTIONAL INSTITUTIONS	47
<i>Koshevoy O. S.</i> EVALUATION OF THE SCIENTIFIC ACTIVITY OF THE UNIVERSITY DEPARTMENTS BASED ON THE RATING OF THE TEACHING STAFF	56
<i>Kylgyday A. Ch.</i> LABOR MARKET: CHANGES IN THE LABOR SPHERE, MODERN CHALLENGES	63
<i>Petrova M. V.</i> ASSESSMENT OF PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF RURAL TOURISM IN THE ALTAI TERRITORY	67
<i>Savchenko A. S.</i> ASSESSMENT OF PROFITABILITY AND TAX BURDEN OF AGRICULTURAL ENTERPRISES AS PART OF AGRICULTURAL HOLDINGS	73
<i>Samsonov I. I., Popova N. V.</i> ON THE CRISIS OF PAYMENT FOR TRAINERS OF SPORTS SCHOOLS: INVITATION TO DISCUSSION.....	81
<i>Sannikova I. N., Borisova D. E., Krayushkin M. G.</i> STRATEGIC PLANNING TRENDS IN THE REGIONS (ON THE EXAMPLE OF THE ALTAI TERRITORY)	91
<i>Trotskovsky A. Ya., Perekarenkova Yu. A., Rodionova L. V., Sergienko A. M.</i> INTEGRATION RELATIONS OF ALTAI TERRITORY WITH THE SIBERIAN REGIONS: PREREQUISITES FOR FORMATION AND RESEARCH LIMITATIONS	98
<i>Chirkova O. A.</i> TO THE QUESTION OF THE ROLE AND SIGNIFICANCE OF CONTROLLING IN THE PROCESS OF IMPLEMENTING THE PROGRAMS OF STRATEGIC DEVELOPMENT OF MUNICIPAL ABILITY	111
OUR AUTHORS.....	117
ARTICLE SUBMISSIM GUIDELINES FOR «ECONOMIS PROFESSION BUSINESS».....	119

МЕТАВСЕЛЕННАЯ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ТРЕНД ЭКОНОМИКИ

Т. А. Алабина^{1,2}, Х. С. Дзангиева¹, А. А. Юшковская¹

¹Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

²Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье рассматривается новый глобальный тренд развития экономики под названием «метавселенная», анонсированная в октябре 2021 г. М. Э. Цукербергом как результат усовершенствованного взаимодействия человека и новых информационных технологий (цифровизации), включающего реальный мир, виртуальное пространство, духовный мир и мир фантазий как взаимосвязанные уровни. На основе подходов различных авторов предложено авторское видение метавселенной в качестве трансформационного этапа последующего развития цифровой экономики посредством использования сквозных технологий, таких как Big data, технологий геймификации, дополненной (AR) и виртуальной реальности (VR), блокчейн и других: дано определение понятия, представлены основные элементы, раскрыты принципы функционирования метавселенной, ее преимущества и недостатки. В ходе исследования прогнозов футурологов сделано стратегическое предположение о том, что метавселенная как глобальный тренд экономики может поспособствовать превращению хаоса цифровизации будущего в систему взаимодействия, стать платформой для экономических субъектов и успешным стратегическим проектом.

Ключевые слова: цифровая экономика, информационные технологии, метавселенная, виртуальная реальность, глобальный тренд.

THE METAVERSE AS A GLOBAL ECONOMIC TREND

T. A. Alabina^{1,2}, K. S. Dzangieva¹, A. A. Yushkovskaya¹

¹Kemerovo State University (Kemerovo, Russia)

²Altai State University (Barnaul, Russia)

The article discusses a new global trend in the development of the economy called the “metaverse”, announced in October 2021 by Mark Elliot Zuckerberg as a result of improved interaction between a person and new information technologies (digitalization), including the real world, virtual space, the spiritual world and the fantasy world as interconnected levels. Based on the approaches of various authors, the author’s vision of the metaverse as a transformational stage in the subsequent development of the digital economy is proposed through the use of end-to-end technologies such as Big data, gamification technologies, augmented (AR) and virtual reality (VR), blockchain and others: the concept is defined, presented the main elements, the principles of the functioning of the metaverse, its advantages and disadvantages are disclosed. In the course of the study of futurologists’ forecasts, a strategic assumption was made that the metaverse as a global economic trend can contribute to the transformation of the chaos of future digitalization into an interaction system, become a platform for economic entities and a successful strategic project.

Keywords: digital economy, information technology, metaverse, virtual reality, global trend.

*В стратегии нельзя полагаться только на здравый смысл...
Необычные подходы — зачастую самые эффективные пути к успеху...
Поддержка стратегически важных инноваций может обеспечить
огромные стратегические конкурентные преимущества.*
В. Л. Квинт [1]

Введение. Информационные технологии в течение последних 30 лет определяют вектор развития основных сфер жизни общества: экономической, политической, духовной и социальной. Например, цифровой трансформации образования как отрасли социальной сферы уделяется огромное внимание со стороны различных государств. В Англии командой специалистов была создана виртуальная платформа для иммерсионного хирургического обучения, где можно смоделировать любую медицинскую процедуру (хирургическую операцию) в режиме реального времени. По словам профессора Шафи Ахмеда (Shafi Ahmed): «Метавселенная имеет преимущество над традиционным онлайн-обучением», так как снижается процент ошибок специалистов разных медицинских областей [2]. По оценкам консалтинговой компании Grand View Research, глобальный рынок технологий виртуальной и дополненной реальности в секторе здравоохранения в 2020 г. оценивался в 2 млрд долларов США и будет расти ежегодными темпами на 27,2% с 2021 по 2028 г. [3].

Становление цифровой экономики — одно из приоритетных направлений для многих стран — экономических лидеров, включая США, Китай, Японию, Германию, Россию и экономических союзов. Как правило, для них характерен длительный период реализации «повестки цифрового развития», где автоматизация, цифровизация и цифровая трансформация выступают в качестве ключевых трендов современного мира. Очередным этапом трансформации цифровой экономики должен стать этап создания и внедрения единой метавселенной.

Возможность существования «метавселенной» впервые предположил фантаст Н. Стивенсон в своем cyberpunk-романе «Лавина» (1992 г.). Она основывалась «на генерируемой компьютером вселенной, которую компьютер рисует согласно спецификациям и гонит через наушники. Люди — программы, называемые аватарами, выбор кем быть — неограничен» [4]. В целом метавселенная Н. Стивенсона строится как общее пространство в виртуальном мире, построенном по подобию реального, но с возможностью воображения для улучшения качества физических элементов.

В начале 80-х гг. XX в. «cyberpunk» являлся только веткой художественной литературы в жанре научной фантастики, где описывались высокие технологии и их пагубное влияние на общество,

быт людей эпохи полнейшей цифровой диктатуры и невероятных возможностей.

Сейчас мир, созданный в произведениях литературы, находит свое отражение не только в кинематографической индустрии, таких как «Первому игроку приготовиться»¹, «Главный герой»², «Матрица»³, но и в игровой индустрии на основе использования Big data, технологий геймификации (AR/VR), блокчейн и др. Игровая индустрия может стать одним из элементов воплощения единого мира метавселенной. Одним из примеров позиционирования разработчиками игры как «метавселенная» с упором на социальные функции является игра Fortnite⁴ американской компании Epic Games, релиз которой состоялся в 2017 г. (посещаемость более 78,3 млн человек ежемесячно). Выручка Epic Games в 2020 г. составила 5,1 млрд долларов США, что на 21% превышает 2019 г. Компания Epic Games проводит в виртуальном пространстве Fortnite ограниченные по времени мероприятия, привязанные к релизам в реальном времени. Например, в апреле 2020 г. певец Трэвис Скотт (Jacques Berman Webster II) организовал 10-минутный концерт в Fortnite, который одновременно смотрели более 12,3 млн игроков. Минута концерта оценивалась в 2 млн долларов США [5].

Также отдельное внимание стоит уделить игре Minecraft⁵, основное преимущество которой заключается в децентрализованном виртуальном пространстве. У игры есть две основные задачи: выживание и творчество (строительство всевозможных объектов). В данной игре можно устанавливать ограничения на посещения «вселенной» отдельно

¹ Первому игроку приготовиться: художественный фильм. 2018, США, Индия, киностудии Warner Bros., Village Roadshow Pictures, Donald De Line, реж. Стивен Спилберг (Steven Spielberg), длит. 140 мин.

² Главный герой: художественный фильм. 2021, США, киностудии 20th Century Studios, Maximum Effort, реж. Шон Адам Леви (Shawn Adam Levy), длит. 115 мин.

³ Матрица: художественный фильм. 1999, США, Австралия, киностудия Warner Bros., Village Roadshow Pictures, реж. сестры Вачовски Лана Вачовски (Lana Wachowski) и Лилли Вачовски (Lilly Wachowski), 136 мин.

⁴ Fortnite: компьютерная онлайн-игра. 2017, США, издатель Epic Games, Gearbox Publishing, разработчик Epic Games, People Can Fly, жанр симулятор выживания.

⁵ Minecraft: компьютерная инди-игра. 2011, Швеция, разработчик Mojang Studios, программист Йенс Бергенстен (Jens Bergensten), жанр песочница.

взятого игрока, то есть существует возможность как открыть доступ для всех остальных игроков, так и установить допуск по «приглашению». В течение 1989–2019 гг. Minecraft считается самой продаваемой игрой в мире, ее тираж составляет 181 млн копий, аудитория игры — более 140 млн пользователей. В Minecraft есть торговая площадка, позволяющая пользователям осуществлять куплю-продажу модификаций, дополнений и другого контента, данная площадка принесла разработчикам более 350 млн долларов США [6]. Во время пандемии COVID-19 разработчики Minecraft подключили опцию дистанционного обучения для студентов высших образовательных учреждений.

В октябре 2021 г. генеральный директор Meta inc. (ранее Facebook) Марк Эллиот Цукерберг (Mark Elliot Zuckerberg) обратился с концепцией метавселенной, где будущее компании выйдет далеко за рамки социальной сети и будет стремиться к созданию глобальной цифровой среды. Согласно прогнозам аналитиков Meta inc., развитие метавселенной потребует масштабных инвестиций в размере 50 млрд долларов США на протяжении 5 лет. Максимальный срок разработки продукта должен занять 10 лет. Компания предупреждала, что из-за этих вложений операционная прибыль по итогам 2021 г. упадет на 10 млрд долларов США [7]. Вызов транснациональной компании послужил толчком к актуализации темы метавселенной и включения ее в программы международных конференций и крупнейших форумов. Популярность метавселенной отметили лексикографы издательства Harper Collins, данный термин по частоте запросов стал в 12 раз чаще употребляться относительно 2020 г.

Научная проблема выдвигаемого авторами исследования обусловлена отсутствием единого терминологического понимания и содержательного наполнения дефиниции «метавселенная».

Целью данного исследования является установление системной взаимосвязи метавселенной с цифровой экономикой на основе анализа понятия и содержания метавселенной как глобального тренда и изучения ее специфических характеристик, преимуществ и недостатков.

К явлению метавселенной приковано внимание правительств разных стран, финансовых регуляторов, международных компаний, российских и зарубежных экономистов, но до настоящего времени комплексный подход к ее изучению остается дискуссионным. В связи с этим в исследовании данной проблематики использовались различные теоретические методы исследования, а именно анализ, синтез, изучение зарубежных и российских источников, обобщение и описание.

Результаты и обсуждение. Дефиниция «метавселенная» вошло в научный оборот относи-

тельно недавно — буквально в 2021 г., однако унифицированного определения до сих пор нет. Любопытным фактом является то, что многие зарубежные и отечественные экономисты видят метавселенную как свершившееся явление, одновременно недооценивая и переоценивая реально имеющиеся элементы инфраструктуры для ее существования и функционирования. Однако метавселенная как глобальный тренд не только общества, но и экономики — уже свершившаяся реальность.

Примером децентрализованной платформы виртуальной реальности в экономике является Decentraland, основанная аргентинцами А. Мейлихом (A. Meilich) и Э. Ордано (E. Ordano). Данная платформа нацелена на социально-экономические взаимодействия между пользователями, то есть позволяет им общаться, создавать, использовать и монетизировать контент, вплоть до создания собственного бизнеса. Виртуальная недвижимость представляет собой non-fungible token (NFT — уникальный невзаимозаменяемый цифровой актив), который можно приобрести в криптовалюте MANA, созданной на блокчейне Ethereum. Крупные IT-компании приобретают в Decentraland виртуальные земельные участки более чем на 5,5 млн долларов США. По информации фирмы по управлению криптоактивами Grayscale, компании потенциально могут заработать на этих инвестициях до 1 трлн долларов США в год [8]. В ноябре 2021 г. правительство Барбадоса подписало контракт на приобретение участка земли для посольства в Decentraland, что делает Барбадос первым в мире государством с посольством в виртуальном мире.

Сущностная форма метавселенной характеризуется единством реального и виртуального мира через использование новейших информационных технологий, однако не все разделяют это предположение, что говорит о проблеме восприятия, назначения и толкования данного термина (табл. 1).

Таблица 1

Обзор подходов к определению понятия «метавселенная»

Автор	Определение понятия
АО «Коммерсантъ»	«Гибрид физического и цифрового миров»
М. Болл	«Обширная сеть постоянных, визуализируемых в реальном времени трехмерных миров и симуляций, которые поддерживают непрерывность идентичности, объектов, истории, платежей и прав и могут быть испытаны синхронно практически неограниченным числом пользователей, каждый из которых обладает индивидуальным ощущением присутствия»

Окончание таблицы 1

Автор	Определение понятия
Тинькофф Журнал	Вселенная, где «онлайн» перетекает в «офлайн» и наоборот на базе слияния физического и виртуального миров, основанная на сквозных цифровых технологиях
Сайт Meta	«Набор виртуальных пространств, которые вы можете создавать и исследовать вместе с другими людьми, находящимися не в том же физическом пространстве, что и вы»
Т. Суини	«Онлайн игровая площадка, где вы можете в один момент развлекаться с друзьями в Fortnite, а в следующий — смотреть вместе Netflix»
М. Цукерберг	«Объемный Интернет, где пользователи не смотрят на него, а находятся в нем»

Источник: [9–13].

Отправной точкой при определении метавселенной будем считать то, что она строится на совокупности взаимодействий реального мира, виртуального пространства, духовного мира (в классической философии «небытие») и мира фантазий как ее уровней (рис. 1).

Согласно предположению, основанному на теории струн С. У. Хокинга (S. W. Hawking), мультивселенная или реальный мир представляет собой гипотетическое множество реально существующих параллельных вселенных, включая Землю [14]. Данная теория предполагает наличие 11-мерного пространства. Земля существует в трехмерном пространстве, поэтому невозможно выбраться за пределы нашей вселенной и увидеть другие.

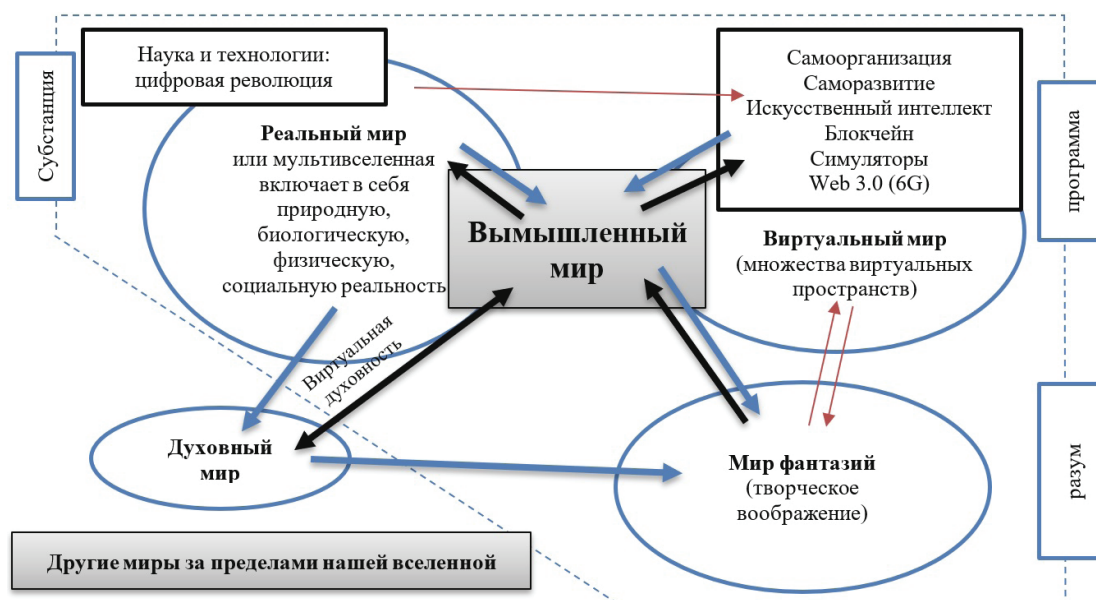

Рис. 1. Иерархия (уровни) метавселенной. Источник: составлено авторами

Виртуальный мир — виртуальное пространство, где пользователи могут взаимодействовать с трехмерными цифровыми объектами и трехмерными аватарами друг друга (цифровыми двойниками), имитирующими реальный мир посредством использования современных информационных технологий.

Мир фантазий является вымышленным миром, созданным по образам, выходящим за пределы реального мира.

Духовный мир — внутренний мир человека, подкрепленный его интересами, образованием и культурой.

Все указанные миры взаимодействуют, пересекаются и вытекают друг из друга, например, как виртуальное искусство. Американский худож-

ник М. Винкельман с мая 2007 г. ежедневно публиковал новые изображения, которые стали частью единого цифрового коллажа, состоящего из 5000 изображений. Изначально целью работы было повышение художественных навыков, однако в марте 2021 г. это стало фактически монетизированным бизнес-проектом: картина была продана на аукционе за рекордную для NFT сумму 69,3 млн долларов США при первоначальной цене картины на торгах всего лишь в 100 долларов США [15].

Рассмотрим основные элементы концепции метавселенной как глобального тренда экономики [11]:

1. Аппаратное обеспечение — для существования метавселенной необходимо принципиально новое потребительское и корпоративное оборудо-

дование, определяемое как «продажа и поддержка физических технологий и устройств, используемых для доступа, взаимодействия или разработки метавселенной».

2. Сеть или Интернет будущего — «предоставление постоянных подключений в режиме реального времени, высокой пропускной способности и децентрализованной передачи данных магистральными поставщиками, сетями, обменными центрами и службами, которые маршрутизируются между ними, а также теми, кто управляет данными «последней мили» потребителям». Три области сетей — пропускная способность, задержка и надежность, основанные на технологиях блокчейн, машинном обучении, семантической паутине и интернете вещей.

3. Вычислительные мощности для поддержания таких функций, как «физические вычисления, рендеринг, согласование и синхронизация данных, искусственный интеллект, проекция, захват движения и перевод».

4. Виртуальные платформы — «разработка и эксплуатация иммерсивных цифровых и часто трехмерных симуляций, сред и миров, в которых пользователи и предприятия (организации) могут исследовать, создавать, общаться и участвовать в самых разных впечатлениях (например, участвовать в гонках на автомобиле, рисовать картину, посещать занятия, слушать музыку) и заниматься экономической деятельностью». Эти предприятия (организации) отличаются от традиционного онлайн-опыта и многопользовательских видеоигр наличием большой экосистемы разработчиков и создателей контента, которые генерируют большую часть контента и/или собирают большую часть доходов, полученных поверх базовой платформы.

5. Инструменты и новые стандарты обмена данными, а также усовершенствованная платеж-

ная система для создания процветающей экономики внутри виртуального мира.

6. Контент метавселенной зависит от пользователей и определяется как проектирование, продажа, хранение, безопасная защита и финансовое управление цифровыми активами.

На основе анализа различных исследований предлагается выделить авторские преимущества и недостатки. К *преимуществам* можно отнести возможность воплощения человеческих потребностей, желаний и фантазий, которые в жизни по тем или иным причинам не осуществимы (например, человек с инвалидностью в реальном мире может относиться к активному трудоспособному населению в виртуальном мире); доступность и стирание географических границ (создание единого политического, экономического и духовного пространства); улучшение качества образования (от проведения опытов до перемещения в другие эпохи для изучения истории; создание дополнительных рабочих мест и т.д.).

В свою очередь, существуют и определенные *недостатки* создания и внедрения единой метавселенной. Во-первых, усиление классового расслоения общества (согласно теории марксизма-ленинизма) за счет дороговизны технической составляющей ее инфраструктуры. Во-вторых, проблема идентификации личности, с которой взаимодействует пользователь, что может привести к мошенничеству в его сторону. Так, существует множество различных программных пакетов, с помощью которых люди могут подменять внешность, используя это в своих корыстных целях. В-третьих, наличие физической и биологической опасности для здоровья пользователя — физического лица его присутствия в метавселенной ввиду отсутствия полностью безопасных технологии и оборудования на данный момент.

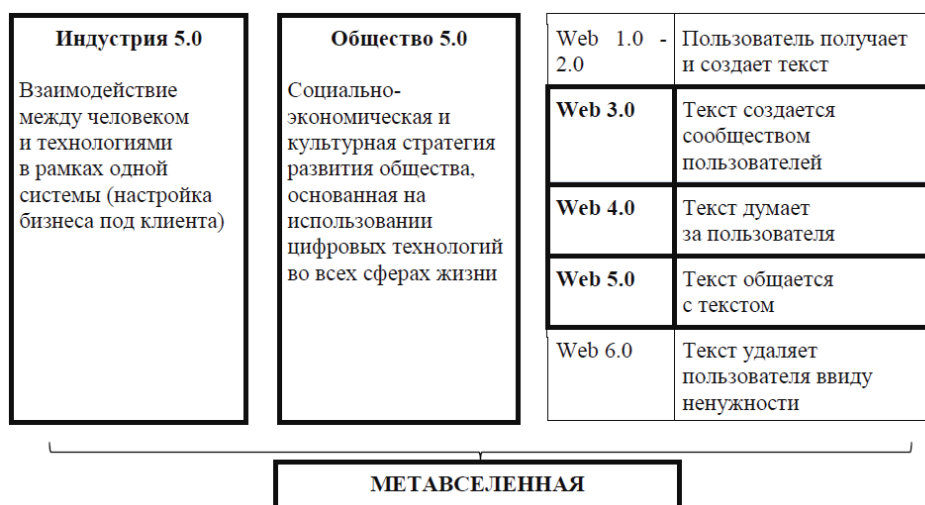

Рис. 2. Этапы становления метавселенной. Источник: составлено авторами

Генезис цифровой экономики связан не только с развитием информационных технологий, но и с развитием Интернета. Мобильный Интернет изменил отношение людей к глобальной сети: она стала доступна в любой момент времени и в любом месте земного пространства. Исходя из этого авторами предлагается выделить конечный этап развития цифровой экономики через разработку и становление метавселенной (рис. 2).

Первый этап (1996 г.) Web 1.0 характеризовался необходимостью установки на компьютер специализированного программного обеспечения. На втором этапе (2005 г.) Web 2.0 стало возможным создавать и использовать информационные ресурсы различными категориями пользователей. Третий этап (с 2021 г.) связывают с возможностью внедрения Web 3.0 и 6G как сочетание современного Интернета и децентрализованности, свойственной начальному этапу развития сети, на смену монополии крупных корпораций таких, как Apple, Amazon, Meta inc. и др. Согласно замыслу, каждый пользователь должен получить токены, которые можно будет использовать в качестве права на владение цифровым активом.

Таким образом, метавселенная — это социально-экономическая и культурная концепция, сочетающая в себе реальный, виртуальный, духовный миры и мир фантазий, появившаяся в результате развития Интернета на принципах децентрализации и самоорганизации, через взаимодействие человека и технологий в одной системе.

Американский изобретатель и футуролог Р. Курцвейл (R. Kurzweil) предположил, основываясь на «Законе Мура» [16], смысл которого заключается в том, что вычислительная мощность компьютеров удваивается каждые два года. К 2030 г. виртуальная реальность станет неотличима от реальной, а сознание пользователя можно будет переместить в компьютер. В течение 2040-х гг. искусственный интеллект превзойдет биологический интеллект (мозг пользователя) в миллиарды раз. К 2045 г. люди смогут подключиться к синтетическому «интеллекту» в облаке, тем самым его догнав. Например, на то, чтобы достигнуть уровня интеллекта насекомого, микропроцессорным компьютерам понадобилось почти 50 лет. Но, чтобы от этого уровня продвинуться до уровня интеллекта полевой мыши, потребовалось всего 5 лет. Согласно этим тенденциям, к 2030 г. компьютер станет настолько же умным, как человек [17]. В результате, метавселенная как глобальный тренд может способствовать превращению хаоса цифровизации будущего в систему взаимодействий, стать платформой для экономических субъектов и успешным стратегическим проектом.

Заключение. С позиции теоретических концепций экономической науки метавселенная должна абстрагироваться от регулирования государственными и частными институтами управления (правительственными и коммерческими организациями), опираясь на принципы децентрализации и самоорганизации. Однако при этом ее институциональной надстройкой (пока не обозначено исследователями, что это может быть) должны быть разработаны формальные документы — общие стандарты, протоколы и инструкции, благодаря которым скоординируется деятельность участников метавселенной на базе умных контрактов. В результате виртуальные миры будут сопоставимы друг с другом и реальным миром и начнут сосуществовать в едином экономическом пространстве. Например, блокчейн-технология позволит упростить движение денежных средств между аватарами и фиксировать заработанные ценности, тем самым делая все рыночное пространство более прозрачным и надежным, поскольку согласно этой технологии, данные хранятся в распределенном виде, что сильно усложняет возможность подмены.

В метавселенной необходимо предусмотреть законодательные основы о персональных данных, нормативно-правовое регулирование по обеспечению безопасности жизни и здоровья граждан, обороны и безопасности государства, охраны окружающей среды.

Понятно, что пока нормативно-правового регулирования метавселенной не существует, однако уже сейчас за мошеннические и неправомерные действия в социальных сетях человек может понести ответственность перед законом. В метавселенной данная ответственность может рассматриваться с двух позиций. Если метавселенную приравнять к игре, то за совершение противоправных действий третьим лицом ответственности не будет; если же метавселенная будет рассматриваться как совокупность реального мира и виртуальной оболочки, то в таком случае лицо будет привлекаться к ответственности, как и в реальном мире. При этом последняя концепция стала преобладающей в большинстве развитых стран мира. Следует отметить и необходимость предусмотрения в метавселенной таких деликтов, как причинение вреда цифровому имуществу и деловой репутации экономического субъекта.

В связи с вышеозначенным в метавселенной должен быть разработан стандарт о цифровых финансовых активах. В целях обеспечения здоровья граждан, пребывающих в метавселенной, законодательно могут быть разработаны формальные правила, ограничивающие максимальное количество времени нахождения в метавселенной, а также ко-

личество рабочего времени в ней для сотрудников и персонала компаний.

Академик, иностранный член РАН, д-р экон. наук, профессор В. Л. Квинт писал, что «один из основных принципов стратегии — ее скрытность, неизвестность для конкурентов и противников» [1]. Создание метавселенной позволит даже мелким компаниям (например, микропредприятиям или самозанятым) с инновационными стартапами, связанными с надстройкой инфраструктуры виртуального мира, занять свою рыночную нишу.

В том, что метавселенная будет функционировать, сомнений уже нет. Вызовом здесь становится долгосрочность создания необходимых технологий. Однако по прогнозам известных футурологов, таких как У. Гибсон (W. F. Gibson), М. Каку (M. Kaku) и Р. Курцвейла (R. Kurzweil) период 2022–2045 гг. может стать временем, когда произойдет крупнейшее перераспределение в финансовой сфере, а также повторный передел экономики и бизнеса в мире. Все зависит от того, кто войдет в число крупных игроков и собственников в метавселенной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Квинт В. Л. Концепция стратегирования: монография. Кемерово, 2020. 170 с.
2. Технологии виртуальной реальности в медицине. URL: <https://intalent.pro/article/tehnologii-virtualnoy-realnosti-v-medicine.html> (дата обращения: 20.01.2022).
3. Технологии виртуальной и дополненной реальности в здравоохранении: экспертный обзор. М., 2021. URL: <https://niioz.ru/upload/iblock/c7f/c7f196880db9a557da36fb7e88be49fb.pdf> (дата обращения: 09.02.2022).
4. Стивенсон Н. Лавина (роман). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Лавина_\(роман\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Лавина_(роман)) (дата обращения: 12.01.2022).
5. Трэвис Скотт заработал \$ 20 млн за виртуальный концерт в Fortnite. URL: <https://app2top.ru/money/tre-vis-skott-zarabotal-20-mln-za-virtualny-j-kontsert-v-fortnite-178198.html> (дата обращения: 12.01.2022).
6. Моддеры заработали на Minecraft больше \$ 350 миллионов за 4 года. URL: <https://wtftime.ru/articles/115069/moddery-zarabotali-na-minecraft-bolshe-350-millionov-za-4-goda/> (дата обращения: 18.01.2022).
7. Инвестиции в метавселенную. Полный обзор. URL: <https://smart-lab.ru/blog/740095.php> (дата обращения: 21.01.2022).
8. Crayscale: доходы метавселенной достигнут 1 трлн долларов. URL: <https://media.sigen.pro/lightning/8316> (дата обращения: 21.01.2022).
9. Краснова В. Тоже является частью вселенной // Коммерсантъ: последние новости России и мира: офиц. сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5050983> (дата обращения: 29.01.2022).
10. Что такое метавселенная и когда она появится // Тинькофф-журнал: журнал про ваши деньги: офиц. сайт. URL: <https://journal.tinkoff.ru/guide/metaverse-explained/> (дата обращения: 16.01.2022).
11. Ball M. L. The Metaverse Primer // MatthewBall [Online]. URL: <https://www.matthewball.vc/the-metaverse-primer2020/12/02> (date of access: 16.01.2022).
12. Meta — Science Discovery Platform [Online]. URL: <https://www.meta.org/2021/08/19> (date of access: 16.01.2022).
13. Zuckerberg M. Connect 2021: our vision for the metaverse [Online] // Facebook. URL: <https://www.facebook.com/zuck/videos/1898414763675286/2021/11/30> (date of access: 16.01.2022).
14. Хокинг С. и др. Теория всего. Происхождение и судьба Вселенной / пер. с англ. И. Иванова; под ред. Г. Бурбы. СПб., 2009. 148 с.
15. Цифровую картину американского художника продали на аукционе за рекордные 69 млн долларов. URL: <https://secretmag.ru/news/cifrovuyu-kartinu-amerikanskogo-khudozhnika-prodali-na-aukcione-za-rekordnye-usd69-mln.htm> (дата обращения: 21.01.2022).
16. Цветков В. Я. Закон Мура и другие // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 1–2. С. 370.
17. Человек, который предсказал всё: Рэй Курцвейл о будущем технологий. URL: <https://vc.ru/future/6626-kurzweil> (дата обращения: 01.02.2022).

REFERENCES

1. Kvint V.L. The Concept of Strategizing: monograph. Kemerovo, 2020. 170 p.
2. Virtual reality technologies in medicine. URL: <https://intalent.pro/article/tehnologii-virtualnoy-realnosti-v-medicine.html> (date of access: 20.01.2022).
3. Virtual and augmented reality technologies in healthcare: expert review. M., 2021. URL: <https://niiroz.ru/upload/iblock/c7f/c7f196880db9a557da36fb7e88be49fb.pdf> (date of access: 09.02.2022).
4. Snow Crash: novel. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Лавина_\(роман\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Лавина_(роман)) (date of access: 12.01.2022).
5. Travis Scott earned \$ 20 million off virtual concert in Fortnite. URL: <https://app2top.ru/money/tre-vis-skott-zarabotal-20-mln-za-virtual-ny-j-kontsert-v-fortnite-178198.html> (date of access: 12.01.2022).
6. Modders made more than \$ 350 million off Minecraft in 4 years. URL: <https://wtftime.ru/articles/115069/moddery-zarabotali-na-minecraft-bolshe-350-millionov-za-4-goda/> (date of access: 18.01.2022).
7. Investments in metaverse. Full review. URL: <https://smart-lab.ru/blog/740095.php> (date of access: 21.01.2022).
8. Crayscale: metaverse revenues will reach 1 trillion dollars. URL: <https://media.sigen.pro/lightning/8316> (date of access: 21.01.2022).
9. Krasnova V. Is a part of a universe too // Kommersant: latest Russian and world news. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5050983> (date of access: 29.01.2022).
10. What is metaverse and when will it appear // Tinkoff-magazine: magazine about your money. URL: <https://journal.tinkoff.ru/guide/metaverse-explained/> (date of access: 16.01.2022).
11. Ball M.L. The Metaverse Primer // MatthewBall [Online]. URL: <https://www.matthewball.vc/the-metaverse-primer2020/12/02> (date of access: 16.01.2022).
12. Meta — Science Discovery Platform [Online]. URL: <https://www.meta.org/2021/08/19> (date of access: 16.01.2022).
13. Zuckerberg M. Connect 2021: our vision for the metaverse [Online] // Facebook. URL: <https://www.facebook.com/zuck/videos/1898414763675286/> 2021/11/30 (date of access: 16.01.2022).
14. Hawking S. et al. The Theory of Everything. The Origin and Fate of the Universe. SPb., 2009. 148 p. [Transl. from English. I. Ivanova; ed. G. Buzba]. Spb, 2009. 148p.
15. American artist's digital painting was sold at the auction for the record 69 million dollars. URL: <https://secretmag.ru/news/cifrovuyu-kartinu-amerikanskogo-khudozhnika-prodali-na-aukcione-za-rekordnye-usd69-mln.htm> (date of access: 21.01.2022).
16. Tsvetkov V.Ya. Moore's law and others // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2017. No. 1–2. P. 370.
17. The man who predicted everything: Ray Kurzweil about the future of technologies. URL: <https://vc.ru/future/6626-kurzweil> (date of access: 01.02.2022).

Поступила в редакцию: 14.01.2022.

Принята к печати: 21.02.2022.

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНТРОЛЛИНГА ИСПОЛНЕНИЯ БЮДЖЕТОВ ПИВОБЕЗАЛКОГОЛЬНЫХ КОМПАНИЙ

А. А. Бахирева¹, О. Ю. Воронкова²

¹Рубцовский институт (филиал) Алтайского государственного университета (Рубцовск, Россия)

²Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Несмотря на существенные наработки в области теории и практики контроллинга, малоизученными остаются вопросы организации контроллинга исполнения бюджетов, его масштабы и частота проведения контрольно-аналитических процедур. Помимо перечисленного бюджетный контроллинг требует организации специфического учетно-аналитического обеспечения, включая разработку форм первичных документов и регистров, отражающих особенности планирования и контроллинга пивобезалкогольных производств, учетной процедуры для взаимосвязанного отражения бюджетных, фактических данных и отклонений, отчетов по результатам контрольно-аналитических процедур. В данной статье обобщены теоретические основы контроллинга исполнения бюджетов, включая рассмотрение сущности, целей и задач, уровней и инструментов, возможностей применения методик комплаенс и эджайл, позволяющих осуществлять контрольно-аналитические процедуры в отношении соблюдения норм законодательства, корпоративной этики, а также сроков и бюджетов проектов. В целом предлагаемый методический подход позволяет осуществлять контроллинг исполнения бюджетов в необходимом и достаточном объеме с учетом принципов рациональности и экономичности.

Ключевые слова: контроллинг, анализ, управление, комплаенс, эджайл, учетно-аналитический инструментарий.

DEVELOPMENT OF INFORMATION AND ANALYTICAL SUPPORT FOR CONTROL OVER THE EXECUTION OF BUDGETS BREWING COMPANIES

A. A. Bakhireva¹, O. Yu. Voronkova²

¹Rubtsovsk Institute (branch) of Altai State University (Rubtsovsk, Russia)

²Altai State University (Barnaul, Russia)

Despite significant achievements in the theory and practice of controlling, the issues of control over the execution of the budget, its volume and frequency of control and analytical procedures remain poorly understood. In addition to the above, budget controlling requires the organization of specific accounting and analytical support, including the development of forms of primary documents and registers reflecting the specifics of planning and control of beer and alcohol production, accounting procedures for the interrelated reflection of the budget, actual data and deviations, reports on the results of control and analytical procedures. This article summarizes the theoretical foundations of controlling budget execution, including the definition, description of goals and objectives, levels and tools, describes the possibilities of using compliance and best practices that allow for control and analytical procedures regarding compliance with legislation, corporate ethics, as well as project control. The methodological approach considered in the article is based on the principles of economy and rationality. This allows controlling procedures to be carried out in the necessary and sufficient volume.

Keywords: controlling; analysis; management; compliance; agile; accounting and analytical tools.

Сегодняшняя реальность характеризуется постоянными и стремительными изменениями, затрагивающими все стороны деятельности субъектов экономики. Одной из важных областей познания действительности выступает изучение изменений, происходящих во внешней и внутренней среде [1]. Осмысленная деятельность, связанная со своевременным отслеживанием внешних и внутренних возмущений и разработкой адекватных мер реакции на них, получила название «контроллинг» [2]. Особую важность эффективная организация контроллинга приобретает именно в деятельности производственных предприятий. Сегодня одним из наиболее активно развивающихся секторов экономики России и Алтайского края является производство пивобезалкогольных напитков. Вместе с тем государство на протяжении ряда последних лет активно регулирует деятельность пивобезалкогольных предприятий, увеличивая акцизное бремя, устанавливая новые стандарты производства и продажи, ограничивая инструменты продвижения и рекламы, усугубляя негативные последствия введения экономических санкций, что, несомненно, сказывается не только на объемах производства, но и на предпринимательском климате, уровне предпринимательской уверенности. Таким образом, пивобезалкогольный сектор сегодня — это высококонкурентный бизнес со сложными потребителями и крайне неопределенной внешней средой, нуждающийся в эффективных, в том числе и контроллинговых управленческих инструментах.

Глубокое изучение теории и практики контроллинга позволило установить, что наиболее проработанными его областями являются контроллинг финансов, затрат, показателей эффективности [3]. При этом контроллинг исполнения планов/бюджетов предприятия является малоизученным [4]. Автор определяет контроллинг исполнения бюджета как ориентированный на перспективу комплекс информационных, регулятивных, координационных, контролируемых, обучающих процессов, посредством которых участниками в легитимной форме обеспечиваются условия эффективного достижения целевых показателей, саморегуляция, информационная поддержка руководства. Целью контроллинга исполнения бюджетов является обеспечение условий достижения целевых показателей (рис. 1).

Заметим, что контроллинг на этапах своего развития имел различное содержание и направленность. На начальном этапе (до 1950 г.) контроллинг реализует преимущественную контрольную функцию, решает актуальные управленческие задачи того периода, состоящие в росте финансовых результатов, стимулировании производи-

тельности труда в достаточно стабильных экономических условиях [4]. Поддерживающая модель контроллинга (1950–1990 г.) обеспечивает адаптацию предприятия к неопределенной внешней среде посредством предвидения последствий событий и заблаговременного формирования реакции на них. Важными аспектами контроллинга становятся рефлексия, самоанализ, обучение [4]. На современном этапе контроллинг рассматривается как точный механизм, опирающийся на критерии времени, качества, экономичности, возможности создания ценности для компании, который способствует не только достижению финансовых показателей, но и соблюдению моральных ценностей. Контуры прямой и обратной связи контроллинга настроены на оперативное выявление отклонений и реагирование только на существенные расхождения, оптимизацию интересов заинтересованных лиц, снижение последствий конфликта государства, владельцев бизнеса, акционеров, работников, конкурентов, представителей социальных и экологических сообществ, имеющих специфические интересы, нормы и правила поведения. Подход к сущности контроллинга с данных позиций позволяет трактовать его как комплекс процессов, способный моделировать не только внутреннее, но и внешнее социально-экономическое пространство компании [5]. Через призму содержания контроллинга как инструмента моделирования внутренних и внешних параметров деятельности экономического субъекта мы рассматриваем сущность контроллинга исполнения бюджетов.

Контроллинг исполнения бюджетов основан на специфическом учетно-аналитическом обеспечении, которое составляют следующие компоненты [6]:

- система учета для взаимосвязанного отражения фактических и бюджетных данных и выявления расхождений по вертикали и горизонтали;
- первичные документы, разработанные с учетом целей и задач контроллинга исполнения бюджетов и специфики конкретного производства;
- отчетность по итогам контроллинга исполнения бюджетов для внутренних и внешних пользователей.

Процессный подход предполагает организацию учета в разрезе центров процессной ответственности, которые должны быть закодированы [7]. В основе кодировки лежит риск-ориентированный подход [7]. Неисполнение бюджета пивобезалкогольными предприятиями может быть вызвано внешними и внутренними параметрическими изменениями (рис. 2).

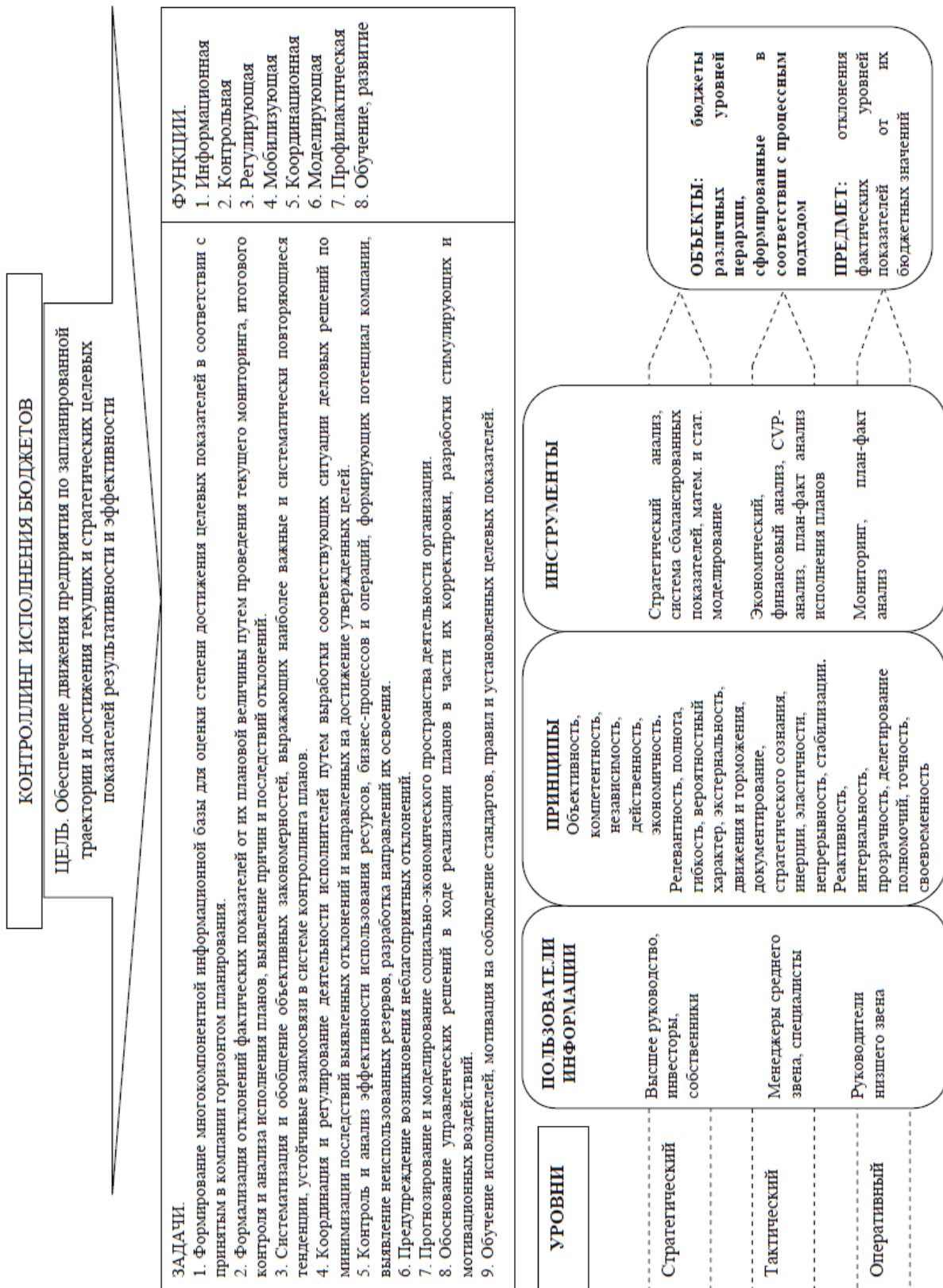

Рис. 1. Теоретические аспекты контроллинга исполнения бюджетов

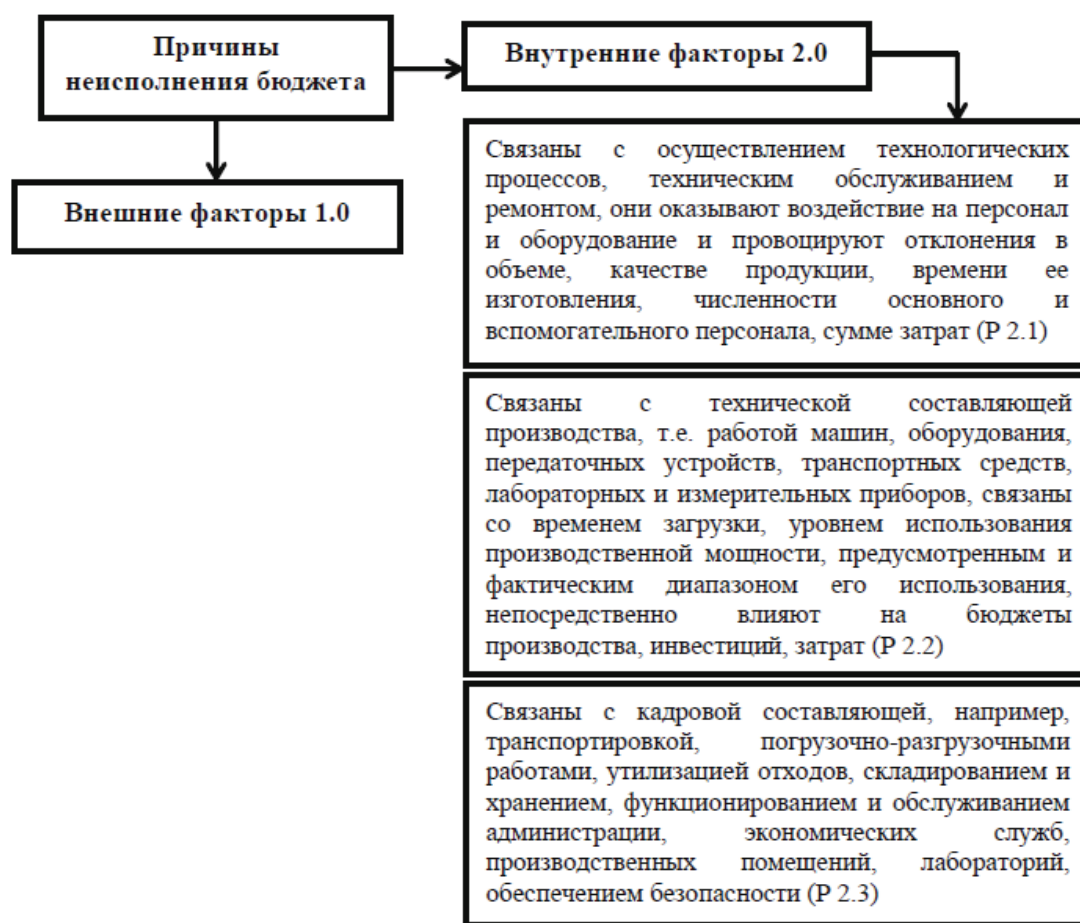

Рис. 2. Факторы неисполнения бюджета предприятиями пивобезалкогольного сектора производства

В условиях риск-ориентированного подхода можно предложить следующий подход к кодировке:

- первоначально закодировать виды деятельности (Производство напитков, Проекты, Управление, Экологическая деятельность и др.);
- расширить код вида деятельности «Производство напитков» кодом стадии: 11 — предпроизводственная, 12 — производственная, 13 — постпроизводственная;
- закодировать центры процессной ответственности, соблюдая шифры субстанциональных рисков (Р 1.0, Р 2.1, Р 2.2, Р 2.3);
- установить шифры процессов каждого центра процессной ответственности;
- сформировать коды действий для соответствующих процессов.

Отметим, что один и тот же центр процессной ответственности имеет разные субстанциональные риски в зависимости от вида деятельности и разную кодировку, что обеспечивает динамический подход к управлению рисками неисполнения бюджета.

Принципиальная схема организации управленческого учета в рамках контроллинга исполнения бюджетов предполагает, что учет расходов процессов снабжения организован на счете 10 «Снабжение», расходов предпроизводственной, производственной и постпроизводственной стадии на счетах 30, 31 и 32 соответственно. Далее нормативные затраты со счетов 30, 31 и 32 аккумулируются на счете 20 «Основное производство». Бюджетная себестоимость выпущенной партии продукции отражается на счете 43 «Готовая продукция». Расходы по управлению предприятием наряду с себестоимостью проданной продукции и выявленными отклонениями фактической суммы затрат от их плановой величины отражаются на счете 90 «Продажи», что позволяет определить финансовый результат.

Отчеты по итогам контроллинга исполнения бюджета формируются по уровням управленческой иерархии: операция, процесс, центр ответственности, вид и сфера деятельности, предприятие в целом. Отметим, что контроль исполнения бюджета операции должен быть организован по контрольным точкам.

Сложившаяся теория и практика проведения контроллинга исполнения бюджетов требует совершенствования по ряду направлений в связи со сменой направленности контрольных процедур. Одной из новаций по совершенствованию учетно-аналитического обеспечения контроллинга бюджетов является комплаенс. Появление новых форм взаимодействия экономических субъектов, в том числе и неправомερных с точки зрения законодательства, массы регламентирующих внешних и внутренних документов привела к необходимости осуществления контроля соблюдения регламентирующих норм и корпоративной этики в рамках контроллинга исполнения бюджета предприятия. Комплаенс — это комплекс процедур контроля и анализа, обеспечивающих выявление и ликвидацию рисков несоблюдения норм законодательства, стандартов, и возникающих вследствие этого рисков санкций со стороны регулирующих органов, возникновения существенного убытка, потери репутации. Его внедрение позволит выявить некомпетентность сотрудников в сфере федерального законодательства и отраслевых норм, внутренних регламентов, непрофессионализм, злоупотребления, манипуляции, способные нанести вред бизнес-репутации, финансовой состоятельности, вызвать существенные материальные, временные, финансовые, интеллектуальные, информационные, трудовые риски. В экономической сфере комплаенс-контроль позволяет избежать замораживания счетов, санкций в форме выездных налоговых проверок, штрафов, приостановления деятельности, отзыва лицензии, потери государственных заказов; в социальной сфере — предупредить и снизить ущерб жизни и здоровью сотрудников и потребителей, осуществить эффективное каскадирование ответственности; в сфере экологии — предотвратить и минимизировать вред окружающей среде. Актуальными направлениями комплаенс-контроля в России являются широкая профилактика коррупции, добросовестная конкуренция, экологическое ведение бизнеса. Внедрение комплаенс позволяет осуществлять управление с учетом требования осмотрительности, реализовать превентивную защиту как от циклических, так и от импульсивных рисков. Практика международных компаний свидетельствует, что эффективная организация комплаенс-контроля является гарантией защиты репутации, повышает уровень инвестиционной привлекательности и благонадежности организации, выступает дисциплинирующим, мотивирующим и обучающим фактором. Внедрение комплаенс-контроля в рамках контроллинга исполнения бюджета предусматривает ряд организационных мероприятий [8, 9]:

- 1) доработка карты рисков контроллинга бюджетов репутационными, экологическими, социальными, трудовыми рисками, выявляемыми в ходе комплаенс;
- 2) обучение и назначение ответственных за проведение комплаенс-контроля;
- 3) разработка внутреннего регламента реализации комплаенс-контроля;
- 4) обучение и назначение комплаенс-оффисера;
- 5) формирование этического комплаенса, основанного на ценностях организации, методологии набора персонала, его социализации и обучения, системе поощрений и вознаграждений, порядке увольнения и правовой поддержки сотрудников, базе тестирования и мониторинга для выявления рисков;
- 6) разработка отчетности по результатам комплаенс.

Для пивобезалкогольных предприятий введение комплаенса чрезвычайно актуально, так как, с одной стороны, репутация предприятия выступает основополагающим фактором успешности бизнеса и стабильности деятельности, с другой стороны, соблюдение технических регламентов пищевого производства определяет качество и безопасность продукции. Комплаенс-контроль основан на комплексном, предварительном контроле за внешними и внутренними событиями экономического субъекта, которые могут привести к возникновению нежелательных последствий в связи с несоблюдением норм и требований. Встроенный в систему предварительного контроля исполнения бюджетов комплаенс сводит к минимуму репутационные, экологические, правовые, операционные, налоговые и прочие риски, обеспечивает целостность самой организации и выполнение принципа непрерывности деятельности, способствует достижению целевых показателей компании, является залогом ее устойчивого развития в долгосрочной перспективе.

Другой современной тенденцией управления современной компанией является многократное ускорение разработки и внедрения инновационных проектов в области производства, маркетинга, сбыта, цифровизации бизнес-процессов. И в какой мере проект ускоряет процесс, в такой же мере усложняется организация эффективной работы в его рамках и проектный контроль. Одним из инструментов гибкого управления проектами является эджайл, основы которого заложены У. Ройсом. Контроллинг исполнения бюджетов проектов ведется по двум направлениям: контроль сроков исполнения проекта и контроль бюджета затрат проекта. Первое направление реализуется посред-

ством применения цифровых технологий, таких как Jira, Version One, YouGile, Worksection, Miro и ряд других, работающих по методологиям Lean, Scrum, Kanban [10, 11]. Контроль сроков исполнения проекта в представленных программах осуществляется визуально. Наиболее частая ошибка руководителя заключается в том, что, назначая ответственных за отдельные этапы проекта, не назначается контролирующее лицо, не очерчен круг его полномочий, формы и инструменты контроля, сроки предоставления отчетности по результатам контрольных процедур. Контроль и анализ исполнения бюджета проекта может быть выполнен двумя основными методами — традиционным и освоенного объема. Традиционный способ предполагает сравнение бюджетных затрат проекта с факти-

чески произведенными. Одним из очевидных его недостатков является отсутствие временной определенности между осуществлением работ по проекту и расходом различных ресурсов. Этого недостатка позволяет избежать применение метода освоенного объема, который предполагает расчет дополнительного показателя, показывающего в контрольной точке плановое количество ресурсов в расчете на фактически произведенный объем работ. Таким образом, проявляется возможность конструирования многомерного контроля и анализа исполнения проекта — по стоимости, времени и объему осуществленных работ одновременно. Формализованный отчет об исполнении бюджета проекта в соответствии с методом освоенного объема представлен в таблице 1.

Таблица 1

Отчет об исполнении проекта методом освоенного объема

Показатели	Расчет	Значение	
		За отчетный период	Нарастающим итогом
1. Исходные данные			
Общая стоимость проекта по бюджету, руб.	Данные соответствующего бюджета проекта	-	1340000
Затраты на проект по бюджету, руб.	Размер бюджетных затрат в соответствии с графиком реализации проекта	280000	584000
Освоенный объем, руб.	$Общая\ стоимость\ проекта\ по\ бюджету \times Доля\ освоенных\ ресурсов, \%$	$1340000 \times 20\% = 268000$	$1340000 \times 41\% = 549400$
Фактические затраты	-	205000	613000
2. Расчетные показатели			
Отклонение по стоимости	Бюджетная стоимость — Фактические затраты	$280000 - 205000 = +75000$	$584000 - 613000 = -29000$
Отклонение по срокам	Освоенный объем — Бюджетная стоимость	$268000 - 280000 = -12000$	$549400 - 584000 = -34600$
Индекс выполнения стоимости	Освоенный объем: Фактические затраты	$268000 : 205000 = 1,307$	$549400 : 613000 = 0,896$
Индекс выполнения сроков	Освоенный объем: Бюджетная стоимость	$268000 : 280000 = 0,957$	$549400 : 584000 = 0,941$

Данные, приведенные нарастающим итогом, свидетельствуют об устойчивой тенденции перерасхода средств, отставания от графика реализации проекта и объема работ. Данные, приведенные за отчетный период, позволяют своевременно выявить возникающие отклонения и на основе подобного мониторинга разработать корректирующие текущую деятельность мероприятия. Кроме приведенных показателей оценки исполнения проекта можно использовать и ряд других. Например, возможно оценить конечную стоимость проекта, исходя из затрат ресурсов и времени на текущую дату. Прогнозирование затрат осуществляется по оптимистическому и пессимистическому варианту (табл. 2). Прогнозное отклонение величины затрат проекта по оптимистическому варианту составит

$1495366 - 1340000 = +155366$ руб., по пессимистическому — $1550690 - 1340000 = +210690$ руб.

Кроме стоимостных показателей важны показатели, отражающие прогнозное временное состояние проекта — сокращение сроков реализации или, напротив, задержка (табл. 3). Прогнозное отклонение времени реализации проекта по оптимистическому варианту составит $34 - 30 = +4$ дня, по пессимистическому — $36 - 30 = +6$ дней. Таким образом, методика освоенного объема, дополненная показателями прогнозной величины и сроков реализации проекта, способствует организации более детального и действенного контроля над осуществлением проекта с трех позиций — стоимости, сроков и объемов работ, логично вписывается в методику эджайл.

Таблица 2

Прогнозирование затрат проекта в ходе контроллинга исполнения его бюджета

Вариант прогноза	Расчет, значение
Оптимистический	$\frac{\text{Общие бюджетные затраты} - \text{Освоенный объем}}{\text{Индекс выполнения стоимости}} + \text{Фактические затраты} =$ $= \frac{1340000 - 549400}{0,896} + 613000 = 1495366 \text{ руб.}$
Пессимистический	$\frac{\text{Общие бюджетные затраты} - \text{Освоенный объем}}{\text{Индекс выполнения стоимости} \times \text{Индекс выполнения сроков}} + \text{Факт. затраты} =$ $= \frac{1340000 - 549400}{0,896 \times 0,941} + 613000 = 1550690 \text{ руб.}$

Таблица 3

Прогнозное время завершения проекта

Вариант прогноза	Расчет, значение
Оптимистический	$(\text{Бюджетн. время проекта} - \text{Время освоен. объема}) + \text{Факт. время} =$ $= 30 - 14 + 18 = 34 \text{ дня}$
Пессимистический	$\frac{\text{Бюджетное время проекта} - \text{Время освоенн. объема}}{\text{Индекс выполнения сроков}} + \text{Факт. время} =$ $= \frac{30 - 14}{0,941} + 18 = 36 \text{ дней}$

Предложенные направления развития контроллинга исполнения бюджетов отражают специфику предприятий пивобезалкогольного сектора производства и сложность бизнес-процессов в связи с многочисленными стандартами производства и продажи пищевой продукции, учитывают значительное количество внешних и внутренних рис-

ков, влияние которых должно быть проконтролировано. Применение же данного методического инструментария контроллинга исполнения бюджетов способствует его алгоритмизации, формирует достаточный и необходимый объем контроля и анализа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Vorozhbit Elena G., Vyskrebentseva Anna S., Laskina Maria V. The use of margin analysis for management decision-making in the baking industry // Revista ESPACIOS. 2019. No. 10. Pp. 40–45.
2. Vorozhbit E. G., Bakhireva A. A. Economic aspects of measuring technological processes. // Journal of Physics: Conference Series. 2020. Vol. 1515 (3).
3. Emmanuel C., Otley D. Accounting for Management Control. London, 1995. 385 p.
4. Хахонова Н. Н. Развитие методологии контроллинга // Наука и мир. 2013. № 1. С. 88–105.
5. Spranzi A. Introduzione allo studio della variabilità dei costi di produzione. A. Giuffrè. Milano, 1964. 459 p.
6. Upchurch A. Management Accounting: principles and practice. London, 2005. 413 p.
7. Гареев Б. Р. Моделирование как метод бухгалтерского управленческого учета и контроллинга // Управленческий учет. 2013. № 8. С. 51–58.
8. Баева Н. Б., Куркин Е. В. Обобщение методов построения интегральных оценок качества на основе трудности достижения цели // Вестник Воронежского государственного университета. Воронеж, 2011. № 11. С. 84–92.
9. Берколайко М. З., Каширина И. Л., Иванова К. Г. Исследование D-оценок Руссмана для управления портфелем активов // Вестник Воронежского государственного университета. 2004. № 2. С. 151–159.
10. Бодрова Е. Е. Организация управления промышленными предприятиями на базе системы контроллинга: монография. Смоленск, 2011. 148 с.

11. Львович Я. Е., Каширина И. Л. Математическое моделирование оценок риска допусковых границ в процессе испытаний технических систем // *Фундаментальные исследования*. 2019. № 10–15. С. 3347–3351.

REFERENCES

1. Vorozhbit Elena G., Vyskrebentseva Anna S., Laskina Maria V. The use of margin analysis for management decision-making in the baking industry // *Revista ESPACIOS*. 2019. No. 10. Pp. 40–45.
2. Vorozhbit E. G., Bakhireva A. A. Economic aspects of measuring technological processes // *Journal of Physics: Conference Series*. 2020. Vol. 1515 (3).
3. Emmanuel C., Otley D. *Accounting for Management Control*. London, 1995. 385 p.
4. Khakhonova N. N. Development of controlling methodology // *Science and Peace*. 2013. No. 1. Pp. 88–105.
5. Spranzi A. *Introduzione allo studio della variabilità dei costi di produzione*. A. Giuffrè. Milano, 1964. 459 p.
6. Upchurch A. *Management Accounting: principles and practice*. London, 2005. 413 p.
7. Gareev B. R. Modeling as a method of accounting management accounting and controlling // *Management accounting*. 2013. No. 8. Pp. 51–58.
8. Baeva N. B., Kurkin E. V. Generalization of methods for constructing integral quality assessments based on the difficulty of achieving the goal // *Bulletin of the Voronezh State University*. Voronezh, 2011. No. 11. Pp. 84–92.
9. Berkolajko M. Z., Kashirina I. L., Ivanova K. G. A study of Russman's D-valuations for asset portfolio management // *Bulletin of the Voronezh State University*. 2004. No. 2. Pp. 151–159.
10. Bodrova E. E. *Organization of management of industrial enterprises on the basis of a controlling system: monograf* / ed. by E. E. Bodrova. Smolensk, 2011. 148 p.
11. Lvovich Ya. E., Kashirina I. L. Mathematical modeling of risk assessments of tolerance limits in the process of testing technical systems // *Fundamental research*. 2019. No. 10–15. Pp. 3347–3351.

Поступила в редакцию: 29.12.2021.

Принята к печати: 07.03.2022.

МАРКЕТИНГ: ФУНКЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ИЛИ ФИЛОСОФИЯ БИЗНЕСА?

В. И. Беляев

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Рассматриваются вопросы, касающиеся как собственно определений маркетинга (маркетинг — функция управления и/или философия бизнеса, или то и другое вместе), так и содержания маркетинговых задач в контексте философских категорий, если рассматривать маркетинг как философию бизнеса. В статье представлены результаты контент-анализа определений маркетинга, характеризующие его как философию бизнеса и/или как функцию управления. Из анализа определений и объяснений содержания маркетинга установлено, что маркетинг в основном представляется как функция управления предприятием; в контексте же философских категорий, при объявлении его философией, он, тем не менее, практически не рассматривается. Вместе с тем философский аспект представления маркетинга при соответствующей его проработке может существенно обогатить теорию, методологию и практику маркетинга. Полученные выводы позволили автору сформулировать направления дальнейших исследований, ориентированных на использовании философских концепций и категорий, в объяснении сущности маркетинга, содержания его функциональных задач, что позволяет не только получать предприятиями коммерческую и финансовую выгоду посредством удовлетворения нужд и потребностей людей, но и решать общественные потребности в форме обеспечения пропорциональности между производством и потреблением в развитии общества. Предлагается определять маркетинг и как функцию управления предприятиями, что обеспечивает последним получение прибыли, и как философию бизнеса, что позволяет решать и социально-экономические проблемы общества.

Ключевые слова: маркетинг, функция управления, философия бизнеса, философские категории, сущность, явление, противоречия, диалектика.

MARKETING: A MANAGEMENT FUNCTION OR A BUSINESS PHILOSOPHY?

V. I. Belyaev

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article considers issues related to both definitions of marketing (marketing as a management function and / or a business philosophy, or both) and the content of marketing tasks in the context of philosophical categories if we consider marketing as business philosophy. The article presents the results of analysis of marketing definitions, describing it as a philosophy of business and/or as a management function. From the analysis of definitions and explanations of the content of marketing, it has been established that marketing is mainly presented as a function of management; in the context of philosophical categories, when it is declared as a philosophy, it is, nevertheless, practically not considered. At the same time, the philosophical aspect of marketing, if properly worked out, can significantly enrich the theory, methodology and practice of marketing. The conclusions allowed the author to formulate directions for further research, focused on the use of philosophical concepts and categories in explaining the essence of marketing, the content of its functional tasks, which allows enterprises not only to receive commercial and financial benefits by meeting the needs and requirements of people, but also to solve social needs in the form of ensuring proportionality between production and consumption in the development of society. It is proposed to define marketing both as a function of enterprise management, which provides the latter with a profit, and as a business philosophy, which allows solving social and economic problems of society.

Keywords: marketing, management function, business philosophy, philosophical categories, essence, phenomenon, contradictions, dialectics.

Введение. В современной учебной и научной литературе, посвященной содержанию маркетинговой деятельности, маркетинг зачастую определяют как философию бизнеса, предприятия или рынка в целом. При этом функциональное предназначение маркетинга, объективно обусловленное рыночными отношениями, некоторые авторы иногда игнорируют (замалчивают), а иногда даже и отвергают, как устаревшее, характерное только для начальной стадии промышленного развития общества. Что же касается собственно философии, то представляя маркетинг в этой ипостаси, авторы не дают сколько-нибудь подробных объяснений (констатаций) того, в чем, собственно, проявляется его философия; или, по-другому, в чем проявляется содержание маркетинга в контексте философских категорий. Более того, после объявления маркетинга философией бизнеса во многих подобных определениях в разных вариациях идет представление его как функции управления предприятием. В итоге получается парадокс: маркетинг — это как бы философия, но философия без философии, ибо объяснений, в чем именно проявляется философия в маркетинге, в этих определениях нет.

Неоднозначность в определениях маркетинга, отсутствие объяснений его как философии бизнеса, и побудило автора взяться за разработку темы соотношения в понятии «маркетинг» философских и управленческих функциональных начал.

Маркетинг — философия или функция управления? Есть ли дискуссия по этому поводу или ее нет? Первые предложения по определению маркетинга не только как функции управления предприятием — а иногда и вовсе не как функции, а исключительно как философии бизнеса — появились во второй половине прошлого века. Об этом, в частности, свидетельствует М. Бейкер, редактор большого сборника статей зарубежных ученых с мировым именем, изучающих проблемы маркетинга. В статье «Маркетинг — философия или функция?» [1, с. 17–34] он отмечает, что в 1993 г. на Британской научной конференции обсуждались, в том числе, и результаты выполненного группой авторов контент-анализа определений маркетинга с целью установления доминирующих в них тем, отражающих сущность маркетинга. Итогом исследования стала классификация определений маркетинга, выполненная по признаку отражаемых в них тем, предметов, на которые направлена маркетинговая деятельность. Выделено пять типов (классов) тем маркетинга (предметов маркетинговых воздействий), наиболее часто используемых авторами при формулировании его определений:

1) цели маркетинга предприятий;

- 2) взаимоотношения субъектов рынка и их природа;
- 3) результаты маркетинговой деятельности предприятий;
- 4) прикладные аспекты маркетинга (сферы приложения маркетинга);
- 5) определение маркетинга либо как функции управления, либо, напротив, как философии бизнеса [1, с. 30].

Первые четыре типа определений нельзя назвать дискуссионными; в них подчеркиваются близкие по содержанию аспекты маркетинга, которые объективно присущи его природе, как одной из функций управления. Противопоставлений используемых в этих определениях понятий, категорий, что только и могло бы вызвать дискуссию, нет. При этом в определениях, представляющих маркетинг как функцию управления, указываются либо объекты управленческих воздействий, либо их цели; довольно часто в них указываются присущие этой отрасли знаний научные понятия, категории и др. В общем, приводятся доказательные аргументы того, что маркетинг является функцией управления предприятием (даже если при этом слово «функция» и не употребляется вовсе).

Дискуссионным, правда с большой натяжкой, по этой классификации можно назвать определение, относящиеся к ее последнему классу; в них маркетинг как функция противопоставляется маркетингу как философии бизнеса (или функция сопоставляется с философией). Собственно, и название статьи М. Бейкера отражает наличие этого противопоставления; да и в тексте статьи он упоминает об этом. Других же дискуссионных признаков, а именно суждений, умозаключений с представлением противоположных аргументов нет. Таким образом, и полноценной дискуссии в принципе нет. Есть просто два противоположных толкования, что собой представляет маркетинг — функцию управления или философию бизнеса. При этом следует подчеркнуть: если в определениях маркетинга как функции доказательные аргументы того, что это действительно функция, есть, аргументов же, доказывающих, что маркетинг — философия бизнеса — нет. Получается, представления маркетинга в качестве философии бизнеса являются не более чем декларацией.

Свидетельства о наличии декларативных утверждений по поводу того, что собой представляет маркетинг — функцию управления или философию бизнеса — можно обнаружить и в других, как более ранних, так и более поздних публикациях, предметом которых является вопрос о содержании маркетинга. Так, в частности, еще в одном, тоже большом и солидном сборнике статей ведущих зарубежных ученых, внесших существенный вклад

в теорию, методологию и практику маркетинговой деятельности, который называется «Классика маркетинга», первый раздел назван «Философия маркетинга» [2, с. 9–158]. Казалось бы, в разделе с таким названием вопросы философии этой сферы деятельности должны подробно рассматриваться; или хотя бы упоминаться некоторые философские категории, на которых зиждется теория и практика маркетинга. Однако, как показывает контент-анализ текста всех восьми входящих в состав раздела статей, даже слово «философия» не упоминается ни в их названиях, ни в текстах (слово «философия» упоминается только один раз, в названии самого раздела). Нет упоминаний и о философских понятиях и категориях, в которых проявляется или мог бы проявляться маркетинг. Все статьи, входящие в этот раздел, представляют собой теоретический базис, на основе которого выстраивается методология и методы решения конкретных функциональных задач, направленных на получение предприятиями коммерческого успеха на рынке посредством удовлетворения нужд и потребностей людей на более высоком потребительском уровне, чем это делают конкуренты. И никакой философии в этих статьях нет. Раздел обозначен как философский, а места для философии в его статьях не нашлось. Обидно за философию. Она не заслуживает такого отношения к ней.

В отечественной литературе также нередко можно встретить употребление слова «философия» в названиях глав и параграфов учебников, учебных пособий, тогда как ни собственно слово «философия», ни философские понятия и категории в их текстах не встречаются. В некоторых публикациях термин «философия» встречается один раз; в определениях, где маркетинг объявляется либо философией бизнеса, либо вообще философией социально-экономической системы, либо даже философией XXI в. объявляется также бездоказательно, в форме тривиальной декларации — и не более.

Несмотря на то, что в определениях маркетинга, представляющих его как философию, нет никаких тому доказательств, сам подход наделения маркетинга философским содержанием следует признать верным. Маркетинг, безусловно, больше, чем функция; он и философия тоже. Но в чем заключается его философское содержание? Вопрос остается открытым; его надо прояснить. Важно установить роль и значение философии в маркетинговой деятельности бизнес-структур, и не только для объяснения содержания маркетинга; важно понять и воспринять возможность использования конкретных философских категорий и понятий в обосновании маркетинговых решений, приводящих не просто к повышению уровня доходности бизнес-организаций, применяющих квалифициро-

ванный маркетинг, но и к улучшению положения дел в практике общественного бытия.

Сопоставление и противопоставление понятий «функция управления» и «философия бизнеса» в определениях маркетинга. Если контент-анализ содержания определений маркетинга по классификации, представленной в статье М. Бейкера [1], направить только на определения пятого класса (см. выше), то есть сосредоточить аналитический взгляд только на определениях, в которых в качестве ключевых используются понятия «функция управления», «философия бизнеса», то в структуре этого класса четко выделяются три самостоятельных подкласса. Другими словами, можно говорить о трех типах определений, в которых используются, сопоставляются либо противопоставляются функция управления и философия:

- 1) маркетинг — функция управления предприятием;
- 2) маркетинг — и функция управления предприятием, и философия бизнеса;
- 3) маркетинг — философия бизнеса.

Содержание каждого типа определений можно представить на конкретных примерах некоторых из них.

Маркетинг как функция управления. У истоков зарождения маркетинга в этой ипостаси, по свидетельству многих зарубежных и отечественных публикаций, стоит американский инженер-изобретатель и предприниматель Сайрус Маккормик (1809–1884), создавший многие механизмы для сельскохозяйственных работ (например, жатки на конной тяге для фермеров) и разработавший систему продвижения их в среду заинтересованных приобретателей. Ему в то непростое время нужно было не только разработать новые товары, которые прежние нужды фермеров в уборке урожая удовлетворяли на более высоком потребительском уровне по сравнению с прежней технологией ручного труда, но и наладить систему продвижения этих новых товаров к его потенциальным потребителям, организовав производство принципиально новых товаров для определенного рынка, создав сеть региональных представительств своей фирмы и наладив систему консультационного сопровождения и сервисного обслуживания новых и обычных для того времени изделий, С. Маккормик, таким образом, внедрил в систему управления своим предприятием и новую функцию, которую впоследствии стали называть маркетингом. Можно сказать, что он создал и первую в мире действующую и действенную систему маркетинга (сделал он это без использования термина «маркетинг», поскольку его еще не было). Функциональными задачами этой системы были: разработка товаров, потребительские свойства которых позволяли решать

задачи покупателей (потребителей) более результативно и эффективно; продвижение этих новых товаров к рынкам сбыта; организация его продаж на взаимовыгодных условиях; послепродажное обслуживание проданных товаров. Взаимосвязанные и взаимодополняющие решения этих задач в их системном единстве и на постоянной основе и есть маркетинг, как одна из функций управления предприятием. И многие современные определения, в различных вариациях, с использованием разных базовых понятий, с уподоблением маркетинга социальному процессу, инструментарию взаимодействий субъектов рынка, иногда без использования термина «функция», именно как функцию его и представляют. Так одно из, пожалуй, самых известных определений маркетинга Ф. Котлера «маркетинг — вид человеческой деятельности, направленный на удовлетворение нужд и потребностей людей посредством обмена» [3, с. 47] представляет его именно как функцию управления предприятием, направленную, в конечном итоге, на свершение субъектами рынка взаимовыгодных обменных процедур.

Маркетинг — функция управления предприятием и философия бизнеса. Такие определения стали появляться в последней четверти прошлого века. Их много. Можно остановиться только на некоторых из них. Так, в популярном учебнике профессора Г. Л. Багиева и его соавторов предложено следующее определение маркетинга: «Маркетинг — это философия и инструментарий взаимодействия хозяйствующих субъектов социально-экономической системы по поводу изучения, создания, воспроизводства и удовлетворения спроса конечных потребителей, их потребностей в товарах и услугах с целью получения прибыли или достижения иных результатов» [4, с. 22]. Определение с точки зрения содержания инструментария подробное, можно сказать, исчерпывающее. Из него следует, что маркетинг, как инструментарий взаимодействия субъектов рынка, предполагает решение конкретных функциональных задач, связанных с исследованием рынков, разработкой потребительных свойств товаров, формированием отношений и др. Таким образом, маркетинг, объявленный философией, на деле проявляет себя как функция управления.

Похожее определение предложил и профессор И. С. Березин. «Маркетинг — это философия бизнеса, основанная на систематическом изучении рынка (поведения потребителей, каналов сбыта, конкуренции) с целью разработки и реализации эффективных стратегий, направленных на прогнозирование и удовлетворение потребностей фирм, домохозяйств и физических лиц, учреждений, общественных объединений» [5, с. 18]. Определение, также точное, полное и представляющее маркетинг,

объявленный философией бизнеса, в его функционально-инструментальной ипостаси. Кроме отражения в нем содержания маркетинговой деятельности как функции управления, в нем отражена и функциональная структура самого маркетинга. Так, в частности, в явном виде в определении обозначены исследовательская («систематическое изучение рынка») и сбытовая (с обозначением отдельных задач сбыта) функции маркетинга. В неявном виде обозначена и функция управления производством, ибо разработка стратегии маркетинга, отмеченная в определении, не может не включать в себя стратегическое планирование производства (планирование — тоже присущая маркетингу совокупность функциональных задач) того, что люди будут покупать для удовлетворения своих объективно обусловленных нужд и субъективных потребностей. Получается, что эти два определения объясняют маркетинг как функцию, хотя и начинаются они с представления его как философии бизнеса. Поскольку в приведенных определениях (как, впрочем, и во многих подобных), философские категории не затронуты, то можно констатировать, что философия в них только обозначена; объяснений, в чем конкретно выражается собственно философия, ее отдельные категории, в них нет. И другие подобные определения философию тоже только декларируют, не объясняя даже в общих чертах, в чем, собственно, она — философия — в маркетинге (или в бизнесе вообще) проявляется.

Есть определения, хотя их и немного, в которых маркетинг представляется исключительно как философия. Так, профессор Г. Г. Абрамишвили утверждает, что «сегодня маркетинг — это своеобразная философия ведения деловых операций» [4, с. 22]. Однако это вовсе не означает, что автор игнорирует функциональную составляющую маркетинга. Еще в 1976 г. он, со ссылкой на зарубежных ученых, определял маркетинг посредством перечисления его функциональных задач. «... Маркетинг включает следующие виды деятельности: исследование рынка и комплекса проблем, связанных с осуществлением маркетинга, — ценообразования, упаковки, транспортировки, рекламы, сбыта, обслуживания потребителей. Кроме того, маркетинг как понятие включает различные институты (в основном оптовую и розничную торговлю), которые вовлечены в процесс продвижения товаров и услуг от производителей к потребителям» [6, с. 18].

В литературе есть много и других подобных определений маркетинга, которые, как в прокрустово ложе, четко укладываются в классификацию определений по признакам соотношения (или противопоставления) маркетинга как философии бизнеса, и маркетинга как функции управления. Они похожи и отличаются друг от друга только терми-

нологией. Поэтому представлять их все особой необходимости нет. Можно ограничиться только приведенными выше в качестве представителей каждого из трех выделенных классов.

Итогом данного блиц-контент-анализа определений маркетинга в разрезе предложенной классификации можно назвать следующие положения:

1. Обозначение маркетинга как философии бизнеса без использования собственно философских категорий позволяет судить о том, что философия в таких случаях используется в ее обыденном понимании. (Так, характеризуя оригинальный образ мышления какого-нибудь человека, иногда могут сказать, что такова его жизненная философия. Это обыденное понимание философии). Но поскольку в определениях маркетинга речь идет отнюдь не об обыденной жизни, а о науке, то и подход должен быть соответствующим — научным; а никак не обыденным. Имеется в виду не только использование в определениях маркетинга философских понятий, но и в объяснениях их смысла также следует опираться на философские категории, суждения, концепции, если маркетинг определяется как философия. Так, И. С. Березин, определив маркетинг как философию, в объяснении поступательного развития теории маркетинга, его концептуальной эволюции, упоминает диалектическую триаду Г. В. Гегеля (1770–1831) — тезис, антитезис, синтез [5, с. 20]. Однако одного упоминания мало; если маркетинг — философия, то должно быть не просто упоминание каких-либо ее отдельных концептуальных положений, хотя и это уже хорошо, а предметное развитие их применения как к объяснению содержания маркетинга, так и к практике их применения в маркетинговой деятельности.

2. Поскольку «все течет, все меняется..., ничего не остается на месте..., и нельзя дважды войти в одну и ту же реку» [7, с. 39–40], как утверждал Гераклит из Эфеса (535–475 гг. до н. э.), не может не меняться и теория маркетинга. И одним из направлений ее развития следует признать обогащение содержания маркетинговой науки в направлении движения маркетинговой мысли от простейших механизмов управления предприятиями к осмыслению, осознанию и восприятию теории, методологии и практики маркетинга как философии социально-экономических взаимодействий по поводу удовлетворения нужд и потребностей людей на взаимовыгодных условиях производителей товаров и их потребителей, а также и во благо общественному развитию.

3. Следует признать, что авторы, представляющие маркетинг и как философию, и как функцию управления (инструментальную, методическую составляющие этой функции, др.), правы. Маркетинг

сочетает в себе, с одной стороны, функциональную направленность и содержательность задач, процедур и действий предприятий на рынках и, с другой стороны, философский смысл общественного бытия (и отнюдь не в обыденном понимании философии). Или, по-другому, философия маркетинга может (и должна) проявить себя в формировании маркетингового образа мышления, как на полюсе производителей-продавцов, так и на полюсе покупателей-потребителей, обретающих в обменных процедурах каждый свою выгоду, с одной стороны; и, с другой стороны, философского осмысления маркетингологами и бизнесменами роли, возможностей и предназначения маркетинга как функции управления предприятиями в развитии всего общества. Другими словами, маркетинг, благодаря философскому его представлению и восприятию бизнесменами и обществом в целом, должен проявлять себя не только как функция управления предприятием, но и как общественная функция, направленная на упорядочение общественного бытия.

4. Что касается функциональной составляющей определений маркетинга, она хорошо и полно (исчерпывающе) представлена во множестве определений, в которых маркетинг представляется либо как функция, либо как философия и функция вместе. Однако этого никак нельзя сказать про его философскую составляющую. Гераклит из Эфеса говорил, что «нужно, чтобы люди, занимающиеся философией, о многом были хорошо осведомлены» [7, с. 41]. Это означает, в том числе, и то, что использование философских концептов в любой прикладной науке, и маркетинг здесь не может быть исключением, должно опираться на широкую и глубокую осведомленность представителей этой прикладной науки в определенных (соответствующих) основных понятиях философии. Таких, например, как бытие и сознание, детерминизм, сущность и явление, познание, методология и методы познания, диалектика, законы диалектики, общество как объект познания, природные основы общественной жизни, философские проблемы экономической жизни общества, др.

Таким образом, если маркетинг в определениях представлять не только как функцию управления предприятиями, но и как философию бизнеса, или даже как социально-экономических процессов, проистекающих в обществе, маркетингологи (как ученые, так и практики) в структуре философского знания должны выделить конкретные области, которые прямо и непосредственно могут и должны быть использованы в развитии теории и методологии маркетинга в контексте его роли и места в решении не только проблем предприятий, но социально-экономических проблем общества. Это необходимо сделать для того, чтобы на практике мар-

кетинг, как функция управления, решал и задачи предприятий и отдельных групп потребителей, и, как философия социально-экономических общественных систем, обеспечивал решение и проблем развития общества.

Философия: определение и содержание задач. Во многих изданиях подчеркивается, что маркетинг — синтетическая наука; она включает в себя знания экономической теории, социологии, психологии [5, с. 22]. Следует отметить, что маркетинг использует также знания теории вероятности и математической статистики, общей теории статистика, теории систем. А поскольку маркетинг стали определять и как философию бизнеса, в структуру знаний, на которые он опирается, теперь следует включать и философские.

Прежде чем обозначить возможные направления использования философии в определении содержания и предназначения маркетинга, его отдельных концептуальных понятий и практических процедур, нужно определиться с содержанием собственно философии; с тем, что она представляет собой, как самостоятельная область знаний.

Многие учебники по философии начинают с определения этой области знаний на основе этимологии самого слова «философия». В переводе с древнегреческого философия означает любовь к мудрости (*phileo* — любовь, люблю; *sophia* — мудрость). «Жизнь подобна играшкам: иные приходят на нее состязаться, иные — торговать, а самые счастливые — смотреть; так и в жизни иные, подобные рабам, рождаются жадными до славы и наживы, между тем как философы — до единой только истины» [8, с. 10]. Так, по свидетельству Диогена Лаэртского (приблизительно 412–323 гг. до н. э.), определил философию Пифагор (около 570–490 гг. до н. э.). Двадцать пять веков прошло с тех пор — определение не изменилось. Не изменилось и содержание основных вопросов, составляющих предмет философских поисков, направленных постижение истины. Профессор В. П. Ратников, определив философию как «учение об общих принципах бытия, познания и отношения человека и мира» [8, с. 12], выделил комплекс задач, решаемых философией.

1. Исследование общих вопросов бытия, понимаемого в очень обобщенном виде (бытия или небытия). Бытие, в свою очередь, может быть материальным и идеальным. Выделяют бытие природы, общества, человека. Философское учение о бытии называют онтологией (от греч. *ontos* — сущее и *logos* — учение), учением о существовании.

2. Исследование общих вопросов познания. Здесь ведется поиск ответов на следующие вопросы. Познаваем или непознаваем мир? Возможно ли познание мира вообще? Каковы цели и методы по-

знания? В чем заключается сущность процесса познания? Что представляют собой объект и предмет познания? Что собой представляет истина? Философское учение о познании называют гносеологией (от греч. *gnosis* — знание, *logos* — учение).

3. Исследование сущностных вопросов человека, ибо именно человек является исходным и конечным пунктом бытия и познания. Этот раздел называется философской антропологией.

4. Исследование общих вопросов функционирования и развития общества. Здесь речь идет о познании сущностных аспектов влияния общества на развитие личности и отдельных групп людей, участия их в общественной жизни. Этот раздел получил название социальной философии.

Эти четыре блока, в общем и целом, описывают содержание общечеловеческих задач, решаемых философией. И каждая сфера человеческой деятельности может быть преломлена через призму этих задач с целью более глубокого познания ее сущностного содержания, то есть более глубокого понимания скрытых неочевидных ненаблюдаемых непосредственно свойств, характеристик, причин существования, функционирования, трансформации (развития или деградации) этой конкретной сферы деятельности. Поэтому если маркетинг определять как философию такой сферы общественной жизни как бизнес, или, возможно, даже шире, чем только бизнес, то содержание его задач надо представлять в свете онтологии, гносеологии, философской антропологии, социальной философии. В этом случае маркетинг как одна из определяющих деятельность предприятий функций управления, направленная на получение прибыли посредством удовлетворения нужд и потребностей людей, трансформируется в средство общественного развития, обеспечивая решение общественных нужд и потребностей.

Маркетинг как функция управления и как философия бизнеса. Одно из подобных суждений высказала профессор О. А. Третьяк. Так, в частности, она отмечает, что ее «авторская позиция... базируется на понимании маркетинга... как некоего механизма регулирования, балансировки производства и потребления в отдельно взятом товарном потоке. Маркетинг не является простым набором или совокупностью методов и приемов управления. Эти последние представляют собой лишь поверхностные проявления некоего социально-экономического явления, именуемого маркетингом. Маркетинг — определенная форма разрешения противоречий производства и потребления как моментов воспроизводственного процесса. И на различных ступенях эволюции рыночных отношений правомерно рассматривать маркетинг как конкретизированную форму взаимосвязи и со-

гласования пропорций производства и потребления» [9, с. 5]. О. А. Третьяк в своем определении маркетинга не употребила термин «философия». Но в отличие от тех определений, в которых он представлен в качестве ключевого, именно о философии она и ведет речь.

Действительно, предложенный О. А. Третьяк подход к определению маркетинга имеет под собой философскую основу; это обобщающий взгляд, то есть это взгляд на маркетинг не только с точки зрения предприятия, но и с позиции общества. Здесь автор рассматривает маркетинг как «новую предпринимательскую философию, систему взглядов на современное рыночное производство» [9, с. 3], обеспечивающих гармоничное взаимодействие личности, групп людей (предприятий) и общества в целом (задача философии 4, социальная). В такой ипостаси маркетинг направлен на развитие общественного бытия (задача философии 1, онтологическая) посредством, в том числе, и проведения маркетинговых исследований (задача философии 2, гносеологическая). А в итоге все это делается для человека (задача философии 3, антропологическая), в самом широком понимании категории «человек»; то есть не только с точки зрения индивидуальных или групповых нужд и потребностей людей, но и нужд общества в целом. Одним из очевидных признаков того, что это определение представляет маркетинг в качестве философии бизнеса, является представление его как «формы разрешения противоречий производства и потребления». Это в чистом виде диалектика бизнеса, согласно которой разрешение такого рода противоречий посредством применения маркетингового инструментария на предприятиях, согласно принципам диалектики, придаст импульс общественному развитию. Еще одним понятием, которое использовано в определении О. А. Третьяк и которое можно отнести к категории философских, следует назвать понятие «рыночные отношения», используя которое, маркетинг способствует «согласованию пропорций производства и потребления». Дело в том, что общественные отношения представляют собой внутреннее неочевидное содержание в форме мнений, суждений, намерений, проявляющихся в общественном поведении. Сущность и явления — философские категории. Их диалектическое единство с точки зрения скрытой неочевидной ненаблюдаемой в непосредственных исследованиях сущности, которая проявляется в очевидных явных явлениях в контексте содержания проблем экономики, хорошо представил профессор С. С. Дзарасов (1928–2015): «Экономическая деятельность... является самой сложной и противоречивой. К ней вполне применимо сравнение с айсбергом, семь восьмых которого находится под водой. То, что мы прямо на-

блюдаем в экономической жизни, — это лишь видимая, надводная часть экономического айсберга, остальное скрыто под водой, причем для научного понимания картины именно эта часть важнее всего. Возьмем самый простой пример покупки товара. Если ограничиться видимой стороной дела, то никаких загадок здесь нет. Между тем в научном отношении за актом продажи и покупки товара скрывается целый мир сложных проблем. Кто, на каких условиях произвел данный товар, каких усилий и труда стоило его производство, насколько цена соответствует этим усилиям и потребительским свойствам вещи, кому какая часть цены досталась по длинной цепочке от производителя до потребителя и т. д. Покупателя все это занимает мало, но науку интересует именно это» [10, с. 220–221]. Следует подчеркнуть, что все эти вопросы, отмеченные С. С. Дзарасовым, интересуют не только экономику как фундаментальную науку, но и многие ее прикладные отрасли. И не в последнюю очередь, естественно, маркетинг — и как науку, и как практику. Познание, посредством наблюдений за поведением людей, как за очевидными явлениями, в том числе и в процессах производства, обмена и потребления товаров, позволяет понять скрытую от прямого взгляда неочевидную сущность именно такого поведения людей на рынках, которое сложилось, которое решает коммерческие и финансовые проблемы предприятия и которое формирует пропорции производства и потребления, решая общественные проблемы. О. А. Третьяк, решая эту задачу, синтезировала философские знания с экономическими, точнее, со знаниями экономической теории. В итоге получилось оригинальное определение маркетинга, представляющее маркетинг и как функцию управления бизнесом, и как философию бизнеса. Такой подход к объяснению содержания маркетинга позволяет глубже проникнуть в его скрытую неочевидную сущность, познать ее не только в проявлениях отношений производителей и потребителей, но и во взаимодействиях человека и предприятий с обществом в целом.

Исходя из вышеизложенного, маркетинг предлагается определять и воспринимать как функцию управления, способную создавать для конкретного бизнеса возможности получения прибыли посредством удовлетворения нужд и потребностей людей, и как философию этого же самого бизнеса, направленную на решение общественных проблем, обеспечивающих гармонизацию производства и потребления в национальной экономике.

Заключение. Данная статья открывает серию публикаций, которую автор намерен посвятить развитию теории, методологии и методов маркетинга, рассматриваемых не только с точки зрения

содержания функциональных задач, но и через призму категорий философии, экономической теории, теории систем (возможно и других наук). В последующих статьях предусмотрено рассмотреть вопросы развития теории маркетинга примени-

тельно к решению конкретных проблем производства и потребления товаров не только с позиции интересов отдельных производителей и потребителей, но и с точки зрения проблем общественного развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бейкер М. Дж. Маркетинг — философия или функция? // Маркетинг / под ред. М. Бейкера. СПб., 2020. С. 17–34.
2. Классика маркетинга / Б. М. Энис, К. Т. Кокс, М. П. Моква. СПб., 2001. 752 с.
3. Котлер Ф. Основы маркетинга. М., 1990. 736 с.
4. Багиев Г. Л., Тарасевич В. М., Анн Х. Маркетинг. СПб., 2008. 736 с.
5. Березин И. С. Маркетинговый анализ. Рынок. Фирма. Товар. Продвижение. М., 2007. 480 с.
6. Абрамишвили Г. Г., Война В. А., Трусов Ю. Ф. Операция «Маркетинг». Стратегия и тактика конкурентной борьбы монополий. М., 1976. 240 с.
7. Энциклопедия мудрости / К. Андриевская и др. М., 2007. 816 с.
8. Философия / под ред. В. Н. Лавриненко, В. П. Ратникова. М., 2001. 677 с.
9. Третьяк О. А. Маркетинг: новые ориентиры модели управления. М., 2005. 403 с.
10. Дзарасов С. С., Меньшиков С. М., Попов Г. Х. Судьба политической экономии и ее советского классика. М., 2004. 454 с.

REFERENCES

1. Baker M. J. Marketing — philosophy or function? // Marketing / ed. M. Baker. SPb., 2020. Pp. 17–34.
2. Classics of marketing / B. M. Enis, K. T. Koks, M. P. Mokva. SPb., 2001. 752 p.
3. Kotler F. Fundamentals of Marketing. M., 1990. 736 p.
4. Bagiev G. L., Tarasevich V. M., Ann H. Marketing. SPb., 2008. 736 p.
5. Berezin I. S. Marketing analysis. Market. Firm. Product. Promotion. M., 2007. 480 p.
6. Abramishvili G. G., Voina V. A., Trusov Yu. F. Operation Marketing. Strategy and tactics of competitive struggle of monopolies. M., 1976. 240 p.
7. Encyclopedia of wisdom / K. Andrievskaya, dr. M., 2007. 816 p.
8. Philosophy / ed. V. N. Lavrinenko, V. P. Ratnikova. M., 2001. 677 p.
9. Tretyak O. A. Marketing: new benchmarks of the management model. M., 2005. 403 p.
10. Dzarasov S. S., Menshikov S. M., Popov G. Kh. The fate of political economy and its Soviet classic. M., 2004. 454 p.

Поступила в редакцию: 21.12.2021.

Принята к печати: 25.01.2022.

ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ В МОЛОЧНОМ СКОТОВОДСТВЕ РЕГИОНА

С. П. Воробьев, В. В. Воробьева, О. В. Титова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье проведен литературный обзор развития потребительской кооперации при производстве молока, выявлены муниципальные образования Алтайского края с различным потенциалом развития кооперации малых форм хозяйствования в молочном скотоводстве. Показано, что в условиях снижения поголовья коров во всех категориях хозяйствования увеличивается удельный вес муниципальных образований региона, имеющих высший и наивысший потенциал развития потребительской кооперации. Однако данный потенциал не реализован, что существенно снижает возможность стабилизации и увеличения объемов производства молока в регионе. Деятельность шести сельскохозяйственных потребительских кооперативов в отдельных сельских территориях региона не позволяет обеспечить охват потребительской кооперацией большую часть муниципальных районов с высоким потенциалом развития совместной деятельности малых форм хозяйствования в сфере производства молока. Отмечено, что потребительская кооперация в сельском хозяйстве развивается лишь при государственной поддержке и наличии инициативных предпринимателей, а в районах с подходящей аграрной структурой для формирования некоммерческих объединений производителей молока еще предстоит развивать необходимую инфраструктуру, вести организационно-просветительскую работу.

Ключевые слова: сельскохозяйственные потребительские кооперативы, молочное скотоводство, хозяйства населения, потенциал развития, масштабы производства, Алтайский край.

THE POTENTIAL FOR THE DEVELOPMENT OF CONSUMER COOPERATION IN DAIRY CATTLE BREEDING IN THE REGION

S. P. Vorobyov, V. V. Vorobyova, O. V. Titova

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article provides a literary review of the development of consumer cooperation in milk production, identifies municipalities of the Altai Territory with different potential for the development of cooperation of small forms of management in dairy cattle breeding. It is shown that in conditions of a decrease in the number of cows in all categories of management, the proportion of municipalities in the region with the highest and highest potential for the development of consumer cooperation increases. The activity of six agricultural consumer cooperatives in certain rural areas of the region does not allow for the coverage of consumer cooperation in most of the municipal districts with a high potential for the development of joint activities of small business entities in the field of milk production. It is noted that consumer cooperation in agriculture develops only with state support and the presence of initiative entrepreneurs, and in areas with a suitable agrarian structure for the formation of non-profit associations of milk producers, it is still necessary to develop the necessary infrastructure, conduct organizational and educational work.

Keywords: agricultural consumer cooperatives, dairy cattle breeding, population farms, development potential, scale of production, Altai Krai.

Введение. Сельскохозяйственная потребительская кооперация является тем механизмом, который, с одной стороны, позволяет предпринимателям с малыми размерами производства при их объединении в целом или по отдельным производственным процессам (снабжение, производство, хранение, сбыт, первичная или более глубокая переработка продукции) получать выгоду от расширения масштабов производства, а с другой стороны, составлять конкуренцию крупным производителям молока, зачастую входящих в состав агрохолдингов местного, регионального, межрегионального или федерального значения. Во многих регионах Российской Федерации актуальность развития сельскохозяйственной кооперации определяется наличием множества мелких потребительских, малотоварных или товарных хозяйств населения и крестьянских (фермерских) хозяйств, индивидуальных предпринимателей, однако развитие кооперации при производстве молока в малых формах хозяйствования далеко не всегда определяется концентрацией производства на отдельных территориях.

Многие специалисты и исследователи в области аграрной экономики характеризуют становление хозяйств населения как форму проявления кризисных явлений в их развитии, признавая при этом, что увеличение объемов производства в личных подсобных хозяйствах позволило обеспечить дополнительные доходы сельским жителям и продовольственное обеспечение России на протяжении нескольких десятилетий. Следует согласиться с мнением З. И. Калугиной, которая определила мелкотоварность аграрного производства как институциональную ловушку при рыночной трансформации агропромышленного производства [1], а также Е. Г. Лысенко о том, что в условиях стабилизации в аграрной экономике значимость хозяйств населения будет снижаться, большая часть крупнотоварных хозяйств будет преобразована в крестьянские (фермерские) хозяйства [2].

Одним из основных условий развития хозяйств населения является развитие производственно-сбытовой кооперации малых форм хозяйствования, нишевых производств, системы взаимоотношений с сельскохозяйственными организациями, предприятиями пищевой промышленности на контрактной основе, когда хозяйствующие субъекты взаимодействуют на основе заключенных договоров с фиксацией в них основных параметров производимой продукции (технология производства, объемы и качество продукции, цена, сроки поставки и др.) [3, 4]. За рубежом развита именно контрактная интеграция в АПК, многочисленные семейные фермы, как правило, объединены в кооперативы [5–8]. В России же на-

блюдаются обратные процессы, связанные с форсированной холдингизацией аграрного производства [9].

Описание методов и методики проводимого исследования. Теоретической основой проведенных исследований послужили результаты исследований ученых в области развития малых форм хозяйствования в аграрной экономике. Статистическая группировка муниципальных образований Алтайского края для выявления потенциала развития молочного скотоводства была осуществлена на основе сведений базы данных муниципальной статистики Алтайкрайстата по критерию «Поголовье коров на конец года» в разрезе различных категорий хозяйствования. Все муниципальные образования региона были разделены на 5 групп по уровню потенциала кооперации малых форм хозяйствования при производстве молока: низкий уровень — удельный вес коров, содержащихся в хозяйствах населения, не превышал 15,0% от общего поголовья коров во всех категориях хозяйствования; относительно низкий — от 15,0 до 48,0%, средний — от 48,0 до 52,0%, высокий — от 52,0 до 85,0%, наивысший — свыше 85,0% (по факту за анализируемый период в Алтайском крае отсутствовали муниципальные образования с низким уровнем потенциала кооперации). Подобный подход был использован М. А. Котоминой, которая сформировала статистическую группу муниципальных образований по критерию соотношения разницы поголовья коров в малых формах хозяйствования и сельскохозяйственных предприятий к общему поголовью коров, содержащегося во всех категориях хозяйствования [10].

Полученные результаты и их обсуждение. Алтайский край является среднестатистическим регионом России по уровню развития хозяйств населения: удельный вес данной категории хозяйств в валовой продукции в 2019–2020 гг. составлял 23,3–26,2% (в среднем по всем регионам России 27,4–28,1%), по данному критерию регион находился на 13-м рейтинговом месте (наибольший объем продукции в хозяйствах населения был произведен в Республике Дагестан и Республике Татарстан с соответствующими показателями: по объемам производства 109,6 млрд руб. и 103,8 млрд руб.; доля хозяйств населения в стоимости продукции регионального сельского хозяйства — 77,48 и 39,41%). В 2019–2022 гг. Алтайский край входил в группу из 22 регионов, которые совокупно произвели 60,4–61,8% всей валовой продукции хозяйств населения. Всего на 31 декабря 2020 г. в хозяйствах населения региона содержалось 40,80% от общего поголовья крупного рогатого скота (278,9 тыс. голов, что ниже уровня 2010 г. в 1,45 раза, 2000 г. — в 1,53 раза), в том

числе 44,77% коров (127,9 тыс. голов, что ниже уровня 2010 г. в 1,48 раза, 2000 г. — в 1,85 раза), 57,60% свиней (228,0 тыс. голов, что ниже уровня 2010 г. в 1,92 раза, 2000 г. — в 2,14 раза), 76,80% овец и коз (143,7 тыс. голов, что ниже уровня 2010 г. в 1,10 раза, 2000 г. — в 1,44 раза), 46,21% лошадей (27,9 тыс. голов, что ниже уровня 2010 г. в 1,14 раза, 2000 г. — в 1,63 раза), 93,58% пчелосемей (176,5 тыс. пчелосемей, что выше уровня 2010 г. в 1,31 раза, 2000 г. в 4,67 раза). Наблюдаемые изменения поголовья скота и птицы, численности пчелосемей в хозяйствах населения Алтайского края на фоне восстановления объемов производства

свиноводства и птицеводства в крупнотоварном секторе аграрной экономики привели к структурным сдвигам в производстве продукции: за период 2000–2020 гг. доля данной категории хозяйств в производстве молока снизилась на 5,70 п.п., мяса скота и птицы, яиц — на 29,48–32,68 п.п., увеличилась по шерсти и товарному меду — на 38,22 п.п. и 27,80 п.п. соответственно (табл. 1). При этом хозяйства населения оставались основными производителями меда товарного, картофеля, овощей, шерсти (68,70–91,52% от регионального объема), мяса скота и птицы, а также молока (37,61 и 46,33% соответственно).

Таблица 1

**Удельный вес хозяйств населения Алтайского края
в производстве сельскохозяйственной продукции региона, %**

Виды продукции	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.				
					всего	абсолютный прирост, п. п.			
						2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.
Мед товарный	63,72	87,20	90,48	94,33	91,52	27,80	4,32	1,03	-2,81
Картофель	94,37	97,74	94,37	85,17	85,80	-8,57	-11,94	-8,57	0,63
Шерсть	44,96	65,00	77,71	85,78	83,18	38,22	18,18	5,47	-2,60
Овощи	89,24	90,69	88,38	75,22	68,70	-20,54	-21,99	-19,68	-6,53
Молоко	52,03	53,95	54,36	52,35	46,33	-5,70	-7,62	-8,03	-6,02
Мясо скота и птицы	67,09	70,14	55,53	45,71	37,61	-29,48	-32,54	-17,93	-8,10
Яйца	47,80	48,06	38,57	24,06	15,12	-32,68	-32,94	-23,45	-8,94

Источник: расчеты авторов.

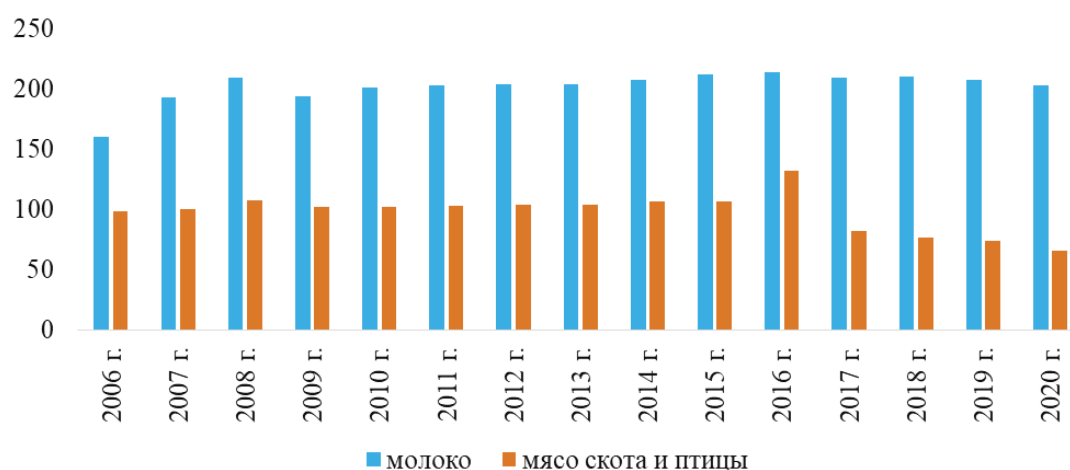

Рис. 1. Объем закупа предприятиями пищевой промышленности Алтайского края продукции животноводства, произведенной в хозяйствах населения, тыс. т

В 2019–2020 гг. более 103,0–104,0 тыс. домохозяйств Алтайского края занимались реализацией излишков произведенного молока, мяса крупного рогатого скота, свиней. В абсолютном выражении объем реализованной продукции ежегод-

но находился на уровне 160,0–213,7 тыс. т по молоку и 65,6–131,9 тыс. т мяса на общую сумму более 135,1 млрд руб. (по данным 2019–2020 гг. в среднем на одно хозяйство приходилось около 86,4–87,1 тыс. руб.). При этом объемы реализации по годам варь-

ировались несущественно: среднеквадратическое отклонение объемов реализации молока за период 2006–2020 гг. составило 13,1 тыс. т (коэффициент вариации не превысил 6,47%; среднегодовой темп прироста объемов реализации не превысил 1,59%), по мясу скота и птицы находилось на уровне 16,6 тыс. т (коэффициент вариации не превысил 17,00%; среднегодовой темп снижения объемов реализации составлял 3,67%) (рис. 1). Темп роста доходов от реализации продукции составил по номинальной оценке 175,6%, а в реальной оценке (с учетом корректировки номинальных показателей на уровень инфляции) ниже в 1,58 раза. Несмотря на наблюдаемый прирост товарности производства, основная часть произведенной в хозяйствах населения продукции была направлена на личное потребление членами домохозяйств. Низкая

товарность препятствует интеграции сельского хозяйства региона в систему межрегиональных и международных торговых связей, а в условиях постепенной холдингизации сельскохозяйственного производства в Алтайском крае — развитию малых форм хозяйствования и малого предпринимательства на селе.

Из 62 муниципальных районов и городов Алтайского края 48 территорий (77,42% от общего их количества) в 2020 г. обладали либо средним, либо высоким, либо наивысшим потенциалом к кооперированию при производстве молока в малых формах хозяйствования: в них поголовье коров в хозяйствах населения и крестьянских (фермерских) хозяйствах было сопоставимо или превышало поголовье коров в сельскохозяйственных организациях (табл. 2).

Таблица 2

Поголовье коров в малых формах хозяйствования Алтайского края в расчете на 1 муниципальный район/город в 2001–2020 гг. (на 31 декабря)

Удельный вес поголовья в малых формах хозяйствования, % к общему поголовью		Количество муниципальных районов / городов		Среднее количество коров в муниципальном районе / городе, головы	
		шт.	% к итогу		
15,0...48,0	2001 г.	29	46,77	3516	
	2011 г.	24	38,71	2273	
	2018 г.	14	22,58	2026	
	2019 г.	14	22,58	1997	
	2020 г.	всего	14	22,58	2139
		% к 2001 г.	47,27	х	60,84
48,0...52,0	2001 г.	7	11,29	4549	
	2011 г.	5	8,06	3216	
	2018 г.	3	4,84	3669	
	2019 г.	3	4,84	3251	
	2020 г.	всего	5	8,06	2240
		% к 2001 г.	71,43	х	49,24
52,0...85,0	2001 г.	25	40,32	4027	
	2011 г.	30	48,39	3448	
	2018 г.	33	53,23	3366	
	2019 г.	31	50,00	3414	
	2020 г.	всего	29	46,77	3319
		% к 2001 г.	116,00	х	82,34
85,0...100,0	2001 г.	1	1,61	452	
	2011 г.	3	4,84	1061	
	2018 г.	12	19,35	1795	
	2019 г.	14	22,58	1811	
	2020 г.	всего	14	22,58	1881
		% к 2001 г.	в 14,0 раз	х	в 4,2 раза

Источник: расчеты авторов.

В 2020 г. в группу муниципальных образований с наивысшим потенциалом развития потребительской кооперации вошли муниципальные районы и/или города: Панкрушихинский, Солонешенский, Каменский, Каменский/Камень-на-Оби, Калманский, Угловский, Ельцовский, Петропавловский, Славгородский/Славгород/Яровое, Барнаул, Суетский, Быстроистокский, Михайловский, Егорьевский, Новоалтайск (всего 14 районов/городов, что выше уровня 2001 г. на 13 единиц).

В группу муниципальных образований с относительно низким потенциалом развития потребительской кооперации вошли муниципальные районы и/или города: Бийский/Бийск, Шелаболихинский, Зональный, Табунский, Хабарский, Смоленский, Павловский, Немецкий национальный, Топчихинский, Бурлинский, Завьяловский, Советский, Поспелихинский, Тюмен-

цевский (всего 14 районов/городов, что ниже уровня 2001 г. на 15 единиц). Большая часть муниципальных районов/городов Алтайского края за период 2001–2020 гг. находилась в разных группах по уровню потенциала развития потребительской кооперации, сохранили свое местоположение в группе районов всего 32 района/города (Алейский/Алейск, Бийский/Бийск, Рубцовский/Рубцовск, Баевский, Бурлинский, Волчихинский, Новоалтайск, Завьяловский, Залесовский, Зональный, Косихинский, Крутихинский, Курьинский, Локтевский, Немецкий национальный, Новичихинский, Павловский, Ребрихинский, Смоленский, Советский, Солтонский, Табунский, Тальменский, Топчихинский, Троицкий, Тюменцевский, Усть-Калманский, Усть-Пристанский, Хабарский, Целинный, Шелаболихинский, Шипуновский) (табл. 3).

Таблица 3

**Потенциал развития кооперации в молочном скотоводстве
по муниципальным районам/городам Алтайского края**

Муниципальные районы / города	Потенциал кооперации*		Муниципальные районы / города	Потенциал кооперации*	
	2001 г.	2020 г.		2001 г.	2020 г.
Каменский / Камень-на-Оби	3	1	Первомайский	3	2
Славгородский / Славгород / Яровое	4	1	Ребрихинский	2	2
Быстроистокский	2	1	Родинский	4	2
город Барнаул	4	1	Солтонский	2	2
город Новоалтайск	1	1	Тальменский	2	2
Егорьевский	2	1	Третьяковский	4	2
Ельцовский	2	1	Троицкий	2	2
Калманский	4	1	Усть-Калманский	2	2
Михайловский	2	1	Усть-Пристанский	2	2
Панкрушихинский	3	1	Целинный	2	2
Петропавловский	4	1	Чарышский	4	2
Солонешенский	4	1	Шипуновский	2	2
Суетский	4	1	Змеиногорский / Змеиногорск	2	3
Угловский	2	1	Заринский / Заринск	4	3
Алейский / Алейск	2	2	Мамонтовский	4	3
Рубцовский / Рубцовск	2	2	Романовский	4	3
Алтайский / Белокуриха	4	2	Тогульский	2	3
Баевский	2	2	Бийский / Бийск	4	4
Благовещенский	4	2	Бурлинский	4	4
Волчихинский	2	2	Завьяловский	4	4
Залесовский	2	2	Зональный	4	4
Ключевский	3	2	Немецкий национальный	4	4
Косихинский	2	2	Павловский	4	4
Красногорский	3	2	Поспелихинский	3	4
Краснощековский	3	2	Смоленский	4	4
Крутихинский	2	2	Советский	4	4

Окончание таблицы 3

Муниципальные районы / города	Потенциал кооперации*		Муниципальные районы / города	Потенциал кооперации*	
	2001 г.	2020 г.		2001 г.	2020 г.
Кулундинский	4	2	Табунский	4	4
Курьинский	2	2	Топчихинский	4	4
Кытмановский	4	2	Тюменцевский	4	4
Локтевский	2	2	Хабарский	4	4
Новичихинский	2	2	Шелаболихинский	4	4

* потенциал кооперации: 1 — наивысший, 2 — высокий, 3 — средний, 4 — относительно низкий. Источник: расчеты авторов.

В регионе зарегистрировано более 49 сельскохозяйственных потребительских кооперативов (бескредитных), однако крупномасштабную деятельность осуществляли всего шесть: Алейский (Алейский район), Восход (Топчихинский район), Дружба (Целинный район), Колос (Тальменский район), Смоленский (Смоленский район), ЧарышАгроПродукт (Чарышский район), Фортуна (Волчихинский район), Агростарт (Немецкий национальный район), активы которых в 2019–2020 гг. совокупно составляли 407,9–530,0 млн руб. (90,05–96,13% активов сельскохозяйственных потребительских кооперативов региона), выручка — 405,9–510,8 млн руб. (92,51–98,97% доходов сельскохозяйственных потребительских кооперативов региона).

Сбор молока в 2020 г. осуществляли шесть кооперативов: Восход (Топчихинский район, относительно низкий потенциал развития потребительской кооперации малых форм хозяйствования в сфере производства молока), Колос (Тальменский район, высокий потенциал развития кооперации), ЧарышАгроПродукт (Чарышский район, высокий потенциал развития кооперации), Алейский (Алейский район, высокий потенциал развития кооперации), Фортуна (Волчихинский район, высокий

потенциал развития кооперации), Агростарт (Немецкий национальный район, относительно низкий потенциал развития кооперации).

Заключение. Сопоставление потенциала кооперирования по муниципальным районам Алтайского края и реального размещения сельскохозяйственных потребительских кооперативов позволяет утверждать, что уровень развития потребительской кооперации даже в условиях межрайонного взаимодействия не соответствует имеющемуся в отдельных районах потенциалу.

Следует отметить, что для Алтайского края кооперация малых форм хозяйствования в молочном скотоводстве — единственное направление их развития, позволяющее в краткосрочном периоде стабилизировать, а в долгосрочном периоде — повысить объем реализации молока, создать действующий механизм контроля качества продукции, совершенствования техники и технологий производства, повышения доходов населения, проживающего в сельской местности. Косвенным эффектом развития потребительской кооперации станет снижение финансовой нагрузки на региональный бюджет при снижении напряженности на рынке труда, снижения миграционной убыли, повышения привлекательности сельского образа жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Калугина З. И. Итоги рыночной трансформации аграрного сектора России // ЭКО. 2013. № 3. С. 31–47.
2. Лысенко Е. Г. Личные подсобные хозяйства населения в структуре сельскохозяйственного производства // Вестник Российской академии сельскохозяйственных наук. 2007. № 1. С. 13–15.
3. Гриценко Г. М. Предпосылки развития сельскохозяйственной потребительской кооперации в Алтайском крае // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2013. № 8. С. 153–157.
4. Улезько А. В., Нечаев Н. Г., Соковых И. С., Климов А. В. Хозяйствующие субъекты аграрной сферы: ресурсное обеспечение и инновационное развитие: монография. Воронеж, 2013. 277 с.
5. Altman M. Cooperative Organizations as an Engine of Equitable Rural Economic Development // Journal of Co-operative Organization and Management. 2015. No. 3. Pp. 14–23.
6. Micu M. M., Stoian E., Alecu E. General Consideration of the Agricultural Holding in Arges County // Procedia Economics and Finance. 2013. No. 6. Pp. 313–318.

7. Fonte M., Cucco I. Cooperatives and alternative food networks in Italy. The long road towards a social economy in agriculture // *Journal of Rural Studies*. 2017. No. 53. Pp. 291–302.
8. Сиптиц С. О., Гатаулина Е. А. Влияние факторов на формирование аграрной структуры // *Экономика сельского хозяйства России*. 2014. № 1. С. 44–49.
9. Гатаулина Е. А. Аграрная структура крупнокапиталистического типа: состояние, проблемы, возможности // *Никоновские чтения*. 2016. № 21. С. 156–164.
10. Котомина М. А. Расчет потенциала для развития молочной кооперации на основе сложившейся аграрной структуры // *Экономика сельского хозяйства России*. 2018. № 4. С. 86–90. DOI: 10.32651/2070–0288–2018–4–86–90.

REFERENCES

1. Kalugina Z. I. The results of market transformation of the agrarian sector in Russia // *ECO*. 2013. No. 3. Pp. 31–47.
2. Lysenko Ye. G. Personal subsidiaries of the population within the structure of agricultural production // *Vestnik of the Russian agricultural sciences*. 2007. No. 1. Pp. 13–15.
3. Gritsenko G. M. Prerequisites for agricultural consumer cooperation development in the Altai region // *Bulletin of Altai state agricultural university*. 2013. No. 8. Pp. 153–157.
4. Ulez'ko A. V., Nechaev N. G., Sokovyh I. S., Klimov A. V. Economic entities of the agrarian sphere: resource provision and innovative development: monograph. Voronezh, 2013. 277 p.
5. Altman M. Cooperative Organizations as an Engine of Equitable Rural Economic Development // *Journal of Co-operative Organization and Management*. 2015. No. 3. Pp. 14–23.
6. Micu M. M., Stoian E., Alecu E. General Consideration of the Agricultural Holding in Arges County // *Procedia Economics and Finance*. 2013. No. 6. Pp. 313–318.
7. Fonte M., Cucco I. Cooperatives and alternative food networks in Italy. The long road towards a social economy in agriculture // *Journal of Rural Studies*. 2017. No. 53. Pp. 291–302.
8. Siptits S. O., Gataulina E. A. Influence of factors on formation of agrarian structure // *Rural economics of Russia*. 2014. No. 1. Pp. 44–49.
9. Gataulina E. A. Agricultural structure of a large-capitalist type: state, problems, opportunities // *Nikon's Readings*. 2016. No. 21. Pp. 156–164.
10. Kotomina M. A. Calculation of potential for development of dairy cooperation on the basis of the developed agrarian structure // *Rural economics of Russia*. 2018. No. 4. Pp. 86–90. DOI: 10.32651/2070–0288–2018–4–86–90.

Поступила в редакцию: 08.11.2021.
Принята к печати: 19.12.2021.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ БЕДНОСТИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. Г. Григорьева, Е. В. Шилова, С. З. Стакутис

Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия)

В статье представлены результаты множественного корреляционного анализа уровня и динамики бедности в разрезе субъектов Российской Федерации. Приведены методологические предпосылки публикации — обзор российских и зарубежных исследований уровня и причин бедности. Предложена классификация субъектов Российской Федерации по уровню урбанизации, проведена двумерная группировка регионов со средним уровнем урбанизации по уровню бедности в 2019 г., которая в очередной раз подтверждает распространенность бедности в сельских территориях и высокий уровень дифференциации регионов и по этим показателям.

Множественный корреляционный анализ позволил получить линейные модели множественной регрессии и выявить значимые факторные переменные уровня и динамики бедности в субъектах со средним уровнем урбанизации. Сделаны выводы, что уровень бедности ниже в тех регионах, в которых лучше развиты туризм, обрабатывающие производства, животноводство, индивидуальное предпринимательство, высшее образование и аспирантура. Но снижение бедности успешнее в тех регионах, где развиваются торговля, транспорт и складское хозяйство.

В целом исследование подтверждает необходимость учета в борьбе с бедностью конкретных региональных особенностей развития российских территорий, использования адресного комплексного подхода при подборе мер по снижению уровня бедности.

Ключевые слова: уровень бедности, факторы бедности, уровень урбанизации, сельские территории, группировка субъектов Российской Федерации, множественный корреляционный анализ, линейная модель множественной регрессии.

STATISTICAL ANALYSIS OF RURAL POVERTY FACTORS IN THE RUSSIAN FEDERATION

E. G. Grigorieva, E. V. Shilova, S. Z. Stakutis

Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)

The article presents the results of a correlation analysis of the ratio and dynamics of poverty in the constituent entities of the Russian Federation. The methodological foundations of the study are presented as a review of Russian and foreign studies of the ratio and reasons of poverty. We proposed the classification of the Russian constituent entities by the ratio of urbanization and conducted the two-dimensional grouping of constituent entities with an average ratio of urbanization by the ratio of poverty in 2019. The results of this study confirm the spread of poverty in rural areas and a high level of differentiation of constituent entities by poverty indicators.

Multiple correlation analysis allowed us to estimate models of multiple regressions and identifies significant independent variables of the ratio and dynamics of poverty in constituent entities with an average ratio of urbanization. It is concluded that the poverty ratio is lower in those constituent entities where tourism, manufacturing, animal husbandry, individual entrepreneurship, higher education and postgraduate studies are better developed. But poverty reduction is more successful in those constituent entities where trade, transport and warehousing logistics are developing.

In general, the study confirms the need to take into consideration specific regional features of the development of Russian constituent entities in the fight against poverty, the use of a targeted integrated approach in the selection of measures to reduce poverty.

Keywords: poverty ratio, poverty reasons, urbanization ratio, rural territories, grouping of Russian constituent entities, multiple correlation analysis, linear model of multiple regression.

Введение. Современное российское общество еще до пандемии COVID-19 было на том уровне развития, чтобы перед правительством ставить задачи стратегического социально-экономического развития, в том числе борьбу с бедностью [1]. Пандемия только обострила актуальность этой проблемы и вынудила применять кризисные меры, при этом определение факторов и эффективной политики ликвидации бедности остаются в повестках как научных исследований, так и деятельности государственных и муниципальных органов власти.

Основными источниками информации о бедности в Российской Федерации являются данные официальной государственной статистики [2], какие бы подходы и понимание сущности самого явления «бедности» ни предлагались [3–5]. Отвечая на запросы общества, Росстат находится в постоянном поиске лучших подходов и методик оценки бедности, обеспечивает открытый доступ к этим данным для всех желающих [3, 6–8]. Достаточно часто используемым российскими и зарубежными учеными методом является социальный портрет или профиль бедности [7, 9–13], благодаря чему Д. Каримова, О. П. Кочнева, Е. С. Кубишин, А. В. Мухачёва, Е. Я. Пастухова, А. П. Седлов, И. В. Соболева, Н. В. Цхададзе, В. Л. Шабанов и другие показывают, что уровень бедности выше в сельской местности, где хуже в этом плане демографическая структура населения (выше нагрузка детьми и пожилыми), выше уровень безработицы, хуже ситуация на рынке труда, ниже уровень оплаты труда, уровни инвестиционной привлекательности, транспортной доступности, обеспеченности потребительскими товарами и проч.

Важным этапом практически всех исследований бедности в нашей стране является оценка территориальных различий в разрезе субъектов Российской Федерации. Кроме уровня социально-экономического развития и демографической ситуации, эти различия обусловлены природно-климатическими условиями, культурными традициями, особенностями расселения населения [6], «унаследованными особенностями развития» [8]. Для целей корреляционно-регрессионного анализа авторы используют, например, среднедушевые доходы населения, показатели дифференциации по доходам [8, 14], уровни общей безработицы и занятости населения, инвестиции в основной капитал на душу населения [10] и т. д.

На наш взгляд, подобные исследования только подчеркивают характеристики распределения бедности по территории страны — уровень бедности выше в сельских поселениях по сравнению с городскими, что обусловлено различиями в экономических, социальных условиях по типам расселения населения, в образах жизни городских и сельских жителей. Отсюда следует, что в высокоурбанизированных регионах уровень бедности ниже, в регионах с преимущественно сельским населением — выше. Вопрос, как это должно отражаться на мерах по борьбе с бедностью, остается открытым. Но из этого не следует, что уровень урбанизации регионов должен повышаться, что населению надо просто переезжать из села в город, чтобы иметь более высокие доходы, впрочем, вся история миграционного движения именно об этом и свидетельствует. В таком плане нас вдохновляют «самобытная миссия» сельских территорий, необходимость сохранения неурбанизированного образа жизни населения [15], понимание того, что именно силами отечественного сельхозпроизводителя можно решать задачи продовольственной безопасности страны. Поэтому в своем исследовании мы предприняли попытку выделить факторы, которые позволяют снижать уровень бедности без изменения уровня урбанизации.

Зарубежные эмпирические исследования факторов бедности также чаще всего проводятся по отношению к аграрным регионам и территориям, где уровень бедности выше [16, 17]. Основными факторами снижения бедности в мире в целом рассматривают уровни развития научных исследований, образования, маркетинга, транспортной инфраструктуры и подготовки кадров для сельского хозяйства [16, с. 527]. В качестве направлений выбирают как экстенсивный, так и интенсивный пути развития сельского хозяйства, то есть как за счет увеличения объема используемых ресурсов, так и за счет роста их производительности [16].

Если интенсивный путь развития сельского хозяйства и в нашей стране, и в других странах рассматривается как более предпочтительный, то надо учитывать, что в условиях рыночной экономики и частной собственности на сельскохозяйственные ресурсы решение об использовании новых технологий принимаются отдельными производителями или фермерами. И здесь уже необходимо учитывать в качестве факторов конкретные характери-

ки самих фермерских хозяйств. Это может быть и их размер [16], и специализация, уровень образования и пол фермера, размер семьи, уровень сбережений и доступность кредитов [18]. Наибольшую эффективность в росте производительности фермерских хозяйств можно добиться только при комплексном научном подходе к внедрению новых технологий, то есть, например, не просто использование лучших по урожайности сортов сельскохозяйственных культур, а одновременное внедрение передовых методов управления, использования удобрений, мелиорации и проч. Сам выбор специализации фермерского хозяйства, как показано в статье К. Н. Анната и др., должен быть научно обоснованным [19].

Глубина бедности также может отразиться на эффективности мер борьбы с ней, например, рост объемов сельскохозяйственного производства существенно снижает уровень бедности при черте бедности в один доллар в день, но при черте бедности в два доллара в день такое влияние уже не наблюдается [16, с. 528].

Необходимо также, что подчеркивают П. Уорр и В. Супханначарт, различать «сельский» и «сельскохозяйственный», так как на сельских территориях присутствуют разные виды экономической деятельности, в том числе добывающие и промышленные предприятия, предприятия сферы услуг и т. д. [16, с. 531]. И рост объемов производства или производительности в сельском хозяйстве может оказывать неоднозначное влияние на другие виды деятельности, уровень доходов разных категорий занятых, а, значит, и на общий уровень бедности. Поэтому надо учитывать особенности структуры экономики сельских территорий и долю добавленной стоимости сельского хозяйства в общей стоимости валового регионального продукта.

Лидером по снижению уровня бедности в мире за последние три десятилетия является Китай, в котором общая численность бедных с 1990 по 2018 гг. сократилась на 737 млн человек и в настоящее время включает 16,6 млн сельского населения [20, с. 2]. Эффективность государственной политики Китая по снижению уровня бедности обусловлена методами оценки, выявления и определения дифференцированных мер оказания помощи бедным домохозяйствам [20]. Например, М. Чжу и Ч. Шуайид приводят пример, как чистый доход бедного домашнего хозяйства в труднодоступном горном поселении может вырасти за счет микрокредита на покупку пяти ягнят для разведения овец [20, с. 4]. Факторами бедности сельского населения Китая остаются ограниченность природных ресурсов и неразвитость транспортной инфраструктуры в местах проживания фермеров. Потенциальную

миграцию сельского населения в городские поселения М. Чжу и Ч. Шуайид в своей статье не рассматривают, но этот вопрос поднимают их коллеги Ш. — Г. Фан и Э. Е. Чо. Те, кто проигрывает от роста и развития сельского хозяйства, формируют миграционные потоки в города и уже там без соответствующих мер социальной защиты пополняют городскую бедноту [17].

Представляет интерес статья Ч. Мэй, в которой раскрыты этапы борьбы Китая с бедностью [21]. На первом этапе (1949–1977 гг.) бедным оказывали помощь через гарантии удовлетворения базовых потребностей — в еде, одежде, тепле, доступу к образованию и достойному погребению, и через усиление потенциала социального обеспечения — повышение грамотности крестьян. На втором этапе (1978–2012 гг.) меры по сокращению бедности были преимущественно институционального характера — реформа земельной политики, снижение сельскохозяйственных налогов и проч. Кроме этого, была проведена экономическая модернизация, коллективное ведение сельского хозяйства заменила «семейная ответственность» [21, с. 21]. Этап целевого сокращения бедности (2013–2020 гг.) был обозначен адресным сокращением бедности в конкретных провинциях, городах и уездах, принципом преодоления бедности «двор за двором» [21, с. 22].

Особую теоретическую и практическую проблему представляет при борьбе с бедностью в мире и, соответственно, требует внимания этнокультурный фактор. Например, при наличии богатых природных и культурных ресурсов, хорошей транспортной инфраструктуры, потенциала развития сельского хозяйства, торговли и туризма высокий уровень бедности населения может быть по причине изолированности, неграмотности и бедности из поколения в поколение отдельных национальных групп, что наглядно показано исследователями Словацкой академии наук [22]. Меры государственной борьбы с бедностью могут быть не приняты бедным населением по причинам практического отсутствия социально-культурного, образовательного и социального капитала, замкнутости национальных общин с однородной структурой.

Многомерного подхода к исследованиям причин бедности и оценки приемлемости мер борьбы с ней придерживаются и международный исследовательский коллектив, поддержанный рядом европейский исследовательских советов [23]. С. Радосавлевич с коллегами подчеркивает, что пренебрежение социальными, поведенческими особенностями отдельного человека, семьи (фермерского хозяйства), социально-экономическими и институциональными особенностями поселения (общины) и региона в целом, может привести к не-

верным оценкам причин бедности и выбору неадекватных мер борьбы с нею.

Обобщая подходы к борьбе с бедностью в нашей и других странах, мы сделали вывод, что пока в Российской Федерации есть только предпосылки для реализации адресного комплексного подхода. Основные меры по борьбе с бедностью в регионах России, связанные с адресной социальной поддержкой сельского населения [13, 24, 25], носят скорее монетарный характер, они чрезвычайно важны социально незащищенным слоям населения, которые не могут обеспечить себя доходом, — детям, пожилым, инвалидам. Но для трудоспособных слоев населения и с экономической, и социальной точки зрения нужны меры по расширению возможностей самообеспечения работой и доходом. В этом плане можно отметить опыт отдельных регионов по поиску «точек роста» сельских территорий [15], понимание того, что в центре внимания должны быть потребности, интересы, рост качества жизни сельского жителя [26], что решение глобальной проблемы бедности возможно только на местном уровне с использованием локальных показателей [27]. Комплексный характер может быть обеспечен, например, за счет увязки мер борьбы бедностью с развитием сельского хозяйства [28] и/или туризма. Отдельный вопрос — эффективность мер государ-

ственной политики по борьбе с бедностью, которую ставят под сомнение результаты исследований, например, Е. А. Алпеевой и О. В. Заниной [24], С. Х. Гаматаевой [29], Е. И. Андреевой, Д. Г. Бычкова, О. А. Феоктистовой [30] и др.

Методы и материалы исследования. Для выявления факторов уровня бедности в разрезе субъектов Российской Федерации нами был использован метод множественного корреляционного анализа. С помощью кросс-платформенного программного пакета *Gretl* выделены статистически значимые показатели и построены модели уровня бедности и его динамики для двух групп регионов — со средним и высоким уровнями урбанизации.

Все использованные данные являются открытыми и представлены на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики, а также опубликованы в статистическом сборнике «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020» [31]. В качестве результирующих переменных бедности взяты уровни бедности по субъектам в 2019 г. и среднегодовые темпы прироста этого показателя в 2019 г. по сравнению с 2015 г. Описательная статистика результирующих переменных бедности в разрезе субъектов Российской Федерации представлена в таблице 1.

Таблица 1

Описательная статистика результирующих переменных уровня бедности в субъектах РФ в 2019 г.

Характеристика	Уровень бедности в целом по РФ, %	Среднегодовой темп прироста уровня бедности в 2015–2019 гг. в целом по РФ, %	Уровень бедности по среднеурбанизированным субъектам РФ, %	Среднегодовой темп прироста уровня бедности в 2015–2019 гг. по среднеурбанизированным субъектам РФ, %	Уровень бедности по высокоурбанизированным субъектам РФ, %	Среднегодовой темп прироста уровня в 2015–2019 гг. по высокоурбанизированным субъектам РФ, %
	Y1	Y2	Y1A	Y2A	Y1U	Y2U
Среднее	14,468	-1,629	16,549	-0,819	12,493	-2,467
Медиана	13,750	-1,518	15,500	-1,217	12,900	-2,372
Минимум	6,500	-7,855	7,800	-7,108	6,500	-7,855
Максимум	34,100	7,335	34,100	7,335	17,900	2,083
Стандартное отклонение	5,075	2,592	6,079	2,457	2,890	2,209
Вариация	0,351	1,592	0,367	2,999	0,231	0,895
Асимметрия	1,248	0,428	0,901	0,567	-0,452	-0,429
Экссесс	2,431	1,981	0,707	2,892	-0,503	-0,201
5% Перцентиль	7,375	-6,471	8,520	-5,843	6,690	-6,987
95% Перцентиль	24,155	2,194	31,220	4,256	17,000	0,813

Группировка регионов проведена по уровню урбанизации — удельному весу городского населения в общей численности населения по оценке на конец 2019 г. (%). Российская Федерация в этом отношении относится к высокоурбанизированным странам — доля городского населения выше 70%, а именно на конец 2019 г. составляла 74,7%. Но по регионам соотношения городского и сельского населения имеют существенные различия: в Республике Алтай и Чеченской Республике этот показатель не превышает 40% (29,3 и 36,9% соответственно), в 35 субъектах находится в пределах от 40 до 70%, что характеризует их как среднеурбанизированные, и в остальных — выше 70%.

В этой классификации в Сибирском федеральном округе, например, к среднеурбанизированным регионам относятся Республика Тыва (54,3%

городского населения), Алтайский край (56,9%) и Республика Хакасия (69,8%). Все другие субъекты — Красноярский край, Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская и Томская области — являются высокоурбанизированными.

Двумерная группировка субъектов по уровням урбанизации и уровню бедности представлена в таблице 2, что в очередной раз подтверждает тезис о распространении бедности в сельской местности. При этом различия по уровню бедности могут быть достаточно значительными в субъектах с близкими показателями уровня урбанизации. Например, в Республике Дагестан уровень бедности составлял 14,6%, а в Республике Калмыкия — 23,5%, что в 1,61 раза выше. В Краснодарском крае уровень бедности — 10,7%, в Республике Ингушетия — 30,5%, что в 2,85 раза выше.

Таблица 2

Результаты двумерной группировки регионов среднего уровня урбанизации по уровню бедности в 2019 г.

Доля городского населения в общей численности населения на конец 2019 г., %	Уровень бедности в 2019 г., %		
	До 16,0	16,1–24,0	Свыше 24,0
40,1–50,0	Респ. Адыгея, Респ. Дагестан	Карачаево-Черкесская Респ., Респ. Калмыкия	
50,1–60,0	Краснодарский край, Ставропольский край	Алтайский край, Респ. Крым, Респ. Бурятия	Кабардино-Балкарская Респ., Респ. Ингушетия, Респ. Тыва
60,1–70,0	Амурская обл., Астраханская обл., Белгородская обл., Воронежская обл., Курская обл., Ленинградская обл., Липецкая обл., Оренбургская обл., Орловская обл., Пензенская обл., Респ. Башкортостан, Респ. Северная Осетия — Алания, Ростовская обл., Тамбовская обл., Удмуртская Респ.	Еврейская автономная обл., Забайкальский край, Курганская обл., Респ. Марий Эл, Респ. Мордовия, Респ. Саха (Якутия), Респ. Хакасия, Чувашская Респ.	

В качестве факторных переменных мы изначально отказались от стоимостных показателей, таких как валовой региональный продукт, среднедушевые денежные доходы или среднемесячные номинальные или реальные начисленные заработная плата, пенсии или пособия. Опираясь на результаты отечественных и зарубежных исследований, в качестве факторов мы использовали показатели, характеризующие структуру экономики, показатели состояния и развития отдельных видов экономической деятельности (сельского хозяйства, обрабатывающего производства, строительства, торговли, транспортировки, туризма), развития индивидуального предпринимательства, характеристики развития социальной сферы (образования, здравоохранения) и дифференциации доходов населения (коэффициенты фондов и Джини). Кроме

данных официальной статистики ряд показателей был рассчитан, например, показатели развития туризма (число туристских фирм, число российских туристов) и образования (численность учителей, численность студентов бакалавриата, аспирантов) на 10 тыс. чел. населения по аналогии с официальными данными по здравоохранению (численность населения на одного врача). Показатели развития индивидуального предпринимательства (численность индивидуальных предпринимателей, объем их выручки) рассчитаны как средние на одного индивидуального предпринимателя.

Результаты исследования и их обсуждение.

С помощью метода наименьших квадратов в пакете *Gretl* была определена значимость факторов для уровня и динамики бедности в разрезе субъектов Российской Федерации и построены линей-

ные модели множественной регрессии, которые представлены в таблице 3. Все объясняющие (факторные) переменные в моделях являются статистически значимыми, большинство — на уровне значимости 0,01.

Значимые факторные переменные для линейных моделей множественной регрессии уровня и динамики бедности в субъектах Российской Федерации представлены в следующей таблице 4.

Значения коэффициентов детерминации позволяют выделить модели показателей бедности (Y1A,

Y2U) для регионов со средним уровнем урбанизации. Согласно полученным моделям, уровень бедности был ниже в регионах, где лучше состояние туризма (X3), аспирантуры (X9), системы здравоохранения (X12), обрабатывающего производства (X17), транспортировки и хранения (X30), животноводства (X35), индивидуального предпринимательства (X40). В регионах был выше уровень бедности, если в структуре основных фондов региональной экономики больше доля основных фондов по виду экономической деятельности «строительство».

Таблица 3

Эконометрические модели зависимых переменных Y1-Y2 корреляционного анализа уровня и динамики бедности в субъектах РФ в 2019 г.

Результирующая переменная	Эконометрическая модель	R-квадрат
Y1	$= 44,485 - 0,202 X0 - 0,0003 X14 - 1,043 X19 - 0,126 X22 - 0,151 X26 - 0,0001 X35 + 0,0579 X38 - 0,022 X41$	0,700
Y2	$= - 3,968 + 0,022 X8 - 0,693 X13 + 0,032 X24 + 0,063 X30 + 0,025 X36 - 0,021 X41$	0,510
Y1A	$= 38,444 - 0,007 X3 - 0,0036 X9 - 0,104 X12 - 0,409 X17 + 3,005 X18 - 0,178 X30 - 0,0002 X35 - 0,434 X40$	0,859
Y2A	$= - 9,117 + 0,018 X8 - 0,064 X20 + 0,058 X24 - 0,045 X29 + 0,612 X40$	0,773
Y1U	$= 16,880 - 0,115 X7 - 0,057 X23 + 0,060 X37$	0,306
Y2U	$= - 8,469 + 0,182 X17 + 0,096 X25$	0,463

Таблица 4

Факторные переменные, используемые для корреляционного анализа уровня и динамики бедности в субъектах Российской Федерации

Факторы	Показатели Росстата и рассчитанные по ним показатели в 2019 г.
X0	Удельный вес городского населения в общей численности населения на конец года, %
X3	Число турфирм на 10 000 чел. населения
X7	Численность учителей на 10 000 человек населения (на 20.09.2019)
X8	Численность студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена на 10 000 чел. населения (на начало уч. года; чел.)
X9	Численность аспирантов (чел.)
X12	Численность населения на одного работника среднего медицинского персонала
X13	Среднегодовой темп прироста численности населения на одного врача в 2019 г. к 2015 г., %
X14	Инвестиции в основной капитал в 2019 г. (без субъектов МП, млн руб.) по ВЭД «сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство»
X17	Доля основных фондов по ВЭД «обрабатывающее производство» от общего объема основных фондов по полной учетной стоимости, %
X18	Доля основных фондов по ВЭД «строительство» от общего объема основных фондов по полной учетной стоимости, %
X19	Доля основных фондов по ВЭД «торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов» от общего объема основных фондов по полной учетной стоимости, %
X20	Доля основных фондов по ВЭД «транспортировка и хранение» от общего объема основных фондов по полной учетной стоимости, %
X22	Степень износа (%) основных фондов по ВЭД «обрабатывающее производство»
X23	Степень износа (%) основных фондов по ВЭД «строительство»
X24	Степень износа (%) основных фондов по ВЭД «торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов»
X25	Степень износа (%) основных фондов по ВЭД «транспортировка и хранение»

Окончание таблицы 4

Факторы	Показатели Росстата и рассчитанные по ним показатели в 2019 г.
X26	Доля (%) полностью изношенных основных фондов по ВЭД «сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство»
X29	Доля (%) полностью изношенных основных фондов по ВЭД «торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов»
X30	Доля (%) полностью изношенных основных фондов по ВЭД «транспортировка и хранение»
X35	Среднегодовой сальдированный результат за период с 2015 по 2019 гг. по ВЭД «животноводство», млн руб.
X36	Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг) организаций по ВЭД «растениеводство», процентов
X37	Среднегодовая рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг) организаций по ВЭД «растениеводства» за 2015–2019 гг., %
X38	Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг) организаций по ВЭД «животноводство», %
X40	Объем выручки (с учетом налогов и аналогичных обязательных платежей) от продажи товаров, продукции, работ, услуг, на одного ИП, млрд руб.
X41	Численность фактически действующих ИП на 10 тыс. чел. среднегодовой численности населения

Интерпретировать полученные коэффициенты перед факторными признаками можно следующим образом: увеличение числа туристских фирм на 100 на каждые 10 тыс. человек населения приводит к сокращению уровня безработицы на 0,7%. Число туристских фирм в Российской Федерации сильно различается по субъектам со средним уровнем урбанизации — в 2019 г. максимальное значение было в Краснодарском крае (584 турфирмы), минимальное — в Республике Ингушетия (2 турфирмы), на 10 000 человек населения число туристских фирм также различаются, но здесь лидером является Астраханская область (1336,8 турфирм на 10 000 человек населения), минимальное значение также в Республике Ингушетия (39,8 турфирмы на 10 000 человек населения). Для сравнения абсолютного и относительного показателя: в Краснодарском крае на 10 000 человек населения в 2019 г. приходилось 1031,5 туристских фирм.

Аналогично модель среднегодового темпа прироста уровня бедности в субъектах РФ с 2015 по 2019 г. показывает, что сокращение уровня бедности было обусловлено состоянием основных фондов по ВЭД «транспортировка и хранение» (X20) и «торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов» (X29). Замедление сокращения уровня бедности или даже прирост уровня бедности обусловлены состоянием среднего профессионального образования (X8), состоянием основных фондов по ВЭД «торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов» (X24), объемом выручки на одного индивидуального предпринимателя (X40). Например, если в регионе на одного индивидуального предпринимателя объем выручки (с учетом налогов и аналогичных обязательных платежей) от продажи товаров, продукции, работ, услуг в 2019 г. был

выше на 1 млрд руб., то среднегодовой темп снижения уровня бедности был ниже на 0,612%.

В результате факторного анализа уровня бедности и его динамики в разрезе субъектов Российской Федерации, удалось сделать следующие выводы:

- уровень дифференциации доходов населения оказался значимым фактором снижения уровня бедности только в высокоурбанизированных регионах;
- развитие туризма и обрабатывающего производства в целом снижает уровень бедности, но для высокоурбанизированных регионов развитие обрабатывающего производства будет способствовать росту бедности, видимо, по причине того, что в городах уже другие виды экономической деятельности являются «локомотивами» развития экономики;
- состояние основных фондов торговли, транспортировки и хранения как видов экономической деятельности неоднозначно влияет на уровень бедности. Логично было бы предположить, что высокая степень износа этой части материально-технической базы должна свидетельствовать о высоком уровне бедности, но, возможно, эти виды деятельности стимулируют приток инвестиций на эти территории. Мы среди факторов не учитывали роль федеральных и региональных органов в снижении уровня бедности, что также могло оказать влияние в регионах, где инфраструктура нуждается в государственной поддержке;
- не удалось зафиксировать в качестве существенных факторов бедности в регионах состояние социальной сферы, хотя в ана-

лиз были включены показатели всех уровней образования и здравоохранения. Идея о том, что село в России будет развиваться за счет формирования сельской интеллигенции — учителей, врачей, инженеров и т. д., нам очень нравится, но требует подтверждения или опровержения дальнейшими исследованиями;

- отрицательное влияние на уровень бедности относительной численности студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена, и положительное — численности аспирантов мы интерпретируем так, что развитие технологий в регионах требуют высшего и послевузовского образования, внедрения новых технологий и в сельском хозяйстве, и в обрабатывающем производстве. Тезис о необходимости расширения подготовки специалистов среднего звена не подтверждается;
- среди видов сельского хозяйства значимым фактором сокращения бедности выступает животноводство, а не растениеводство. Возможно, нами не учтена ситуация с результатами животноводства и растениеводства конкретно в 2019 г., хотя мы понимаем, что большинство сельских территорий России относятся к зонам рискованного земледелия;
- влияние на уровень бедности развития индивидуального предпринимательства выявлено по такому показателю, как объем выручки на одного предпринимателя, фактически речь идет о масштабах деятельности индивидуальных предпринимателей. Если этот сектор экономики представлен крупными предпринимателями, то в регионах в среднем уровень бедности ниже, но в таких регионах медленнее происходит снижение уровня бедности. Например, в Республике Калмыкия в 2019 г. этот показатель составлял 2,68 млн руб. выручки на одного фактически действующего индивидуального предпринимателя, среднегодовой темп снижения уровня бедности составил 5,53%, а в Республике Дагестан объем

выручки — 19,06 млн руб. при среднегодовом приросте уровня бедности 7,33%. Это, на наш взгляд, подвергает сомнению тезис о необходимости развития кооперации в сельской местности, укрупнения сельских производителей [1]. Данный тезис не подтвержден ни мировым опытом, ни историей российской коллективизации в прошлом веке. Развитие сельского хозяйства и обрабатывающих на его основе производств в целях сокращения бедности мы видим в поддержке отдельных фермеров и индивидуальных предпринимателей, в развитии конкуренции и укреплении конкурентных преимуществ конкретных производителей на основе достижений сельскохозяйственной науки и практики.

Заключение. На основе официальных статистических данных по Российской Федерации и группировки субъектов по уровню урбанизации проведен множественный корреляционный анализ уровня и динамики бедности населения в 2019 г. Полученные линейные модели множественной регрессии позволяют уточнить перечень факторов уровня и динамики бедности в регионах со средним уровнем урбанизации, где доля городского населения находится в интервале от 40 до 70% от общей численности населения. Уровень бедности ниже в тех регионах, в которых лучше развитие туризма, обрабатывающих производств, животноводства, индивидуального предпринимательства в целом, больше обучающихся в аспирантуре. Но борьба с бедностью наблюдается успешнее в тех регионах, где развиваются торговля, транспорт и складское хозяйство.

В целом исследование подтверждает необходимость учета конкретных региональных особенностей развития экономики и социальной сферы сельских территорий в борьбе с бедностью, реально адресного (к каждому фермеру и индивидуальному предпринимателю) комплексного подхода при подборе мер по снижению уровня бедности. Представлен перечень факторов бедности и для высокоурбанизированных регионов, что только подчеркивает территориальные различия между регионами Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации № 204 от 21.07.2018 // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>
2. Уровень жизни: данные Росстата. URL: <http://rosstat.gov.ru/folder/13397>
3. Суринов А. Е., Луппов А. Б. Неравенство по доходам в России. Измерение на основе эквивалентного дохода // Экономический журнал ВШЭ. 2020. № 24 (4). С. 539–571.

4. Олейник О. С., Олейник А. Б., Степанова Е. В. Особенности измерения индикаторов бедности: международный и российский опыт // Региональная экономика. Юг России. 2020. Т. 8. № 4. С. 53–63. DOI: 10.15688/re.volsu.2020.4.5
5. Сергеева М. В. Трилемма «бедности» через призму виктимности // Право и управление. XXI век. 2021. Т. 17. № 2 (59). С. 70–79.
6. Суринов А. Е., Луппов А. Б. Влияние региональных различий в стоимости жизни на национальные оценки неравенства по доходам // Экономика региона. 2021. Т. 17, вып. 3. С. 814–827. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021–3–7.
7. Кубишин Е. С., Седлов А. П., Соболева И. В. Бедность в России: методология измерения и международные сравнения // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 1. С. 56–70.
8. Сергиенко А. М. Агрпромышленные регионы: динамика доходов населения, неравенства и бедности // Экономика Профессия Бизнес. 2020. № 4. С. 108–117. DOI: 10.14258/epb201910
9. Каримова Д. Портрет бедных семей: региональные аспекты // Экономика: анализы и прогнозы. 2021. № 2 (13). С. 158–163.
10. Пастухова Е. Я., Мухачёва А. В., Кочнева О. П. Уровень, динамика, факторы абсолютной и относительной бедности: региональный аспект // Вопросы управления. 2021. № 3. С. 80–92.
11. Шабанов В. Л. Сельская бедность: концептуализация и факторы // Островские чтения. 2020. № 1. С. 268–270.
12. Цхададзе Н. В. Социально-экономическое неравенство населения России // Вестник Московского университета МВД России. 2020. Т. 6. № 300. С. 6. DOI: 10.24411/2073–0454–2020–10373.
13. Чернышов М. М., Усманов Д. И. Оценка влияния последствий пандемии коронавируса COVID-19 на социально-экономическое неравенство населения России // Проблемы рыночной экономики. 2020. № 3. С. 31–48. DOI: 10.33051/2500–2325–2020–3–31–48.
14. Белоусова А. В. Уровень бедности в РФ: пространственный анализ // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 4. С. 73–78. DOI: 10.24411/2073–6487–2020–10043.
15. Стомба Е. В. Формирование стратегии устойчивого развития сельских территорий с позиций системного подхода // Экономические системы. 2021. Том 14. № 2 (53). С. 20–27. DOI 10.29030/2309–2076–2021–14–2–20–27.
16. Warr P., Suphannachart W. Agricultural productivity growth and poverty reduction: evidence from Thailand // Journal of Agricultural Economics. 2021. Vol. 72. № 2. Pp. 525–546. DOI: 10.1111/1477–9552.12412.
17. Fan S.-G., Cho E. EY. Paths out of poverty: international experience // Journal of Integrative Agriculture. 2021. № 20 (4). Pp. 857–867. URL: [https://doi.org/10.1016/S2095–3119\(20\)63295–6/](https://doi.org/10.1016/S2095–3119(20)63295–6/) (data of access: 07.07.2021).
18. Belay M., Mengiste M. The ex-post impact of agricultural technology adoption on poverty: Evidence from north Shewa zone of Amhara region, Ethiopia // Int J Fin Econ. 2021. No. 1. P. 11. URL: <https://doi.org/10.1002/ijfe.2479/> (data of access: 07.07.2021).
19. Anantha K. H., Kaushal K. G., Cameron A. P., Sreenath D. Seeking sustainable pathways for fostering agricultural transformation in peninsular India // Environ. Res. Lett. 2021. No. 16. 044032. URL: <https://doi.org/193.218.139.72/> (data of access: 07.07.2021).
20. Zhu M., Shuai C. Probe into the targeted poverty mitigation policy in China based on causal inference: evidence from Chongqing in the Three Gorges Reservoir region // PLoS ONE. 2021. № 16 (1). e0244928. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0244928/> (data of access: 07.07.2021).
21. Мэй Чуньцай. Опыт Китая в искоренении бедности // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. No. 3. С. 19–25. DOI: 10.24412/2686–7702–2021–3–19–25
22. Hutárová D., Kozelová I., Špulerová J. Tourism development options in marginal and less-favored regions: a case study of Slovakia's Gemer Region // Land. 2021. № 10. P. 229. URL: <https://doi.org/10.3390/land10030229/> (data of access: 07.07.2021).
23. Radosavljevic S., Haider L. J., Lade S. J., Schlüter M. Implications of poverty traps across levels // World Development. 2021. No. 144. 105437. URL: https://researchgate.net/350662909_implicatims_of_poverty_traps_accrosslevels (data of access: 07.07.2021).
24. Алпеева Е. А., Занина О. В. Экономическое управление развитием социальной защиты населения // Экономика в промышленности. 2021. № 14 (3). С. 339–348. DOI: 10.17073/2072–1633–2021–3–339–348.
25. Махалина О. М., Махалин В. Н. Бедность не порок, но как ее победить в России? // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 3. С. 21–34. DOI: 10.28995/2073–6304–2021–3–21–34.
26. Воронкова О. Ю. Устойчивое развитие сельских территорий на основе использования отраслевого, ресурсного и экологического // Экономика Профессия Бизнес. 2019. № 3. С. 32–38. DOI: 10.14258/epb201931.

27. Шибиков М. А. Динамика бедности и сокращение масштабов малообеспеченности в развивающихся странах // Региональная экономика. Юг России. 2021. Т. 9. № 2. С. 31–39. DOI: 10.15688/re.volsu.2021.2.4.
28. Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий». Утв. Постановлением Правительства РФ № 696 от 31.05.2019 г. URL: <http://government.ru/docs/36905/>.
29. Гаматаева С. Х. Анализ реализации программы материнский капитал в регионах России // Russian Economic Bulletin. 2021. Т. 4. № 4. С. 11–16.
30. Андреева Е. И., Бычков Д. Г., Феоктистова О. А. Эффективность региональных политик социальной поддержки населения // Проблемы прогнозирования. 2021. № 5 (188). С. 101–110. DOI: 10.47711/0868-6351-188-101-110.
31. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. / Росстат. М., 2020. 1242 с.

REFERENCES

1. On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024: Decree of the President of the Russian Federation No. 204 of 21.07.2018 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://www.consultant.ru>
2. Standard of living: Rosstat data. URL: <http://rosstat.gov.ru/folder/13397>
3. Surinov A. E., Luppov A. B. Income inequality in Russia. Measurement based on equivalent income // HSE Economic Journal. 2020. No. 24 (4). Pp. 539–571.
4. Oleynik O. S., Oleynik A. B., Stepanova E. V. Features of measuring poverty indicators: international and russian experience // Regional Economy. South of Russia. 2020. Vol. 8. No. 4. Pp. 53–63. DOI: 10.15688/re.volsu.2020.4.5
5. Sergeeva M. V. «Poverty» trilemma through victimization concept // Journal of Law and Administration. 2021. Vol. 17. No. 2 (59). Pp. 70–79.
6. Surinov A. E., Luppov A. B. Influence of regional differences in the cost of living on national income inequality // Economy of region. 2021. No. 17 (3). Pp. 814–827. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-3-7.
7. Kubishin E. S., Sedlov A. P., Soboleva I. V. Poverty in Russia: measurement methodology and international comparisons // Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk. 2021. No. 1. Pp. 56–70.
8. Sergienko A. M. Agro-industrial regions: dynamics of income, inequality and poverty // Economics Profession Business. 2020. No. 4. Pp. 108–117. DOI: 10.14258/epb2019107.
9. Karimova D. Portrait of poor families: regional aspects // Economy: Analysis and Forecast. 2021. No. 2 (13). Pp. 158–163. URL: https://www.elibrary.ru/ip_restricted.asp?rpage=https%3A%2F%2Fwww%2Eelibrariy%2Eru%2Fitem%2Easp%3Fid%3D46644598.
10. Pastukhova E. Ya., Mukhachyova A. V., Kochneva O. P. Rates, dynamics, and factors of absolute and relative poverty: regional aspect // Management Issues. 2021. No. 3. Pp. 80–92.
11. Shabanov V. L. Rural poverty: conceptualization and factors // Ostrovsky readings. 2020. No. 1. Pp. 268–270.
12. Tskhadadze N. V. Socio-economic inequality of population of Russia // Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. Vol. 6. No. 300. P. 6. DOI: 10.24411/2073-0454-2020-10373
13. Chernyshov M. M., Usmanov D. I. Assessment of the impact of the COVID-19 pandemic on social and economic inequality of the Russian population // Market economy problems. 2020. No. 3. Pp. 31–48. DOI: 10.33051/2500-2325-2020-3-31-48
14. Belousova A. V. Level of poverty in Russian Federation: a spatial analysis // Bulletin of the IE RAS. 2020. No. 4. Pp. 73–78. DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10043.
15. Stovba E. V. The formation of strategies for sustainable rural development from the perspective of a systematic approach // Economic Systems. 2021. Vol. 14. No. 2 (53). Pp. 20–27. DOI: 10.29030/2309-2076-2021-14-2-20-27.
16. Warr P., Suphannachart W. Agricultural productivity growth and poverty reduction: evidence from Thailand // Journal of Agricultural Economics. 2021. Vol. 72. No. 2. Pp. 525–546. DOI: 10.1111/1477-9552.12412.
17. Fan S.-G., Cho E. EY. Paths out of poverty: international experience // Journal of Integrative Agriculture. 2021. No 20 (4). Pp. 857–867. URL: [https://doi.org/10.1016/S2095-3119\(20\)63295-6](https://doi.org/10.1016/S2095-3119(20)63295-6) (date of access: 07.07.2021).
18. Belay M., Mengiste M. The ex-post impact of agricultural technology adoption on poverty: Evidence from north Shewa zone of Amhara region, Ethiopia // Int J Fin Econ. 2021. No. 1. P. 11. URL: <https://doi.org/10.1002/ijfe.2479> (date of access: 07.07.2021).

19. Anantha K. H., Kaushal K. G., Cameron A. P., Sreenath D. Seeking sustainable pathways for fostering agricultural transformation in peninsular India // *Environ. Res. Lett.* 2021. No. 16. 044032. URL: <https://doi.org/193.218.139.72/> (date of access: 07.07.2021).
20. Zhu M., Shuai C. Probe into the targeted poverty mitigation policy in China based on causal inference: evidence from Chongqing in the Three Gorges Reservoir region // *PLoS ONE*. 2021. No. 16 (1): e0244928. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0244928/> (date of access: 07.07.2021).
21. Mei C. China's experience in poverty alleviation // *East Asia: Facts and Analytics*. 2021. No. 3. Pp. 19–25. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-3-19-25.
22. Hutárová D., Kozelová I., Špulerová J. Tourism development options in marginal and less-favored regions: a case study of Slovakia's Gemer Region // *Land*. 2021. No. 10. P. 229. URL: <https://doi.org/10.3390/land10030229/> (date of access: 07.07.2021).
23. Radosavljevic S., Haider L. J., Lade S. J., Schlüter M. Implications of poverty traps across levels // *World Development*. 2021. No. 144. 105437. URL: https://researchgate.net/350662909_implications_of_poverty_traps_acrosslevels (date of access: 07.07.2021).
24. Alpeeva E. A., Zanina O. V. Economic management of the development social protection of the population // *Russian Journal of Industrial Economics*. 2021. No. 14 (3). Pp. 339–348. DOI: 10.17073/2072-1633-2021-3-339-348.
25. Makhalina O. M., Makhalin V. N. Poverty is not a vice, but how to overcome it in Russia? // *RSUH/RGGU Bulletin «Economics. Management. Law» Series*. 2021. No. 3. Pp. 21–34. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-3-21-34.
26. Voronkova O. Yu. Sustainable development of rural areas on the basis of industrial, resource and environmental potential // *Economics Profession Business*. 2019. No. 3. Pp. 32–38. DOI: 10.14258/epb201931.
27. Shibakov M. A. Dynamics of poverty and reduction of low income population in developing countries // *Regional Economy. South of Russia*. 2021. Vol. 9. No. 2. Pp. 31–39. DOI: 10.15688/re.volsu.2021.2.4.
28. The State program of the Russian Federation «Integrated development of rural areas». Approved By Decree of the Government of the Russian Federation No. 696 of 31.05.2019. URL: <http://government.ru/docs/36905/>.
29. Gamataeva S. Kh. Analysis of the implementation of the maternity (family) capital program in the regions of Russia // *Russian Economic Bulletin*. 2021. No. 4 (4). Pp. 11–16.
30. Andreeva E. I., Bychkov D. G., Feoktistova O. A. Efficiency of regional social assistance policies // *Studies on Russian Economic Development*. 2021. Vol. 32. No. 5. Pp. 518–525. DOI: 10.1134/S1075700721050038.
31. Region of Russia. Socio-economic indicators. 2020. Moscow, 2019. 1242 p.

Поступила в редакцию: 29.11.2021.

Принята к печати: 14.01.2022.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТРУДОВОЙ АДАПТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ОТКРЫТОГО И ПОЛУОТКРЫТОГО ТИПА

Ю. Н. Дятлов

Псковский филиал Академии Федеральной службы исполнения наказания России (Псков, Россия)

Проблематика статьи связана с необходимостью обеспечения эффективной трудовой адаптации лиц, содержащихся в местах лишения свободы, как важной составной части процесса их ресоциализации и социальной адаптации в соответствии с международными требованиями и стандартами, современными потребностями российского общества и государства. Цель работы — выявление и сравнение экономических и профессиональных особенностей адаптации к труду специального контингента исправительных учреждений открытого и полукрытого типа. В связи с этим в качестве объекта исследования выступили такие наиболее распространенные в отечественной пенитенциарной системе виды исправительных учреждений, как колонии-поселения и исправительные колонии строгого режима, в которых отбывает наказание более половины всех осужденных к лишению свободы. На основе результатов анкетного опроса автором статьи проведен сравнительный анализ основных параметров статистического портрета выборочной совокупности осужденных, особенностей профессионально-отраслевой структуры занятости специального контингента указанных видов исправительных учреждений, мотивов, отношения к трудовой деятельности, степени приспособления к труду и др. Выявлен ряд проблем и демотивирующих факторов трудовой активности респондентов. Результаты исследования предназначены для обоснования направлений развития и совершенствования сферы трудовой адаптации осужденных.

Ключевые слова: трудовая адаптация, осужденные, исправительные учреждения, профессионально-отраслевая структура занятости, мотивы к труду.

ECONOMIC AND PROFESSIONAL ASPECTS OF CONVICTS LABOR ADAPTATION IN OPEN AND SEMI-OPEN CORRECTIONAL INSTITUTIONS

Yu. N. Dyatlov

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Pskov branch) (Pskov, Russia)

The problems of the article are related to the need to ensure effective labor adaptation of persons detained in places of imprisonment, as an important part of the process of their resocialization and social adaptation in accordance with international requirements and standards, the modern needs of Russian society and the state. The purpose of the work is to identify and compare the economic and professional features of adaptation to the work of the special contingent of open and semi-open correctional institutions. In this regard, the most common types of correctional institutions in the domestic penitentiary system, such as colony-settlements and correctional colonies with a strict regime, in which more than half of all those sentenced to imprisonment are serving their sentences, were the object of the study. Based on the results of the questionnaire survey, the author of the article carried out a comparative analysis of the main parameters of the statistical portrait of a sample of convicts, the peculiarities of the professional-sectoral structure of employment of the special contingent of these types of correctional institutions, motives, attitudes towards work, the degree of adaptation to work, etc. A number of problems and discouraging factors of the respondents' labor activity were identified. The research results are intended to substantiate the directions of development and improvement of the sphere of convicts labor adaptation.

Keywords: labour adaptation, convicts, correctional institutions, professional and sectoral structure of employment, motives for work.

Адаптационные процессы в сфере труда специального контингента исправительных учреждений по сравнению с содержанием трудовой адаптации работников предприятий аналогичных отраслей экономики имеют свою специфику. Она обусловлена влиянием ограничений и барьеров социального, экономического, организационного и правового характера, связанных с режимными требованиями, разрешенными видами экономической деятельности, несоответствием профессиональной квалификации осужденных требованиям производства, нехваткой рабочих мест, низким уровнем трудовой мотивации у части осужденных, привлекаемых к труду, и др. [1, с. 34].

Основные проблемы, ограничения и тенденции развития деятельности производственных подразделений уголовно-исполнительной системы (УИС) России в неодинаковой степени проявляются в процессах трудовой адаптации осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях различных видов. Поэтому возникает необходимость проведения анализа экономических и профессиональных аспектов приспособления к труду осужденных с учетом такого важного фактора, как степень их изоляции от общества.

Если исходить из международных стандартов, то в соответствии с критерием степени изоляции осужденных от общества отечественные пенитенциарные учреждения могут быть разделены на открытые (колонии-поселения), полуоткрытые (колонии общего, строгого и особого режима, воспитательные колонии) и закрытые (тюрьмы) [2, с. 19]. При этом согласно статистическим данным, наибольшее число осужденных отбывает наказание в исправительных учреждениях полуоткрытого и открытого типа.

Так, по состоянию на 1 декабря 2021 г. из 467,2 тыс. осужденных, содержащихся в УИС, 355,4 тыс. чел. отбывали наказание в 647 исправительных колониях и 28,2 тыс. чел. — в 97 колониях-поселениях [3]. В последние годы более половины всех осужденных к лишению свободы (в среднем около 57%) находились в исправительных колониях строгого режима [4, с. 57].

В связи с этим в качестве объекта исследования экономических и профессиональных аспектов трудовой адаптации осужденных нами были выбраны исправительные учреждения открытого типа, представленные колониями-поселениями, и наиболее распространенный вид исправительных учреждений полуоткрытого типа — исправительные колонии строгого режима.

Если в колониях-поселениях в основном отбывают наказание осужденные, которые совершили преступления по неосторожности или умышленные преступления небольшой и средней тяжести,

то в исправительных колониях строгого режима содержатся более опасные для общества лица мужского пола за совершение особо тяжких преступлений либо при рецидиве и опасном рецидиве преступлений. Следовательно, между специальным контингентом указанных видов исправительных учреждений имеются существенные различия, которые обусловлены спецификой и рецидивом совершенных преступлений, степенью их опасности для общества, сроками лишения свободы, а также условиями отбывания наказания [5].

Именно поэтому цель работы — выявление и сравнение экономических и профессиональных аспектов трудовой адаптации данных категорий осужденных.

Для изучения специфики адаптации к труду рассматриваемых категорий специального контингента нами были разработаны анкеты двух видов: «Особенности трудовой адаптации лиц, содержащихся в колониях-поселениях» и «Особенности трудовой адаптации лиц, содержащихся в исправительных колониях строгого режима», каждый из которых включает 26 вопросов, охватывающих следующие аспекты исследуемой проблемы:

общая характеристика трудоспособных осужденных, отбывающих наказание в колониях-поселениях и исправительных колониях строгого режима (возраст, уровень образования, наличие опыта работы и др.);

специфика занятости и мотивов к труду осужденных в исследуемых исправительных учреждениях;

особенности отношения специального контингента к трудовой деятельности.

Всего анонимным анкетным опросом было охвачено 240 трудоспособных осужденных мужского пола, которые отбывают наказание в колонии-поселении и исправительных колониях строгого режима, подведомственных УФСИН России по Псковской области. Все респонденты на момент проведения опроса осуществляли трудовую деятельность или привлекались к труду. Объем выборки рассчитан нами исходя из величины доверительной вероятности (точности), равной 95%, и доверительного интервала (ошибки выборки) в размере 6% в соответствии с рекомендациями, согласно которым обыкновенная надежность допускает ошибку выборки от 3 до 10% [6].

Учитывая необходимость применения типической выборки, при которой число единиц, подлежащих опросу из каждой исследуемой группы, определяется пропорционально объему типических групп в общем объеме выборочной совокупности [7, с. 114], соотношение числа опрашиваемых осужденных было установлено нами следующим образом: 30 осужденных-респондентов, содержа-

щихся в колонии-поселении (первая группа), и 210 осужденных-респондентов, отбывающих наказание в исправительных колониях строгого режима (вторая группа). Подобное соотношение численности типических групп специального контингента принято в соответствии с примерным фактическим распределением генеральной совокупности — соотношением численности осужденных, содержащихся в колониях-поселениях (12%) и колониях строгого режима (88%) уголовно-исполнительной системы России [8], что позволяет перенести результаты проведенного анализа особенностей их трудовой адаптации на всю генеральную совокупность.

Рассмотрим основные параметры статистического портрета выборочной совокупности осужденных. Согласно полученным данным, средний возраст осужденных-респондентов, входящих в первую группу (колонии-поселения) и вторую

группу (исправительные колонии строгого режима), отличается незначительно и составляет 35 и 37 лет соответственно.

В то же время наблюдаются различия в распределении осужденных по возрастным категориям в зависимости от вида исправительного учреждения (рис. 1). В частности, имеет место более высокий удельный вес респондентов, отбывающих наказание в колониях-поселениях, в молодых и средних возрастных категориях до 35 лет. Кроме того, отмечается существенное различие удельного веса исследуемых групп осужденных в средней возрастной категории 36–40 лет, связанное с преобладанием в ней доли второй группы респондентов. Выявленные возрастные особенности осужденных, как показывает дальнейший анализ результатов опроса, сказываются на различиях в их профессионально-квалификационной структуре, мотивах трудовой активности, степени приспособления к труду и др.

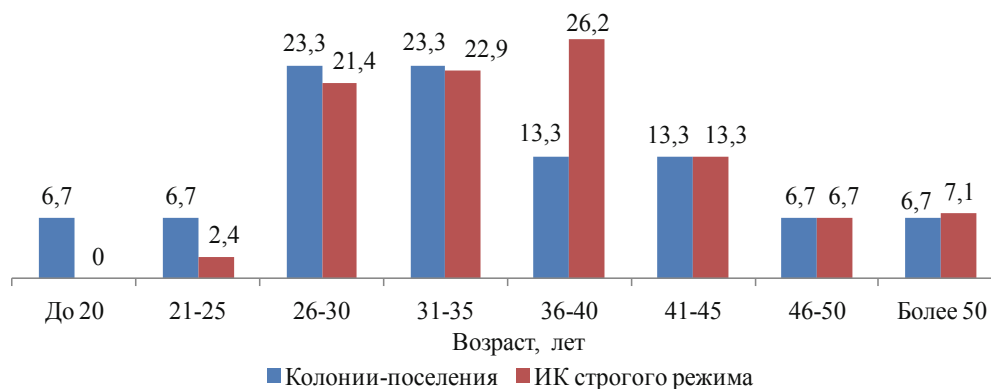

Рис. 1. Удельный вес осужденных-респондентов в возрастных категориях, %
Источник: составлено автором

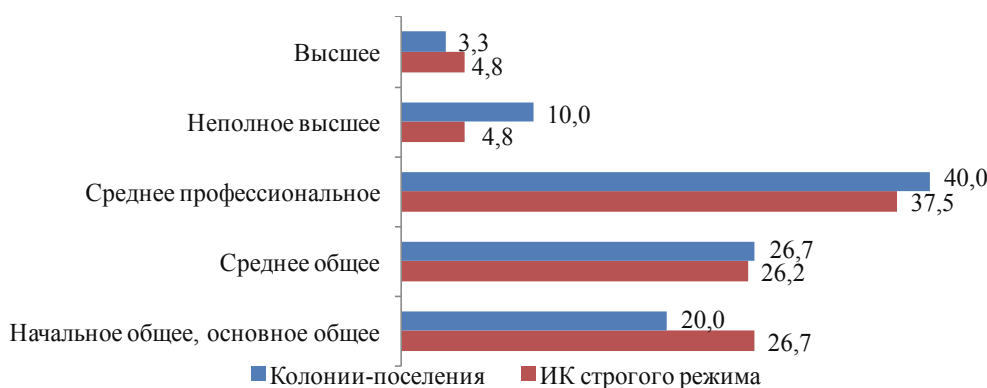

Рис. 2. Распределение осужденных-респондентов по уровню образования, %
Источник: составлено автором

В распределении респондентов исследуемых групп по уровню образования преобладают лица со средним профессиональным образованием (40 и 37,5% соответственно) при сравнительно высо-

кой доле лиц, не имеющих не только профессионального, но и среднего общего образования (20 и 26,7%) (рис. 2).

Несмотря на незначительные различия между группами в указанном распределении, специальный контингент исправительных колоний строгого режима характеризуется более широкой профессионально-отраслевой и квалификационной структурой.

До поступления в исправительное учреждение более половины респондентов первой и второй групп проходили обучение различным профессиям и специальностям. Однако если профессионально-отраслевая структура осужденных, содержащихся в колониях-поселениях, в основном ограничена строительством, сферой услуг и сельским хозяйством, то лица, отбывающие наказание в исправительных колониях строгого режима, получали рабочие профессии, относящиеся не только к указанным сферам, но и к различным отраслям промышленности (токарь, слесарь-монтажник, швея, сапожник, электромонтер, паяльщик, кондитер и др.). Это объясняется тем, что свыше 90% опрошенных осужденных данной группы отбывали наказание в виде лишения свободы два и более раза, в том числе во второй раз — 32,3%, третий — 33,3%, четвертый раз — 15,7%, в связи с этим многие из них ранее проходили профессиональное обучение и привлекались к труду в исправительных учреждениях.

Охваченный исследованием специальный контингент, находящийся в колониях-поселениях, характеризуется тем, что значительная его часть (76,7%) отбывает наказание впервые и только 23,3% — второй раз при незначительных сроках наказания. Согласно полученным данным, 66,7% респондентов, содержащихся в колониях-поселениях, находились в заключении в общей сложности за всю жизнь до 1 года, 23,3% — от 1 до 3 лет, 10% — более 3 лет. В то же время в исправительных колониях строгого режима 14,7% респондентов отбывали наказание в исправительных учреждениях в совокупности до 5 лет, 44,7% — от 5 до 10 лет, 30% — от 10 до 15 лет и 10,5% респондентов — более 15 лет.

Следует отметить, что 62,5% респондентов первой и 83,3% респондентов второй группы осуществляли трудовую деятельность до того, как оказались в заключении.

В целом результаты проведенного нами анкетирования показывают, что большая часть вовлеченных в процесс трудовой адаптации осужденных как в первой, так и во второй группах (93,3 и 84,8%) характеризуется положительным отношением к труду, имеет желание работать. Потребность, связанную с получением профессионального образования и опыта трудовой деятельности в период отбывания наказания, отметили соответственно 60 и 71% опрошенных осужденных.

Несмотря на позитивное отношение к труду со стороны значительной части специального контингента, на момент проведения опроса 33% респондентов, отбывающих наказание колонии-поселении, и 25,3% респондентов из числа специального контингента исправительных колоний строгого режима, имеют неполную занятость, то есть привлекаются к труду на неполный рабочий день или неполную рабочую неделю. Следовательно, проблема нехватки работы и обеспечения постоянной занятости специального контингента в исследуемых исправительных учреждениях в настоящее время остается актуальной.

В соответствии с данными, полученными в ходе опроса, респонденты первой группы осуществляют трудовую деятельность преимущественно в подсобном сельскохозяйственном производстве (животноводство, растениеводство, слесарные, электромеханические, погрузочно-разгрузочные, подсобные работы) и на хозяйственных работах (дневальные по помещениям, уборщики, раздатчики пищи и др.).

Представители второй исследуемой группы заняты в основном в производственных подразделениях исправительных колоний и на работах, связанных с хозяйственным обслуживанием и коммунально-бытовым обеспечением учреждений. Значительная их часть проходят трудовую адаптацию в швейных, деревообрабатывающих и столярных цехах, на участках по производству инструментов, строительных материалов и электротехнических изделий, оказанию услуг автосервиса, работают подсобными разнорабочими промышленной зоны, электриками, сварщиками, а также в строительных бригадах, столовой, тепличном хозяйстве, котельной и др.

Оценка ответов осужденных о предпочтительных формах привлечения к труду свидетельствует о том, что более половины респондентов первой и второй групп (63,3 и 53,8% соответственно) предпочло бы вывод на работы на объекты предприятий любых организационно-правовых форм, расположенные вне исправительного учреждения, в случае такой возможности. Работу в производственных подразделениях исправительного учреждения выбрали бы, соответственно, 20 и 20,4% опрошенных, хозяйственно-обслуживающие работы в колонии — 10 и 14,8%.

Среди мотивов, побуждающих специальный контингент к трудовой активности как в колониях-поселениях, так и в исправительных колониях строгого режима, на первом и втором по значимости местах респондентами указаны возможность получения условно-досрочного освобождения и денежный доход в виде оплаты труда (рис. 3). Причем для второй группы опрошенных в связи с более дли-

тельными сроками отбывания наказания наиболее важным стимулом выступает условно-досрочное освобождение, которое отметили 51% осужденных против 30% в первой группе.

К другим менее значимым мотивам участия в процессе трудовой адаптации респондентами обеих исследуемых групп отнесены понимание того, что трудоспособный человек должен трудиться, то есть нежелание сидеть «сложив руки», стрем-

ление принести пользу обществу, получение практического опыта и стажа работы.

В каждой группе наименьшее число опрошенных осужденных в перечне мотивов, по которым они осуществляют трудовую деятельность, указали требование трудиться со стороны администрации исправительного учреждения, возможность общения и взаимодействия в трудовом коллективе, получение удовлетворения от труда.

Рис. 3. Распределение ответов осужденных на вопрос: «Укажите мотивы, по которым Вы осуществляете трудовую деятельность в исправительном учреждении?» (допускался выбор нескольких вариантов ответа), %
Источник: составлено автором

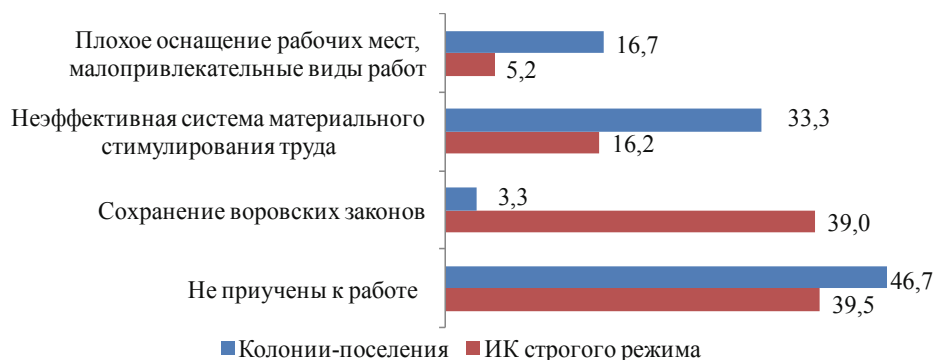

Рис. 4. Структура ответов осужденных на вопрос: «Почему, на Ваш взгляд, не все трудоспособные осужденные в колонии желают трудиться?», %
Источник: составлено автором

Проведенная на основе мнений респондентов оценка причин отказа от работы ряда осужденных (рис. 4) позволяет выделить в качестве основной из них то, что указанная категория осужденных попросту не приучена к работе, никогда не работала и поэтому не желает трудиться, на что в первую очередь указали опрошенные осужденные, со-

держащихся как в колониях-поселениях (46,7%), так и в исправительных колониях строгого режима (39,5%).

В отношении других причин нежелания осужденных трудиться наблюдается значительная дифференциация ответов респондентов в зависимости от вида исправительного учреждения. Так,

39% представителей второй группы и только 3,3% представителей первой группы выделяют такую причину, как сохранение «воровских законов», согласно которым не следует работать ни при каких условиях (жизнь «по понятиям»), что объясняется очевидными различиями характеристик специального контингента указанных исправительных учреждений (наличие преступного опыта и судимостей, степень распространения криминальной субкультуры и т. п.).

К другим дестимулирующим факторам трудовой активности респондентами отнесены неэффективная, по их мнению, система материального стимулирования труда, в частности, низкий уровень заработной платы (33,3 и 16,2% соответственно), плохое оснащение рабочих мест и неинтересные, малопривлекательные виды работ в исправительном учреждении (16,7 и 5,2%).

Следует отметить, что размер реальной располагаемой величины дохода занятого трудом осужденного в условиях изоляции от общества зависит не только от его личных трудовых показателей (выполнения норм рабочего времени и выработки), но и от наличия у осужденного непогашенных исков, стоимости выписанного вещевое имущества, питания и коммунально-бытовых услуг, а также уровня цен на приобретаемые им в исправительном учреждении товары первой необходимости. Это минимизирует роль заработной платы осужденных как стимула к труду, вызывает к нему негативную реакцию определенной части специального контингента.

Более низкий уровень заработной платы осужденных в исправительных учреждениях по сравнению оплатой труда рабочих, занятых в аналогичных отраслях народного хозяйства, порождает противоречие, состоящее в том, что теряется материальная

заинтересованность осужденных в эффективной трудовой деятельности, но возникает относительная дешевизна их рабочей силы, которая часто указывается как одно из конкурентных преимуществ производственного сектора уголовно-исполнительной системы. Однако подобная «экономика дешевого работника» порождает ситуацию, при которой снижается интерес к внедрению новых технологий, обновлению основных средств, созданию высокопроизводительных рабочих мест, обеспечивающих соответствующий уровень заработной платы. Именно поэтому следует согласиться с мнением О. А. Погудина о том, что дешевизна труда осужденных не усиливает, а наоборот, ограничивает конкурентоспособность производственного сектора уголовно-исполнительной системы [9, с. 40].

В колониях строгого режима более длительные сроки отбывания наказания и ограниченные возможности удовлетворения материальных потребностей за счет помощи извне заставляют данную группу осужденных в большей степени приспосабливаться к видам предоставляемой им работы и уровню оплаты труда.

Определенное значение в измерении эффективности процессов трудовой адаптации специального контингента играет самооценка степени приспособления (привыкания) осужденных к регулярной трудовой деятельности. Полученные результаты такой самооценки (рис. 5), согласно которым 37,6% респондентов первой и 56,8% респондентов второй группы считают себя хорошо приспособившимися к труду, а 40,4 и 22,7% соответственно в средней степени приспособились к трудовой деятельности, что свидетельствует в целом об удовлетворительном уровне организации трудовой адаптации осужденных в рассматриваемых видах исправительных учреждений.

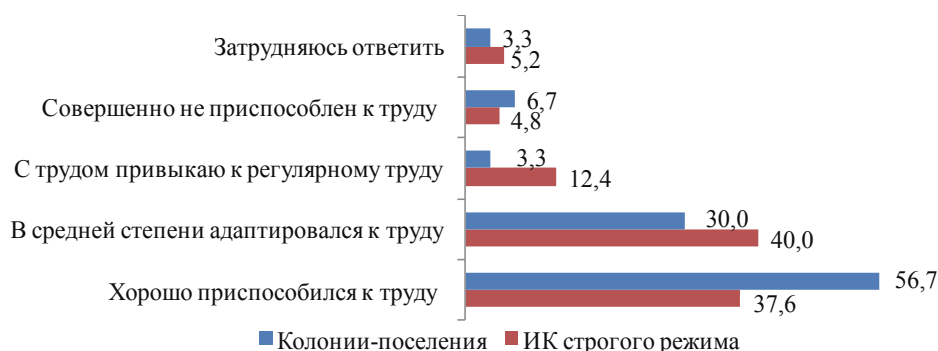

Рис. 5. Структура ответов осужденных на вопрос: «Считаете ли Вы себя достаточно приспособившимся (привыкшим) к регулярной трудовой деятельности?», %
Источник: составлено автором

Вместе с тем требуется проведение дополнительной работы, в том числе воспитательного

и психолого-педагогического характера с лицами, которые характеризуются пассивной адаптаци-

ей к труду (инертность, индифферентность, безынициативность) или не желают работать (низкая трудовая дисциплина, злостное уклонение от работ и т. п.).

В связи с тем, что достижению более высокого уровня первичной адаптации осужденных к конкретным видам трудовой деятельности способствует низкий показатель текучести, стабильная занятость специального контингента, частота переводов на другие виды работ, в анкету был включен вопрос о том, сколько раз у респондентов менялась работа в данном исправительном учреждении.

Полученные ответы свидетельствуют о том, что у 42,4% опрошенных осужденных, содержащихся в колониях-поселениях, и 46,7% респондентов, отбывающих наказание в исправительных колониях строгого режима, работа не менялась. У 21 и 36,7% респондентов соответственно она менялась один раз. Остальные опрошенные осужденные указали, что им пришлось переходить на другие виды работ два раза и более, что отрицательно сказалось на результатах их трудовой адаптации.

Кроме того, был предложен следующий вопрос: «Легко ли Вы адаптируетесь (привыкаете) к разным видам работ?», на который большинство опрошенных осужденных ответило положительно как в первой, так и во второй группах (74,8 и 76,7% соответственно). Некоторые респонденты, содер-

жащиеся в исправительных колониях строгого режима, подчеркнули, что у них нет иного выбора или они не успевают полностью привыкать, поскольку часто меняются виды работ.

Одним из результативных показателей адаптации к труду лиц, содержащихся в местах лишения свободы, может выступать удельный вес осужденных, у которых сформировалась привычка и потребность трудиться, появилось стремление трудоустроиться в постпенитенциарный период [10, с. 19]. Как показал проведенный нами опрос, о своем желании найти работу или заняться индивидуальной трудовой деятельностью после освобождения из исправительных учреждений указали 73,3% респондентов первой группы и 72,4% респондентов второй группы. Трудоустроиться на ожидающее их рабочее место готовы 6,7 и 5,7% опрошенных соответственно (рис. 6). Однако не планируют искать работу 20% респондентов, отбывающих наказание в колониях-поселениях, и 17,1% респондентов, содержащихся в исправительных колониях строгого режима, что свидетельствует о недостаточной эффективности сложившейся в них системы трудовой адаптации.

Таким образом, проведенное нами эмпирическое исследование особенностей трудовой адаптации специального контингента в колониях-поселениях и исправительных колониях строгого режима позволяет сделать ряд выводов.

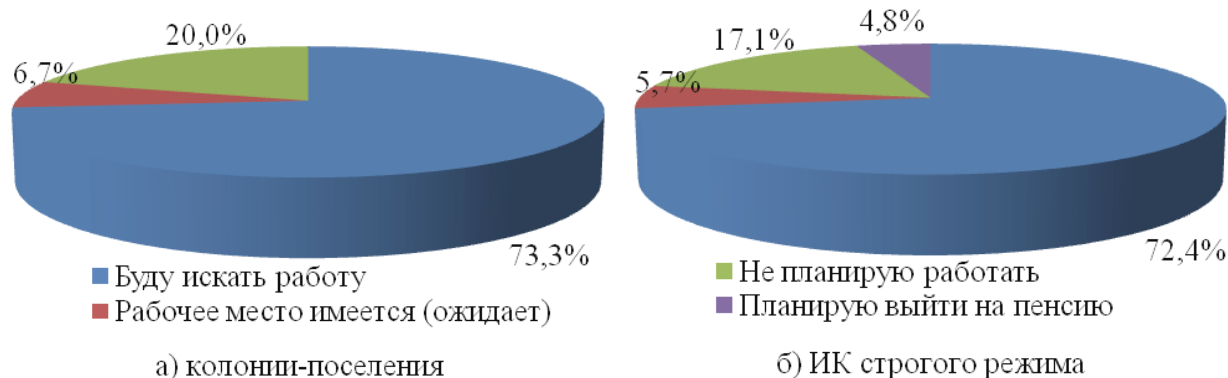

Рис. 6. Структура ответов респондентов-осужденных на вопрос: «Будете ли Вы искать работу после освобождения из исправительного учреждения?»
Источник: составлено автором

В первой группе осужденных, вовлеченных в процессы трудовой адаптации в колониях-поселениях, преобладают лица молодого и среднего возраста, из которых менее половины до поступления в исправительное учреждение получили профессиональное образование, чуть более 60% имеют опыт трудовой деятельности, характеризующейся

профессионально-отраслевой структурой, в основном не связанной с промышленным производством.

В иерархии мотивов трудовой активности данной группы осужденных ввиду незначительных сроков наказания приоритетными являются возможность получения условно-досрочного освобождения, заработная плата, понимание необходимо-

сти трудиться и получения пользы от труда, тогда как плохое оснащение рабочих мест и неинтересные, малопривлекательные виды работ, низкая заработная плата негативно влияют на уровень их мотивации к труду.

Вторая группа осужденных, осуществляющих трудовую адаптацию в исправительных колониях строгого режима, имеет более высокий удельный вес средних и старших возрастных групп, преимущественно среднее профессиональное, основное и среднее общее образование, а также сравнительно большую долю лиц (выше 80%), имеющих стаж работы, который в основном был приобретен в период отбывания предыдущих наказаний в местах лишения свободы и отличается более широкой профессионально-отраслевой структурой.

Для этой группы осужденных наиболее важным стимулом труда выступает стремление к условно-досрочному освобождению, а также оплата труда, что обусловлено ограниченными возможностями получения материальных благ извне.

В то же время распространенность криминальной субкультуры, наряду с нежеланием ряда осужденных трудиться, недостаточно оснащенные и низкопроизводительные рабочие места являются характерными дестимулирующими факторами их трудовой активности.

Свыше 80% осужденных обеих исследуемых групп положительно относятся к трудовой деятель-

ности, желают трудиться, однако более четверти из них имеют неполную занятость или не обеспечены работой в полной мере. В связи с этим одним из направлений повышения уровня занятости специального контингента может стать реализация законодательно разрешенного положения по использованию труда осужденных на объектах предприятий любых организационно-правовых форм, расположенных на территории исправительных учреждений и вне их [11], которое в настоящее время не получило широкого распространения в уголовно-исполнительной практике.

Значительная часть вовлеченных в процесс трудовой адаптации осужденных в колониях-поселениях и исправительных колониях строгого режима удовлетворительно оценивает уровень организации своего труда и рабочих мест, считает себя хорошо или в средней степени приспособленными к труду, ассоциирует трудовую адаптацию с деятельностью, обеспечивающей полезное времяпровождение наказания, получение опыта работы, заработной платы и дополнительных привилегий. Однако респондентами часто отмечается несовершенная система материального поощрения труда, физический и моральный износ основных средств, завышенные нормы труда, недостаток спецодежды и др. При решении указанных проблем осужденные готовы проявлять более высокий уровень трудовой активности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Матвеева Н. С. Государственное регулирование предпринимательства в производственном секторе уголовно-исполнительной системы России: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2011. 41 с.
2. Южанин В. Е. Исправительная колония-поселение — разновидность лишения свободы // Пенитенциарная наука. 2018. № 1. С. 18–25.
3. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 22.12.2021).
4. Красильникова М. С. Преступность осужденных в исправительных учреждениях: криминологический анализ // Вестник Кузбасского института. 2020. № 3. С. 52–63.
5. Стеничкин Г. А. Современные виды исправительных учреждений и их задачи // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 3. С. 4–10.
6. Кошевой О. С., Карпова М. К. Определение объема выборочной совокупности при проведении региональных социологических исследований // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2011. № 2. С. 98–104.
7. Антонов Г. В. Особенности применения выборочного метода в прикладной социологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2005. № 4. С. 111–117.
8. Щербакова Е. М. Преступность в России, 2020 год // Демоскоп Weekly. 2021. № 899–900. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2021/0899/barom01.php/> (дата обращения: 22.12.2021).
9. Погудин О. А. Оптимизация системы оплаты труда осужденных: понятие, противоречия и проблемы достижения // Уголовно-исполнительное право. 2010. № 2. С. 38–44.
10. Дятлов Ю. Н. Влияние системы мер поощрения и стимулирования на результаты трудовой адаптации осужденных к лишению свободы // Формы и методы психологической работы со специальным контингентом и персоналом: сб. материалов Межвед. круглого стола. Псков, 2019. С. 13–21.

11. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 11.06.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 22.12.2021).

REFERENCES

1. Matveeva N. S. State regulation of entrepreneurship in the production sector of the penal system of Russia // Abstract of the thesis for the degree of doctor of economic sciences. M., 2011. 41 p.
2. Yuzhanin V. E. Correctional colony-settlement — a type of deprivation of liberty // Penitentiary science. 2018. No. 1. Pp. 18–25.
3. Brief description of the penal system. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (date of access: 22.12.2021).
4. Krasilnikova M. S. Crime of convicts in correctional institutions: criminological analysis // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2020. No. 3. Pp. 52–63.
5. Stenichkin G. A. Modern types of correctional institutions and their tasks // Penal system: law, economics, management. 2009. No. 3. Pp. 4–10.
6. Koshevoy O. S., Karpova M. K. Determining the volume of the sample population during regional sociological research // University news. Volga region. Social sciences. 2011. No. 2. Pp. 98–104.
7. Antonov G. V. Features of the selective method application in applied sociology // Bulletin of Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and social technologies. 2005. No. 4. Pp. 111–117.
8. Shcherbakova E. M. Crime in Russia, 2020 // Demoscope Weekly. 2021. No. 899–900. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2021/0899/barom01.php/> (date of access: 22.12.2021).
9. Pogudin O. A. Optimization of the system of remuneration of convicts: concept, contradictions and problems of achievement // Penal Enforcement Law. 2010. No. 2. Pp. 38–44.
10. Dyatlov Yu. N. Influence of the system of measures to encourage and stimulate on the results of labor adaptation of convicts to imprisonment // Forms and methods of psychological work with the special contingent and staff: collection of materials of the Interdepartmental round table. Pskov, 2019. Pp. 13–21.
11. The Penal Code of the Russian Federation of 08.01.1997 No. 1-FZ (an edition of 11.06.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (date of access: 22.12.2021).

Поступила в редакцию: 09.11.2021.

Принята к печати: 04.02.2022.

ОЦЕНКА НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАФЕДР ВУЗА НА ОСНОВЕ РЕЙТИНГА ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА

О. С. Кошевой

Пензенский государственный университет (Пенза, Россия)

Научная деятельность вузов представляет один из важнейших элементов образовательной среды учебной организации, направленной, прежде всего, на обеспечение качественной подготовки выпускника, соответствующей современным требованиям по обеспечению выполнения стратегических задач развития государства.

Цель настоящего исследования состояла в разработке методик оценки научно-исследовательской работы кафедры вуза, отвечающей общетеоретическим методам ее организации.

Учитывая структуру большинства вузов, в основу которой положены институты (факультеты) и кафедры, достаточно сложно выполнить объективную оценку научно-исследовательской работы кафедры, поскольку ее профессорско-преподавательский состав реализует задачи по обучению студентов по дисциплинам, напрямую не связанным с названием и научным направлением деятельности кафедры. Институт кафедральных научных школ также не отражает объективную оценку деятельности всего профессорско-преподавательского состава и носит, как правило, формальный характер. Исходя из этого, научно-исследовательская работа профессорско-преподавательского состава кафедр оценивается в рамках общей рейтинговой оценки, которая обладает рядом существенных недостатков как с точки зрения объективности, так и методологии ее построения.

Ключевые слова: университет, кафедра, показатель, методика, очистка данных, выброс, экстремальное значение, закон распределения, коробчатая диаграмма.

EVALUATION OF THE SCIENTIFIC ACTIVITY OF THE UNIVERSITY DEPARTMENTS BASED ON THE RATING OF THE TEACHING STAFF

O. S. Koshevoy

Penza State University (Penza, Russia)

The scientific activity of universities is one of the most important elements of the educational environment of an educational organization, aimed primarily at providing high-quality graduate training that meets modern requirements for ensuring the fulfillment of strategic tasks of state development.

The purpose of this study was to develop a methodology for evaluating the research work of the university department that meets the general theoretical methods of its organization.

Given the structure of most universities, which is based on institutes (faculties) and departments, it is quite difficult to carry out an objective assessment of the research work of the department, since the teaching staff of the department implements tasks for teaching students in disciplines that are not directly related to the name and scientific direction of the department. The Institute of Cathedral scientific schools also does not reflect an objective assessment of the activities of the entire teaching staff, and is, as a rule, formal in nature. Based on this, the research work of the teaching staff of the departments is evaluated within the framework of a general rating assessment, which has a number of significant drawbacks, both from the point of view of objectivity and the methodology of its construction.

Keywords: university, department, indicator, methodology, data purification, outlier, extreme value, distribution law, box diagram.

Оценка научно-исследовательской работы (НИР) кафедр университета представляет собой достаточно сложную и неоднозначную проблему, которая в большинстве вузов прямо не оценивается. Это, прежде всего, связано с особенностями построения структуры институтов и кафедр, входящих в их состав. В отсутствие департаментов, связанных с общими направлениями подготовки обучаемых, кафедры выполняют задачи по обучению, которые зачастую выходят за рамки образовательной среды соответствующей кафедры. Исходя из этого НИР профессорско-преподавательского состава (ППС) кафедр оценивается в рамках рейтинговой оценки, методика построения которой подробно разработана и представлена как в нормативных документах, так и в многочисленных публикациях [1–5].

На наш взгляд, оценка НИР кафедр на основе рейтинговых оценок не совсем объективно отражает общетеоретические принципы организации НИР, таких как максимальный охват ППС научно-исследовательской работой, системность и комплексность тематики выполняемых исследований, широкое и оперативное представление полученных научных результатов в материалах различного рода семинаров и конференций и внедрение в учебный процесс общетеоретических и практических результатов. Рейтинг ППС строится на основе материального стимулирования ППС, главным образом за счет публикаций в базах Web of Science либо Scopus. В результате в НИР кафедр могут возникать такие дисперсии, как при исключении одного (двух) преподавателей с высоким рейтингом, сформированным в основном за счет публикаций в вышеуказанных наукометрических базах, кафедра по НИР опускается далеко вниз в общем рейтинге. Это свидетельствует о прямом нарушении общетеоретических принципов организации НИР, указанных выше, то есть система НИР оказалась неустойчивой. К тому же наглядность и доступность для обучаемых результатов исследований, представленных в базах Web of Science либо Scopus, вызывает серьезные сомнения. На наш взгляд, требует корректировки соотношение между показателями публикации в журнале, входящем в перечень ВАК и Web of Science или Scopus, которые даже для нижних квартилей отличаются более чем в два раза. Кроме того, при подведении итогов по НИР кафедр в базовой части требуется учитывать ученые степени и звания ППС, так как по количеству указанных категорий наблюдается существенная диспропорция. Кандидатов наук сегодня 75 тысяч, докторов наук — 25 тысяч [6].

Исходя из вышеизложенного, рейтинг ППС — это обобщающая категория деятельности преподавателей, а итоги НИР кафедр — это категория напрямую с рейтингом ППС не связанная, но позволяющая сформировать итоги НИР кафедры. Методике формирования итогов НИР кафедры и посвящено данное исследование.

В таблице 1 представлены результаты НИР кафедр, заимствованные из Блока 3. Научно-исследовательская и инновационная деятельность общего рейтинга ППС Пензенского государственного университета [7].

Таблица 1

Показатели блока 3

	Кафедра 1	Кафедра 2	Кафедра 3	Кафедра 4	Кафедра 5	Кафедра 6	Кафедра 7	Кафедра 8
ППС 1	12,38	5,47	22,50	27,50	198,17	27,23	1,10	11,11
ППС 2	160,88	4,92	4,06	3,47	0,00	148,82	22,58	25,69
ППС 3	16,74	3,30	65,46	2,24	11,00	47,13	7,15	18,98
ППС 4	20,50	1,64	32,45	34,21	30,33	78,71	20,80	24,92
ППС 5	168,85	7,15	7,04	0,55	521,35	37,13	0,89	54,17
ППС 6	8,58	16,50	31,14	50,33	6,05	18,15	10,45	75,87
ППС 7	7,43	1,10	8,25	14,30	0,00	11,66	19,20	8,03
ППС 8	30,80	10,18	3,85	3,03	10,23	13,81		13,17
ППС 9	13,70	23,38	37,84	1,10	13,55	10,56		29,43
ППС 10		402,60	208,84	1,65	16,31	1,65		11,33
ППС 11		2,20		0,83	33,17	23,98		4,95
ППС 12		28,05		32,18	5,78	124,93		58,04
ППС 13				2,75	72,38	54,79		
ППС 14				1,65	16,94	24,20		
ППС 15				2,20	16,23	39,93		
ППС 16				1,10	18,98	20,08		

Окончание таблицы 1

ППС 17				4,45	18,82			
ППС 18				2,20	16,78			
ППС 19				26,95	44,17			
ППС 20				0,26	64,77			
ППС 21				26,95				

Прежде чем формировать показатели деятельности кафедр по НИР, необходимо убедиться в качестве данных, иначе они могут оказаться далеки от действительности или исказить истинную картину исследуемых бизнес-процессов, либо показать ложные закономерности, тенденции и связи между объектами бизнеса.

Первичная обработка показателей научной деятельности в среде компьютерной программы Deductor показала, что в общей базе показателей имеется три выброса и восемь аномальных значений. Показано, что качество данных невысокое (0,2456) и требуется их предобработка. При этом для каждого типа отклонений определяется собственный порог обнаружения. Для выбросов порог ниже (по умолчанию 3 стандартных отклонения или интерквартильных ширины), чем для экстремальных значений (по умолчанию 5 стандартных от-

клонений или интерквартильных ширин). Раздельная обработка выбросов и экстремальных значений обеспечивает более гибкий процесс обработки. Эти два вида нетипичных значений имеют различное происхождение. Выбросы — это фактически имевшие место события, вызванные исключительными условиями, а экстремальные значения — это или ошибки, или фиктивные значения [8].

В результате расчета установлены 8 экстремальных значений: 160,88; 168,85; 208,84; 402,6; 198,17; 521,35; 148,82; 124,83 и 3 выброса: 75,87; 72,38; 78,71.

Последовательно исключая экстремальные значения и выбросы, выполняя итерационный процесс, добиваемся качества данных, близкого к единице, сообщенные данные пригодны к обработке. В результате таблица 1 преобразуется к виду таблицы 2.

Таблица 2

Скорректированные значения блока 3

	Кафедра 1	Кафедра 2	Кафедра 3	Кафедра 4	Кафедра 5	Кафедра 6	Кафедра 7	Кафедра 8
ППС 1	12,38	5,47	22,50	27,50	0,00	27,23	1,10	11,11
ППС 2	16,74	4,92	4,06	3,47	11,00	47,13	22,58	25,69
ППС 3	20,50	3,30	32,45	2,24	30,33	37,13	7,15	18,98
ППС 4	8,58	1,64	7,04	34,21	6,05	18,15	20,80	24,92
ППС 5	7,43	7,15	31,14	0,55	0,00	11,66	0,89	54,17
ППС 6	30,80	16,50	8,25	50,33	10,23	13,81	10,45	8,03
ППС 7	13,70	1,10	3,85	14,30	13,55	10,56	19,20	13,17
ППС 8		10,18	37,84	3,03	16,31	1,65		29,43
ППС 9		23,38		1,10	33,17	23,98		11,33
ППС 10		2,20		1,65	5,78	24,20		4,95
ППС 11		28,05		0,83	16,94	39,93		
ППС 12				32,18	16,23	20,08		
ППС 13				2,75	18,98			
ППС 14				1,65	18,82			
ППС 15				2,20	16,78			
ППС 16				1,10	44,17			
ППС 17				4,45				
ППС 18				2,20				
ППС 19				26,95				
ППС 20				0,26				
ППС 21				26,95				

Далее проверяем исходные данные на нормальность распределения. Поскольку выборка невелика, воспользуемся критерием Шапиро-Уилка (W), который рекомендуется использовать при объеме выборки n меньше 50 наблюдений [9]. Этот критерий является специальным критерием нормальности. Данный критерий надежен при $8 < n <= 50$ [10]. Если $W=1$, то выборка точно соответствует по нормальному закону распределения. Если Шапиро-Уилка имеет малое значение критерия, то это означает, что в показателях имеются выбросы. Все, что выше 0,75, можно считать нормальным распределением [11].

В таблице 3 представлены результаты расчета критерия Шапиро-Уилка.

Таблица 3
Результаты расчета на основе критерия Шапиро-Уилка

	Статистика (W)	Значимость
Кафедра 1	0,914	0,425
Кафедра 2	0,822	0,068
Кафедра 3	0,819	0,063
Кафедра 4	0,896	0,309
Кафедра 5	0,875	0,204
Кафедра 6	0,884	0,243
Кафедра 7	0,882	0,235
Кафедра 8	0,832	0,084

Из данных таблицы 3 следует, что анализируемые показатели НИР кафедр подчиняются нормальному закону распределения.

Для оценки итогов деятельности кафедр по НИР воспользуемся диаграммой размаха («ящиком с усами») — рисунок 1 [12].

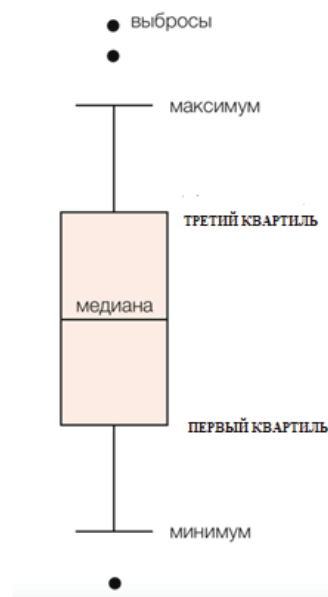

Рис. 1. Структура диаграммы «ящик с усами»

Результаты расчетов по всей совокупности показателей НИР кафедр показаны на рисунке 2.

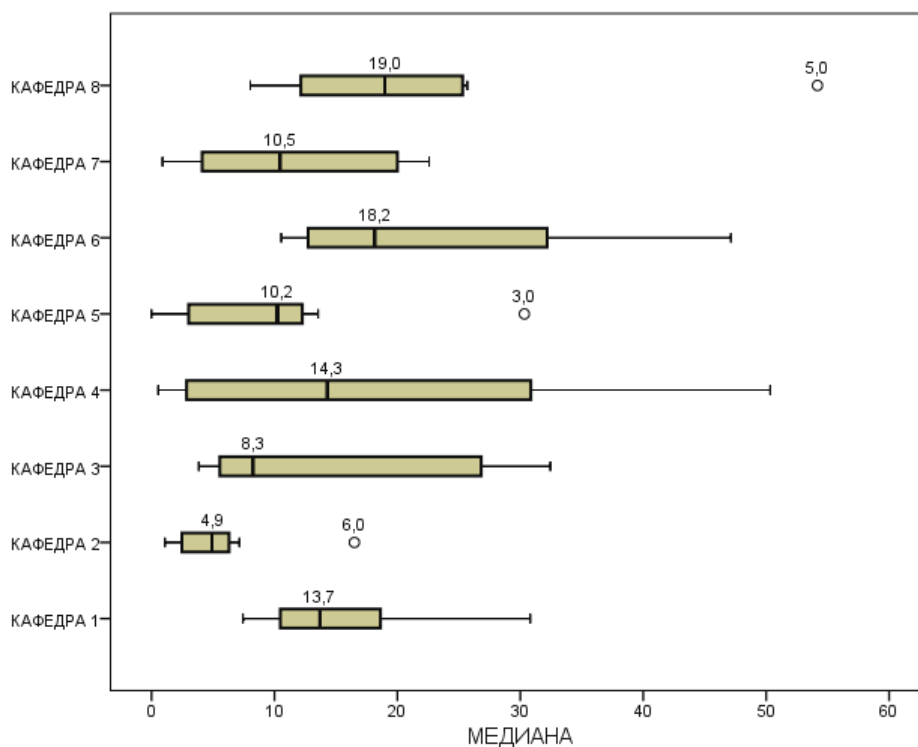

Рис. 2. Результаты НИР кафедр

На рисунке 3 представлены три выброса для кафедр 2, 5, 8, которые, скорее всего, вызваны погрешностями в установленном законе распределения показателей НИР кафедр. Поскольку

оценка медианы в ряду распределения является робастной оценкой (не зависящей от аномальных отклонений), исключим выбросы и выполним повторно расчеты.

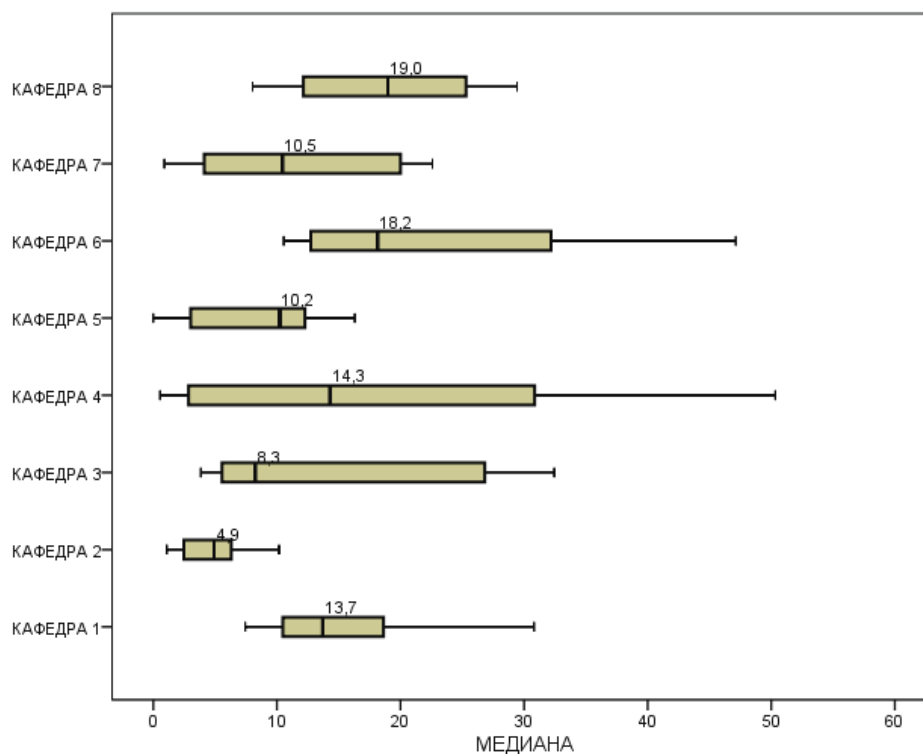

Рис. 3. Скорректированные показатели НИР кафедр

Из рисунка 3 следует, что на основании показателя медианы рейтинг кафедр по НИР будет иметь вид: 1-е место — кафедра 8; 2-е место — кафедра 6; 3-е место — кафедра 4; 4-е место — кафедра 1; 5-е место — кафедра 7; 6-е место — кафедра 5; 7-е место — кафедра 3; 8-е место — кафедра 2.

Кроме построения рейтинга НИР кафедр следует отметить, что распределение показателей для кафедры 8 практически симметрично, что свидетельствует о равномерности загрузки ППС кафедры научно-исследовательской работой. Существует также условие, что чем меньше показатель вариации, тем процесс более устойчивый, а значит, и более предсказуемый [13].

На кафедрах 6, 4, 1 существует значительный размах вариации, поэтому к прогнозу НИР данных кафедр следует относиться достаточно осторожно. Кроме того, если точка данных для первого квартиля дальше от медианы, чем точка данных для третьего квартиля от медианы, то можно утверждать, что существует больший разброс среди меньших значений набора данных, чем среди больших значений. Та же самая логика применяется для третьего квартиля.

Исходя из этого для кафедры 6, и особенно для кафедры 3, наблюдается значительный разброс показателей НИР в области высоких значений, что также не способствует точности прогнозирования деятельности кафедры по НИР.

Исходя их результатов выполненных исследований, направлениями повышения эффективности деятельности кафедр по НИР будут являться:

- обеспечение равномерности (симметричности) загрузки ППС научной работой;
- сокращение вариации (разницы между наименьшим и наибольшим значениями показателями НИР);
- учет степеней и званий ППС;
- снижение диспропорции в оценках публикаций ППС в материалах, входящих в перечень ВАК и, соответственно, Web of Science (Scopus);
- разработка показателей, отражающих оперативность внедрения в учебный процесс результатов НИР и объективных показателей числа обращений обучаемых на сайты иностранных изданий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 11.12.2021).
2. Данюшенков В. С. Комплексная оценка деятельности университета и перспектива его будущего развития // Вестник ВятГУ. 2008. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnaya-otsenka-deyatelnosti-universiteta-i-perspektiva-ego-buduschego-razvitiya> (дата обращения: 11.12.2021).
3. Реализация процесса рейтингования ППС в университете, его отражение в эффективном контракте в Технологический университет МГОТУ. URL: <https://unitech-mo.ru/upload/files/academy/scientific-council/> (дата обращения: 23.12.21).
4. Степанова Ю. А. Новый подход к оценке результатов научно-исследовательской деятельности // Медицинские новости. 2015. № 6 (249). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyuy-podhod-k-otsenke-rezultatov-nauchno-issledovatel'skoy-deyatelnosti-2> (дата обращения: 11.12.2021).
5. Лаптев В. В., Потемкин М. Н. Внутривузовские рейтинги кафедр в сфере научной деятельности как механизм активизации научной работы в университете // Universum: Вестник Герценовского университета. 2006. № 8 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrivuzovskie-reytingi-kafedr-v-sfere-nauchnoy-deyatelnosti-kak-mehanizm-aktivizatsii-nauchnoy-raboty-v-universitete> (дата обращения: 11.12.2021).
6. Доклад Президента РАН А. Сергеева: В России сокращается число ученых. — Российская газета. URL: https://rg.ru/2021/05/13/president_ran-v-rossii-sokrashchaetsia-chislo-uchenyh.html (дата обращения 23.12. 2021).
7. Сайт ПГУ. URL: <https://lk.pnzgu.ru/rating/obr/551> (дата обращения: 27.12.2021).
8. Deductor. Руководство аналитика. Версия 5.3. © 1995–2013 Компания BaseGroup™ Labs.
9. Бююль А., Цефель П. SPSS: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей: пер. с нем. СПб., 2003. 609 с.
10. Заляжных В. В. Статистические расчеты при планировании и обработке результатов испытаний: учебное пособие. Архангельск, 2014. 82 с.
11. Проверка результатов А/В теста. URL: <https://your-scorpion.ru/ab-tests-check-mathematics> (дата обращения: 27.12.2021).
12. Сальникова К. В. Анализа массива данных с помощью инструмента визуализации «Ящик с усами» // Universum: экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн. 2021. № 6 (81). URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/11778> (дата обращения: 01.01.2022).
13. URL: Вариация, размах, межквартильный размах, среднее линейное отклонение. URL: <http://latoska.ru/variatsiya-razmakh-merhkvartie-nyu-rarmakk-sredneye-lineynoye-otklonenie/> (дата обращения: 01.01.2021).

REFERENCES

1. On Education in the Russian Federation: Federal Law No. 273-FZ of 29.12.2012 (as amended on 29.12.2017) // ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (date of access: 11.12.2021).
2. Danyushenkov V. S. Comprehensive assessment of the university's activities and the prospect of its future development // Bulletin of VyatGU. 2008. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnaya-otsenka-deyatelnosti-universiteta-i-perspektiva-ego-buduschego-razvitiya> (date of access: 11.12.2021).
3. Implementation of the FACULTY rating process at the university, its implementation in the effective contract of the MGOTU Technological University. URL: <https://unitech-mo.ru/upload/files/academy/scientific-council/> (date of access: 23.12.21).
4. Stepanova Yu. A. A new approach to evaluating the results of research activities // Medical news. 2015. No. 6 (249). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyuy-podhod-k-otsenke-rezultatov-nauchno-issledovatel'skoy-deyatelnosti-2> (date of access: 11.12.2021).
5. Laptev V. V., Potemkin M. N. Intra-university ratings of departments in the field of scientific activity as a mechanism for activating scientific work at the university // Universum: Bulletin of the Herzen University. 2006. No. 8 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrivuzovskie-reytingi-kafedr-v-sfere-nauchnoy-deyatelnosti-kak-mehanizm-aktivizatsii-nauchnoy-raboty-v-universitete> (date of access: 11.12.2021).

6. Report of the President of the Russian Academy of Sciences A. Sergeev. URL: President of the Russian Academy of Sciences: The number of scientists in Russia is decreasing — Rossiyskaya Gazeta (rg.ru) (date of access: 23.12.2021).
7. PSU website. URL: <https://lk.pnzgu.ru/rating/obr/551> (date of access: 27.12.2021).
8. Deductor. Analyst's guide. Version 5.3. © 1995–2013 BaseGroup™ Labs.
9. Byul A., Cefel P. SPSS: The art of information processing. Analysis of statistical data and recovery of hidden patterns: trans. from ger. Spb., 2003. 609 p.
10. Zalyazhnykh V. V. Statistical calculations in the planning and processing of test results: textbook. Arkhangelsk, 2014. 82 p.
11. Verification of A/B test results <https://your-scorpion.ru/ab-tests-check-mathematics> (date of access: 27.12.2021).
12. Salnikova K. V. Data array analysis using the visualization tool «Box with mustache» // Universum: economics and jurisprudence: electron. scientific. journal. 2021. No. 6 (81). URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/11778> (date of access: 01.01.2022).
13. Variation, span, interquartile span, average linear deviation — statanaliz. URL: <http://latoska.ru/variatsiya-razmakh-merhkvartie-nyy-rarmakk-sredneye-lineynoye-otklonenie/> (date of access: 01.01.2021).

Поступила в редакцию: 11.01.2022.

Принята к печати: 28.01.2022.

РЫНОК ТРУДА: ИЗМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ ТРУДА, ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ¹

А. Ч. Кылгыдай

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН
(Кызыл, Россия)

В статье изучаются тенденции развития российского рынка труда. Проведен краткий анализ современной ситуации на рынке труда. Одной из основных проблем рынка труда России была и остается безработица, тем не менее в условиях постоянных изменений и нестабильности продолжается формирование рынка труда и становление современных трудовых отношений, возможности занятости становятся более гибкими и разнообразными с одновременным усилением конкуренции. Дана оценка современным изменениям, происходящим в сфере труда, обусловленных экономическими кризисами, отраслевыми преобразованиями экономики, научно-техническим прогрессом, модернизацией производств и переходом к наукоемким технологиям. Особого внимания заслуживают социально-экономические последствия быстрого распространения цифровых технологий, их влияние на производственные, экономические системы, на набор и характеристики профессий, предпочитаемых рынком труда, на требования к работникам. С развитием цифровых технологий деятельность человека, трудовые отношения переходят в виртуальную сферу. Рассматриваются перемены в трудовой сфере в связи с пандемией коронавируса, охватившей весь мир.

Ключевые слова: рынок труда, безработица, пандемия, удаленная занятость.

LABOR MARKET: CHANGES IN THE LABOR SPHERE, MODERN CHALLENGES

A. Ch. Kylgyday

Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources SB RAS
(Kyzyl, Russia)

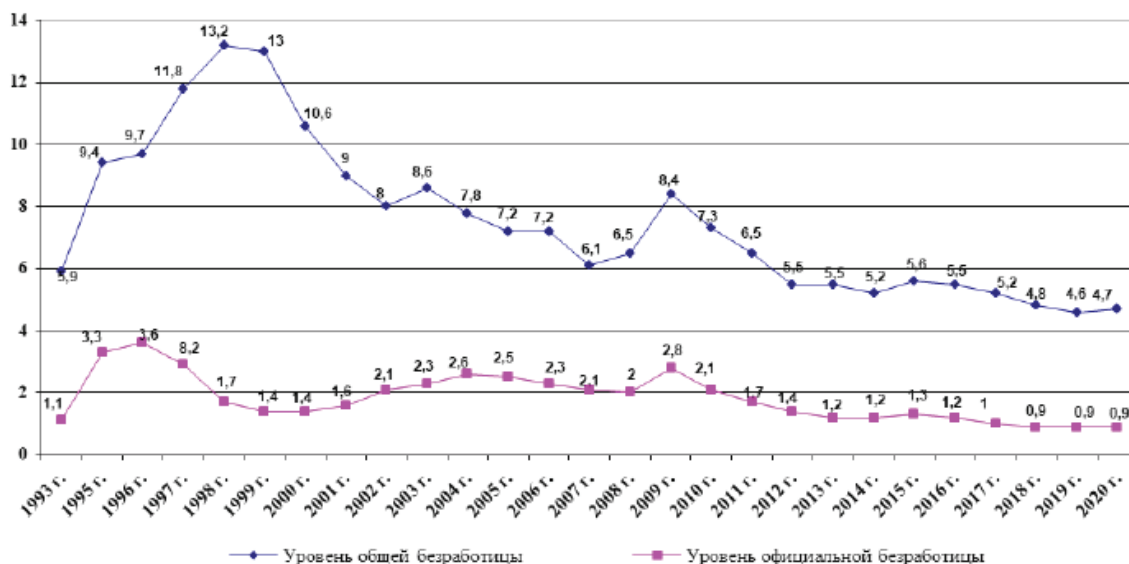
The article considers the development trends of the Russian labor market. A brief analysis of the current situation on the labor market is carried out. Unemployment is one of the main problems of the Russian labor market, nevertheless, the formation of the labor market and the formation of modern labor relations continue in the conditions of constant changes and instability. Employment opportunities are becoming more flexible and diversified with a simultaneous competition rising. The assessment of modern changes in the world is given in the work by economic crises, sectoral transformations of the economy, scientifically-technological progress, production modernization and the transition to high technologies. The social-economic consequences of the rapid propagation of digital technologies, their impact on production and economic systems, on the selection and characteristics of professions preferred by the labor market, and on the requirements for workers deserve special attention. The development of digital technologies causes human activities, labor relations move into the virtual sphere. The article considers the changes in the labor sphere during the coronavirus pandemic around the world.

Keywords: labor market, unemployment, pandemic, remote employment.

¹ Работа выполнена по государственному заданию ТувИКОПР СО РАН (проект № 0307–2021–0005).

Становление российского рынка труда проходило в результате действия множества факторов. Одни из них стали условиями его развития, другие — оказали обратное влияние. В результате на российском рынке труда произо-

шло значительное и резкое снижение численности занятых при увеличении населения трудоспособного возраста. Россия сегодня — это страна с высоким уровнем безработицы (рис.).

Динамика уровня безработицы в РФ

(По стат. данным: Регионы России..., 2002, с. 101; 2011, с. 122; 2018, с. 156–157; 2020, с. 208–209)

Период с 1991–2000 гг. характеризуется всплеском официальной безработицы с 5,9 до 13%. Этим обусловлен высокий уровень напряженности на рынках труда [1, с. 67]. Разразившийся 1998 г. финансовый кризис еще более усложнил ситуацию.

В 1999–2007 гг., сравнительно благоприятные годы, социально-экономическое развитие России способствовало стабилизации на рынке труда как страны в целом, так и ее регионов.

В период 2008–2013 гг. Россия испытала воздействие мирового финансового кризиса со значительным падением объемов производства в отраслях экономики, снижением занятости населения и ростом уровня безработицы [2, с. 23].

Далее статистические данные социально-экономического положения РФ [3] показывают, что на рынке труда с 2010 г. начались позитивные изменения: стабилизировался и стал снижаться в связи с ростом производства уровень безработицы; оплата труда постепенно приблизилась к реальной цене рабочей силы; произошли и другие позитивные изменения.

Состояние российского рынка труда в 2014–2019 гг. было весьма подвержено влиянию известных политических событий и экономических явлений: санкции США и стран ЕС, снижение цен на нефть, падение курса российской национальной валюты в два раза, ускорение инфляции до 16%

в годовом исчислении, сокращение реальных доходов населения (впервые с начала 2000-х гг.) [3, с. 67]. Хотя российский рынок труда до 2019 г. переживал не лучшие, но это были и не самые худшие времена. Уровень безработицы в РФ до пандемии коронавируса, охватившего весь мир, не превышал в 4–5% в год [4, с. 202].

Итак, одной из основных проблем рынка труда России была и остается безработица. Тем не менее в условиях постоянных изменений и нестабильности, наблюдающиеся в российской экономической системе, продолжается формирование рынка труда и становление современных трудовых отношений, экономическая основа которых за последние полтора десятилетия сильно трансформировалась. Перемены в трудовой сфере детерминированы не только экономическими кризисами, но и отраслевыми преобразованиями экономики, модернизацией производств и переходом к наукоемким технологиям.

К современным изменениям в труде и трудовой сфере прежде всего относится усиление гибкости его рынка. Широкое распространение получила новая форма самозанятости — фриланс. Россия входит в топ-10 стран по объему его рынка. Численность сотрудников на фрилансе составила 14 млн человек (по оценкам PwC) [5]. Фрилансом в основном заняты работники умственного труда, само-

стоятельно реализующие свои профессиональные услуги. Привлечение фрилансера на работу несет обоюдную выгоду, как для работодателя в плане экономии на социальных расходах, так и для работника в плане самостоятельности в контроле времени и интенсивности труда, территориальной независимости.

Неотъемлемой, хотя недостаточно изученной, частью современного рынка труда становится прекариат (от лат. *precarium* — нестабильный, ненадежный, неустойчивый, рискованный). Любой работник, независимо от возраста, пола, гражданской принадлежности, может быть вытеснен в группу прекариев, по различным неблагоприятным для него обстоятельствам, поневоле [6, с. 3–15]. Прекариат как новый социально опасный слой имеет в России материальную базу для своего формирования, роста и развития в виде неформальной занятости [7, с. 308].

Одним из источников возникновения прекариата является неформальная занятость, подразумевающая людей, не имеющих постоянной занятости, что дает основание использовать статистические показатели занятых в неформальном секторе экономики в качестве индикаторов прекарности. Сегодня насчитывает от 15 до 30% неустойчиво занятых от числа экономически активного населения [8, с. 65].

За 2020 г. во всем мире жизнь людей существенно изменилась. На российскую экономику, как и на мировую, сильно повлиял кризис в условиях пандемии коронавируса. Ограничительные меры, принудительное замедление мобильности населения и деловой активности в экономике в связи с пандемией отразились и на рынке труда. Это увеличение числа граждан, попавших в трудную жизненную ситуацию, многие потеряли работу, в основном те, кто работал в сфере среднего и малого бизнеса. Часть предпринимателей были вынуждены пойти на сокращения сотрудников или же прекратить деятельность. Вместе с тем большинство работодателей по мере возможности перевели своих сотрудников на неполную рабочую неделю и на дистанционную (удаленную) форму работы. Так рынок труда адаптировался к изменившимся условиям труда и продолжает постепенно перестраиваться с учетом современных вызовов.

Ожидания того, что в 2021 г. мировая экономика и, в частности, рынок труда восстановятся от кризиса пандемии коронавируса, постепенно снижаются. Поводом этому служит нестабильная ситуация с заболеваемостью, повторный рост числа заражений по всему миру, что вынуждает прави-

тельства стран вводить снова полные или частичные ограничения.

В России в первую волну пандемии коронавируса безработица выросла на 30% [9]. Тем не менее после снятия жестких ограничительных мер рынок труда хотя медленно, но восстанавливается. В 2020 г. уровень безработицы с начала года снизился более чем на 1%. В июне 2020 г., по данным Росстата, безработица в РФ составляла 4,8%, в августе (пиковый период) — 6,4%, в декабре — 5,9%. В целом среднегодовой уровень безработицы в 2020 г. достиг 5,7%. В субъектах РФ наблюдалась весьма сложная ситуация. Самый высокий уровень безработицы 29,8% был в Ингушетии, далее в Чечне (18,5%), Тыве (18%), Дагестане (15,7%) и Северной Осетии (15,4%). А самый низкий уровень безработицы по итогам 2020 г. зафиксирован 2,4% в Ямало-Ненецком автономном округе, Москве (2,6%), Санкт-Петербурге (2,9%), Ханты-Мансийском АО (3%) и Тюменской области (3,6%).

В настоящее время можно утверждать, что рынок труда адаптировался под новые реалии, COVID-19 стал частью нашей жизни: ускорилось распространение различных гибких форм занятости, таких как частичная занятость, дистанционная работа и т. д., активно развивается ниша самозанятости в условиях формата онлайн. Наличие компьютера, современные средства связи и высокоскоростной доступ в Интернет дают возможность выполнять многие виды работ на территориальном удалении от организации-работодателя или заказчика и в гибком временном режиме [10, с. 5]. Хотя до совсем недавнего времени в дистанционном формате работали в основном IT-специалисты, маркетологи и специалисты некоторых других профессий, где не требуется физического присутствия работника непосредственно на рабочем месте и можно работать удаленно из любой точки земного шара. Сейчас же, в условиях пандемии, на дистанционную работу переводят всех, кого только возможно, а в дальнейшем, считают эксперты, доля таких сотрудников может достигнуть 60% [11].

Таким образом, из-за современных изменений в сфере труда его рынок становится крайне неустойчивым, нестабильным, подверженным различным флуктуациям и склонным к неопределенности, что дает повод задуматься о мерах быстрого реагирования на нестабильность в экономике и изменения в геополитической ситуации и, соответственно, о разработке стратегии по восстановлению и адаптации труднопредсказуемых потрясений как, например, вспышки коронавируса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Четвернина Т. Безработица в России (официальная оценка и реальные масштабы) // Проблемы теории и практики управления. 1994. № 4. С. 66–70.
2. Балакина Г. Ф., Кылыгдай А. Ч. Исследование особенностей рынка труда слабоурбанизированного региона // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 35. С. 23.
3. Улюкаев А., Мау В. От экономического кризиса к экономическому росту, или Как не дать кризису превратиться в стагнацию // Вопросы экономики. 2015. № 4. С. 5–19.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: статистический сборник. М., 2020. 1242 с.
5. Рынок труда России в цифрах в 2021. URL: <https://it-recruiting.ru/rynok-truda-rossii-v-cifrax-v-2021/> (дата обращения: 06.10.2021).
6. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. Нормально ли быть неформальным? // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2013. № 1. С. 3–15.
7. Беляев В. И., Кузнецова О. В. Неформальная занятость как источник формирования прекариата в России: методология исследования и оценка потенциала // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2020. № 52. С. 308–324.
8. Лобова С. В. Прекарность рабочих мест на рынке труда // Менеджмент в России и за рубежом. 2017. № 6. С. 64–71.
9. Как пандемия повлияла на рынок труда в России. Инфографика. Правмир. URL: <https://www.pravmir.ru/kak-pandemiya-povliyala-na-rynok-truda-v-rossii-infografika/> (дата обращения: 15.09.2021).
10. Гимпельсон В., Капелюшников Р. Нестандартная занятость и российский рынок труда. Препринт WP3/2005/05. М., 2005. 36 с.
11. Рынок труда во время эпидемии и после: что будет с вакансиями и зарплатами, и что нужно делать уже сейчас? URL: <https://bankstoday.net/last-articles/rynok-truda-vo-vremya-epidemii-i-posle-cto-budet-s-vakansiyami-i-zarplatami-i-cto-nuzhno-delat-uzhe-sejchas> (дата обращения: 14.09.2021).

REFERENCES

1. Chetvernina T. Unemployment in Russia (official assessment and real scale) // Problems of theory and practice of management. 1994. No. 4. Pp. 66–70.
2. Balakina G. F., Klygydai A. Ch. Study of the peculiarities of the labor market in a poorly urbanized region // Economic analysis: theory and practice. 2015. No. 35. P. 23.
3. Ulyukaev A., Mau V. From economic crisis to economic growth, or How to prevent the crisis from turning into stagnation // Economic Issues. 2015. No. 4. Pp. 5–19.
4. Regions of Russia. Social-economic indicators. 2020: statistical collection. M., 2020. P. 1242.
5. The labor market of Russia in figures in 2021. URL: <https://it-recruiting.ru/rynok-truda-rossii-v-cifrax-v-2021/> (date of access: 06.10.2021).
6. Gimpelson V. E., Kapelyushnikov R. I. Is it okay to be informal? // Economic Journal of the Higher School of Economics. 2013. No. 1. Pp. 3–15.
7. Belyaev V. I., Kuznetsova O. V. Informal employment as a source of formation of the precariat in Russia: research methodology and potential assessment // Bulletin of the Tomsk State University. Economy. 2020. No. 52. Pp. 308–324.
8. Lobova S. V. Precariousness of jobs in the labor market // Management in Russia and abroad. 2017. No. 6. Pp. 64–71.
9. How the pandemic affected the labor market in Russia. Infographics. Pravmir. URL: <https://www.pravmir.ru/kak-pandemiya-povliyala-na-rynok-truda-v-rossii-infografika/> (date of access: 15.09.2021).
10. Gimpelson V., Kapelyushnikov R. Precarious employment and the Russian labor market. Preprint WP3 / 2005/05. M., 2005. 36 p.
11. The labor market during the epidemic and after: what will happen to vacancies and salaries, and what needs to be done now? URL: <https://bankstoday.net/last-articles/rynok-truda-vo-vremya-epidemii-i-posle-cto-budet-s-vakansiyami-i-zarplatami-i-cto-nuzhno-delat-uzhe-sejchas> (date of access: 09.14.2021).

Поступила в редакцию: 08.11.2021.

Принята к печати: 10.01.2022.

ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

М. В. Петрова

Алтайский государственный аграрный университет (Барнаул, Россия)

В последние годы на фоне пандемии коронавируса в России возрастает значение внутреннего туризма. Перспективы развития сельского туризма связаны с реализацией мероприятий государственной поддержки туризма в России, принятых в 2021 г., который был объявлен Всемирной туристической организацией ООН годом сельского туризма. В статье дана оценка перспектив развития сельского и экологического туризма в Алтайском крае с учетом специфики природных условий и культурно-исторических особенностей региона.

Алтайский край обладает благоприятными природно-климатическими условиями для развития сельского туризма. В настоящее время реализуется государственная программа поддержки развития туризма в регионе. На основе проведенных автором исследований были разработаны рекомендации по раскрытию потенциала развития сельского туризма, как важного направления устойчивого развития сельских территорий. Реализация разработанных рекомендаций будет способствовать повышению привлекательности сельского и экологического туризма в Алтайском крае и в целом развитию внутреннего туризма в России.

Ключевые слова: сельский туризм, экологический туризм, зеленая экономика, сельский гостевой дом, пандемия, государственная поддержка.

ASSESSMENT OF PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF RURAL TOURISM IN THE ALTAI TERRITORY

M. V. Petrova

Altai State Agricultural University (Barnaul, Russia)

In recent years, against the background of the coronavirus pandemic in Russia, the importance of domestic tourism has been increasing. Prospects for the development of rural tourism are associated with the implementation of state support measures for tourism in Russia, adopted in 2021, which was declared the Year of Rural Tourism by the World Tourism Organization (UNWTO). The article assesses the prospects for the development of rural and ecological tourism in the Altai Territory, taking into account the specifics of natural conditions and cultural and historical features of the region.

Altai Krai has favorable natural and climatic conditions for the development of rural tourism. Currently, a state program to support the development of tourism in the region is being implemented. Based on the research carried out by the author, recommendations were developed to reveal the potential of rural tourism development as an important direction of sustainable rural development. The implementation of the developed recommendations will contribute to increasing the attractiveness of rural and ecological tourism in the Altai Territory, and in general, the development of domestic tourism in Russia.

Keywords: rural tourism, ecological tourism, green economy, rural guest house, pandemic, state support.

Алтайский край — репрезентативный туристический регион. Его конкурентным преимуществом является комплекс природно-климатических, бальнеологических и лечебных факторов, богатое историко-культурное наследие,

наличие системы особо охраняемых природных территорий [1].

В настоящее время Алтайский край является одним из ведущих регионов Сибирского федерального округа по развитию сферы туризма, он тради-

ционно включается в ТОП-10 туристических регионов России. Алтайский край — многопрофильный туристический регион, на территории которого представлены разные направления туризма. В регионе активно развиваются лечебно-оздоровительный, научно-познавательный, спортивный, деловой, сельский и другие виды туризма.

Цель данного исследования — выявление сильных сторон и возможных «точек роста» сельского туризма в Алтайском крае. Для получения исходной информации использовался метод анкетирования. В опросах принимали участие владельцы сельских гостевых домов и жители городов Алтайского края.

В рамках данного исследования решались следующие задачи:

- выявление мотивов выбора сельского туризма как формы отдыха;
- определение конкурентных преимуществ и недостатков сельских гостевых домов;
- выявление степени совпадения ожиданий туристов с реальным отдыхом;
- изучение оценок туристов в отношении ассортимента, качества дополнительных услуг, а также ценовой политики в отношении данных услуг;
- определение направлений дальнейшего развития сельского туризма в регионе.

Сельский туризм имеет большое значение для развития территорий как альтернативный вид деятельности в сельской экономике. В «Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации» до 2030 г. отмечается, что туризм является экономически выгодной и экологически безопасной отраслью национальной экономики [2]. В настоящее время доля сельского туризма составляет около 2% среди всех видов туризма, при больших перспективах его развития. Сельский туризм может выступать как вид предпринимательской деятельности в сельской местности.

В настоящее время нет единого подхода к определению сельского туризма. На практике можно встретить разные трактовки данного понятия. Обобщенно понятие «сельский туризм» является синтезом разных определений, принятых в зарубежной и отечественной научной литературе.

Общее определение сельского туризма следующее: «Сельский туризм — это деятельность по организации отдыха и досуга туристов в сельской местности или в малых городах с предоставлением услуг гостеприимства в частном секторе с возможностью трудового участия, ориентированная на использование природно-рекреационных, культурно-исторических, социально-этнографических и других ресурсов, традиционных для данной местности» [3].

К объектам сельского туризма можно отнести следующие:

- сельский гостевой дом;
- иное средство размещения в сельской местности (база отдыха, кемпинг, гостиница);
- кафе (ресторан) в сельской местности;
- музей, культурно-досуговый центр, ремесленная мастерская;
- ферма, рыбное хозяйство и др.;
- объект показа: фольклорная, гастрономическая или иная развлекательная программа сельской тематики, мастер-класс, авторская экскурсия по природным и культурным достопримечательностям [4].

Сельский гостевой дом — это малое специализированное средство размещения (часто семейное), расположенное в сельской местности или в малых городах, предоставляющее гостям услуги временного проживания, а также дополнительные услуги по организации отдыха, питания, экскурсий и др. [5].

К средствам размещения в сельском туризме могут быть отнесены не только отдельно стоящие здания, дома, коттеджи, но и часть здания, дома с отдельным или общим входом для хозяина и гостей или комната в доме, где проживает сам хозяин и его семья. Сельский гостевой дом является частным домовладением и принадлежит физическому лицу, которое осуществляет деятельность как индивидуальный предприниматель.

Одна из важных задач сельского туризма — дать импульс развитию отдельных поселений, повышению уровня доходов их жителей, уменьшение миграционного потока из сельской местности в города посредством организации нового сектора сельской экономики [6]. При всех своих достоинствах и уникальности сельский туризм является социально ориентированным видом отдыха, так как с финансовой точки зрения он доступен широким слоям населения.

Учитывая то, что больше половины населения Алтайского края проживает в сельской местности или в небольших городах с численностью населения до 50 тысяч человек, перспективным направлением для региона является развитие сельского туризма [7]. Природно-климатические условия Алтайского края создают благоприятные условия для его развития.

В последние годы в Алтайском крае наблюдается достаточно интенсивное развитие сельского туризма. С каждым годом увеличивается количество сельских гостевых домов, количество мест размещения и число обслуженных туристов.

Из данных таблицы 1 следует, что в 2019 г. в Алтайском крае имелось 192 сельских гостевых дома. При этом количество рабочих мест в сельских го-

стевых домах в 2019 г. составляло 548. В дальнейшем также сохраняется тенденция к увеличению

сельских гостевых домов и мест размещения туристов.

Таблица 1

Показатели развития сельского туризма в Алтайском крае [8, 9]

Показатели	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2019 г. в % к 2015 г.
Число туристских организаций в регионе	960	970	987	1006	1037	108,2
Количество сельских гостевых домов	176	180	185	188	192	109,1
Количество мест в сельских гостевых домах, тыс. шт.	8,8	9,2	9,5	9,6	9,7	110,2

Результаты исследования особенностей и перспектив развития сельского туризма на основе опроса владельцев гостевых домов в Алтайском

крае и городских жителей, как потенциальных туристов, представлены далее.

Таблица 2

Отличительные особенности и перспективы сельского туризма

Характеристики и особенности сельского туризма	Содержание ответов респондентов
Основной мотив выбора сельского туризма как формы отдыха	Уникальность природы, отсутствие цивилизации, ощущения свободы и гармонии
Социально-психологический портрет клиентов сельских гостевых домов	Жители крупных городов, путешествуют семьями или небольшими компаниями, открыты для новых впечатлений, имеют ответственное отношение к природе, терпимы к бытовым неудобствам
Факторы, влияющие на выбор сельского гостевого дома	Местоположение, рекомендации знакомых, средний уровень комфорта, развитость транспортной инфраструктуры
Конкурентные преимущества сельского туризма	Возможность знакомства с местными особенностями, природой, кухней, натуральные продукты питания
Дополнительные услуги для туристов	Экскурсии по уникальным местам, приготовление пищи, мастер-классы по изготовлению изделий народных промыслов, рыбалка, конные прогулки, продажа сувенирной продукции
Направления совершенствования предоставляемых услуг	Совершенствование ценовой политики, расширение ассортимента и повышение качества туристических услуг, проведение рекламных кампаний
Способы продвижения услуг сельского туризма	Сеть Интернет, социальные сети, реклама на телевидении, в СМИ, распространение рекламных буклетов

Владельцы сельских гостевых домов в Алтайском крае выделяют следующие проблемы в своем бизнесе: сезонность (значительный поток туристов сокращается при наступлении холодов), отсутствие или недостаточное развитие дорог и коммуникаций, недовольство туристов благоустроенностью гостевых домов, проблемы при продвижении туристических услуг.

В процессе исследования были определены мероприятия, осуществление которых будет способствовать реализации потенциала сельского туризма как важного направления развития сельских территорий.

Можно предложить следующие мероприятия по развитию сельского туризма в Алтайском крае:

1. Повышение уровня информированности потенциальных туристов об услугах сельского и экологического туризма.

Требуется разработка комплекса маркетинговых мероприятий в рамках единой концепции. Необходимо информировать потенциальных туристов о возможностях отдыха в сельской местности путем включения туристических объектов в различные информационные ресурсы, включая Интернет.

2. Развитие новых видов услуг, пользующихся высоким спросом у потенциальных туристов.

Необходимо довести до действующих и будущих предпринимателей в сфере сельского туризма информацию о потребностях туристов в новых видах услуг, а также о требованиях, предъявляемых ими к сельским гостевым домам.

3. Повышение уровня компетентности владельцев сельских гостевых домов и предпринимателей, предоставляющих дополнительные услуги.

Целесообразно организовать обучение основам экскурсионного обслуживания, а при необхо-

димости оказывать помощь в создании новых интересных туристических маршрутов. Кроме этого, предпринимателям требуются услуги бизнес-консультирования, юридическая помощь, льготное кредитование.

С целью продвижения региона в сфере сельского туризма необходимо формирование его туристического имиджа путем участия в различных мероприятиях, специализированных выставках, продвижение туристских продуктов в СМИ, в сети Интернет и др.

Следует отметить, что в период пандемии коронавируса существенно возросло стремление городских жителей к экологичному образу жизни [10]. Развитие сельского туризма на территории Алтайского края может дать толчок развитию «зеленой» (экологичной) экономики. В свою очередь, развитие «зеленой» экономики позволит краю стать более привлекательным с точки зрения туризма [11]. Сельский туризм, основанный на принципах устойчивого развития, может противостоять процессам деградации окружающей среды. Основная задача экологического туризма — пребывание туристов в естественной природной среде и сохранение экологического баланса.

В декабре 2021 г. было принято Постановление Правительства Российской Федерации, которое вносит изменения в «Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия», которая дополняется Правилами предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на развитие сельского туризма [12]. Правила устанавливают цели, условия и порядок предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации для софинансирования их расходных обязательств по предоставлению сельскохозяйственным товаропроизводителям грантов на развитие сельского туризма.

Грант «Агротуризм» представляет собой средства бюджета субъекта Российской Федерации

на финансовое обеспечение затрат, связанных с реализацией проекта развития сельского туризма. Получателем гранта может являться сельскохозяйственный товаропроизводитель, зарегистрированный и осуществляющий деятельность на сельской территории, обязующийся осуществлять деятельность в течение не менее 5 лет со дня получения гранта и достигнуть показателей деятельности, предусмотренных проектом развития сельского туризма.

Оживлению сельской экономики за счет развития сельского туризма в Алтайском крае способствует его государственная поддержка. Для формирования современной туристической индустрии, увеличения вклада сферы туризма в устойчивое развитие экономики и социальной сферы, повышения доходной части краевого и местных бюджетов в регионе реализуются мероприятия государственной программы «Развитие туризма в Алтайском крае» на 2020–2024 гг. [13]. Целями программы являются развитие туристско-рекреационного комплекса Алтайского края, внутреннего и въездного туризма в регионе за счет создания условий для формирования и продвижения качественного туристского продукта, повышения его конкурентоспособности на российском и зарубежном рынках. В соответствии с данной программой предусмотрены разные виды государственной финансовой поддержки хозяйствующих субъектов сферы туризма, включая субсидирование части затрат на строительство и реконструкцию сельских гостевых домов.

Таким образом, туризм — это один из перспективных секторов экономики Алтайского края с большим потенциалом развития. Сельский туризм в регионе активно развивается в связи с доступностью для массового потребителя со средним достатком. Новый импульс для развития сельского туризма связан с пандемией коронавируса и ростом спроса на туры внутри страны. Перспективы развития сельского туризма непосредственно зависят от динамики процесса формирования институциональной среды и применения инструментов его государственной поддержки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мищенко И. В., Пуричи В. В., Габриелян Э. Э., Лухманова Г. К. Совершенствование туристической инфраструктуры как необходимое условие повышения ее вклада в экономику региона // Экономика Профессия Бизнес. 2021. № 1. С. 55–62.
2. Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г.: Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 г. № 151-р. // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/docu-ment/174933/> (дата обращения: 28.11.2021).
3. Барлыбаев А. А., Ахметов В. Я., Насыров Г. М. Туризм как фактор диверсификации сельской экономики // Проблемы прогнозирования. 2009. № 6 (117). С.105–111.

4. Лебедева И. В., Копылова С. Л. Сельский туризм как средство развития сельских территорий: методическое пособие. М., 2018. 164 с.
5. ГОСТ Р 56641–2015 «Услуги малых средств размещения. Сельские гостевые дома. Общие требования». М., 2016.
6. Петрова М. В. Отечественный и зарубежный опыт развития сельских территорий на основе общественного самоуправления и сельского туризма // Экономические исследования и разработки. 2020. № 7. С. 38–45.
7. Петрова М. В. Развитие сельского и экологического туризма в Алтайском крае // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и техники: сборник научных статей / отв. ред. Е. Д. Родионов. Барнаул, 2018. С. 1071–1073.
8. Кундиус В. А., Миронова О. П. Диверсификация сельской экономики в сфере рекреационных туристических услуг // Взаимодействие города и села в современном обществе: тенденции, проблемы, перспективы. Никоновские чтения-2021: материалы XXVI Международной научно-практической конференции (25–26 октября 2021 г.). М., 2021. С. 153–157.
9. Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. URL: <https://astat.gks.ru> (дата обращения 15.12.2021)
10. Мирошниченко Т. А., Подгорская С. В. Современные тенденции и перспективы развития сельского туризма в России // Вестник ЗабГУ. 2021. Т. 27. № 3. С. 119–126.
11. Лесных Е. А. Туризм как основной движущий фактор развития «зеленой» экономики на территории Алтайского края // Туризм как фактор устойчивого развития региона: сборник материалов II Международной научно-практической конференции. Горно-Алтайск, 2019. С. 152–156.
12. Правила предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на развитие сельского туризма. Утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 декабря 2021 г. № 2309. URL: <http://garant.ru/products/ipo/prime/doc/403174128> (дата обращения 24.01.2022)
13. Постановление Правительства «Об утверждении государственной программы «Развитие туризма в Алтайском крае 2020–2024 гг.» от 23 марта 2020 г. № 125. URL: <http://docs.cntd.ru/document/423904756> (дата обращения 27.12.2021).

REFERENCES

1. Mishchenko I. V., Purichi V. V., Gabrielyan E. E., Likhmanova G. K. Improvement of tourist infrastructure as a necessary condition for increasing its contribution to the economy of the region // Economics Profession Business. 2021. No. 1. Pp. 55–62.
2. On the approval of the Strategy for Sustainable Development of Rural Areas of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the Government of the Russian Federation No. 151-r dated 02.02.2015 // ConsultantPlus: legal reference system. URL: <http://www.consultant.ru/document/174933/> (date of access 28.11.2021).
3. Barlybaev A. A., Akhmetov V. Ya., Nasyrov G. M. Tourism as a factor of rural economy diversification // Studies on Russian Economic Development. 2009. No.6 (117). Pp. 105–111.
4. Lebedeva I. V., Kopylova S. L. Rural tourism as a means of rural development: methodical manual. M., 2018. 164 p.
5. GOST R 56641–2015 «Services of small accommodation facilities. Rural guest houses. General requirements». M., 2016.
6. Petrova M. V. Domestic and foreign experience of rural development on the basis of public self-government and rural tourism // Economic research and development. 2020. No. 7. Pp. 38–45.
7. Petrova M. V. Development of rural and ecological tourism in the Altai Territory // Lomonosov readings in Altai: fundamental problems of science and technology: collection of scientific articles / ed. by E. D. Rodionov. Barnaul, 2018. Pp. 1071–1073.
8. Kundiys V. A., Mironova O. P. Diversification of rural economy in the field of recreational tourist services // Interaction of the city and the village in modern society: trends, problems, prospects. Nikon Readings-2021: materials of the XXVI International Scientific and Practical Conference (October 25–26, 2021). M., 2021. Pp. 153–157.
9. Department of the Federal State Statistics Service for the Altai Territory and the Altai Republic. URL: <https://astat.gks.ru> (date of access: 15.12.2021).

10. Miroshnichenko T. A., Podgorska S. V. Modern trends and prospects of rural tourism development in Russia // Bulletin of the Zab.GU. 2021. T. 27. No. 3. Pp. 119–126.

11. Lesnykh E. A. Tourism as a major driving factor in the development of green economy in the territory of the Altai territory // Tourism as a factor of sustainable development of the region: collection of materials of the II International Scientific and Practical Conference. Gorno-Altaysk, 2019. Pp. 152–156.

12. Rules for the provision and distribution of subsidies from the federal budget to the budgets of the constituent entities of the Russian Federation for the development of rural tourism. Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation No. 2309 dated December 16, 2021. URL: <http://garant.ru/products/ipo/prime/doc/403174128> (date of access: 24.01.2022).

13. Government Resolution «On approval of the state program «Tourism Development in the Altai Territory 2020–2024» dated March 23, 2020 No. 125. URL: <http://docs.cntd.ru/document/423904756> (date of access: 27.12.2021).

Поступила в редакцию: 29.12.2021.

Принята к печати: 07.02.2022.

ОЦЕНКА РЕНТАБЕЛЬНОСТИ И НАЛОГОВОЙ НАГРУЗКИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В СОСТАВЕ АГРОХОЛДИНГОВ

А. С. Савченко

Сибирский институт управления (филиал) Российской Академии народного хозяйства и государственной службы (Новосибирск, Россия)

Цель исследования состояла в выявлении дифференциации рентабельности и налоговой нагрузки юридически самостоятельных сельскохозяйственных организаций и организаций в составе агрохолдингов, а также в определении влияния ряда факторов на изменение рентабельности и уровня налоговой нагрузки. В статье проанализированы динамика рентабельности и налоговых платежей сельскохозяйственных организаций Алтайского края. При проведении исследований были обобщены данные о сумме налогов, сборов и страховых платежей, уплачиваемых сельскохозяйственными предприятиями Алтайского края в зависимости от их вхождения в состав агрохолдингов, а также дана оценка налоговой нагрузки данных предприятий. Установлено, что налоговая нагрузка входящих в состав агрохолдингов сельскохозяйственных организаций выше налоговой нагрузки юридически автономных организаций, что связано, прежде всего, со специализацией хозяйствующих субъектов. Рентабельность производства продукции сельскохозяйственных предприятий также была определена структурой их товарной продукции. Отмечено, что выручка и объем налогов и сборов в различной степени оказывают влияние на налоговую нагрузку организаций, входящих в состав агрохолдингов и юридически автономных предприятий.

Ключевые слова: агрохолдинги, самостоятельно функционирующие предприятия, Алтайский край, рентабельность, специализация, отраслевая структура, налоговая нагрузка, сельское хозяйство.

ASSESSMENT OF PROFITABILITY AND TAX BURDEN OF AGRICULTURAL ENTERPRISES AS PART OF AGRICULTURAL HOLDINGS

A. S. Savchenko

Siberian Institute of Management (branch) of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russia)

The purpose of the study was to identify the differentiation of profitability and tax burden of legally independent agricultural organizations and organizations within agricultural holdings, as well as to determine the influence of a number of factors on the change in profitability and the level of tax burden. The article analyzes the dynamics of profitability and tax payments of agricultural organizations of the Altai Territory. During the research, data on the amount of taxes, fees and insurance payments paid by agricultural enterprises of the Altai Territory, depending on their membership in agricultural holdings, were summarized, and an assessment of the tax burden of these enterprises was given. It is established that the tax burden of agricultural organizations that are part of agricultural holdings is higher than the tax burden of legally autonomous organizations, which is primarily due to the specialization of economic entities. The profitability of agricultural enterprises' production was also determined by the structure of their marketable products. It is noted that the revenue and the amount of taxes and fees to varying degrees have an impact on the tax burden of organizations that are part of agricultural holdings and legally autonomous enterprises.

Keywords: agroholdings, independently functioning enterprises, Altai Krai, profitability, specialization, industry structure, tax burden, agriculture.

Введение. Рентабельность производства продукции для предприятий реального сектора экономики является основным показателем эффективности их производственной и сбытовой деятельности, а налогообложение — одним из элементов экономического механизма хозяйствования. В 2010–2020 гг. рентабельность сельскохозяйственного производства в Алтайском крае варьировала от 10,5 до 38,67%, что определено, с одной стороны, благоприятной ценовой конъюнктурой на рынке продукции, а с другой стороны, отрицательными факторами — низкой оплатой используемого в отрасли труда, высокой изношенности основных средств. Таким образом, можно утверждать, что высокая рентабельность производства сельского хозяйства не сопровождается решением назревших проблем в отрасли: в сельском хозяйстве усиливается дифференциация предприятий по размерам производства, доходам, получаемым бюджетным средствам, прибыли. Малые и средние предприятия специализируются на выращивании сельскохозяйственных монокультур, в структуре крупных предприятий увеличивается доля автономно функционирующих хозяйств, то есть в сельском хозяйстве и пищевой промышленности Алтайского края усиливается присутствие крупных групп компаний.

Различная специализация сельскохозяйственных предприятий определяет комбинацию используемых ресурсов, что обуславливает дифференциацию организаций по величине налогооблагаемой базы, а также по величине налоговой нагрузки. Если сравнивать налоговую нагрузку в сельском хозяйстве, то она существенно ниже налоговой нагрузки в среднем по отраслям экономики России и ее регионов. Налоговая нагрузка для организаций сельского хозяйства в Российской Федерации в 2019–2020 гг. составляла 3,8–4,5%; в Алтайском крае — не превышала 4,0%. Показатель же налоговой нагрузки по другим видам деятельности реального сектора экономики региона в этот период варьировал от 3,4 до 8,2%.

Исследования эффективности предприятий в составе агрохолдингов затруднены закрытостью информации, отсутствием статистической информации по группам взаимосвязанных лиц (группам компаний), в том числе в сельском хозяйстве (в рамках данной работы группы взаимосвязанных лиц, в составе которых присутствуют сельскохозяйственные предприятия, будем обозначать как «агрохолдинги», хотя многие из них содержат в своем составе компании, не имеющие отношения к формированию добавленной стоимости производимой, перерабатываемой сельскохозяйственной продукции и реализации продовольствия). Многие авторы отмечают существенную вариацию рентабельности сельскохозяйственного производства в агро-

холдингах, связывая это, прежде всего, с размерами производства, однако практически не исследовано влияние специализации на рентабельность, а также налоговую нагрузку предприятий, поскольку специализация определяет потребность в ресурсах (рабочая сила, основные средства, земля и т. д.), а ресурсная составляющая — формирование налогооблагаемой базы и величину начисленных налогов и страховых платежей, их существенность в денежных платежах [1, 2, 3]. Ученые в области аграрной экономики также отмечают преобладающее значение стимулирующей функции налогообложения [1, 2], поскольку налоговая нагрузка сельскохозяйственных организаций значительно ниже, чем у остальных хозяйствующих субъектов [3]. При этом И. В. Гашенко и И. В. Оробинская отмечают, что распределение налоговой нагрузки по отраслям неравномерно. Заметное снижение налоговой нагрузки в сельском хозяйстве может объясняться наличием льгот и субсидий, применением льготных ставок НДС или специального режима ЕСХН и др. [1]. К таким факторам можно отнести также дифференциацию сельскохозяйственных организаций по видам деятельности. Так, А. В. Тихонова считает, что этот фактор обязательно необходимо учитывать при расчете налоговой нагрузки [4].

На уровне хозяйствующих субъектов нет единства в определении методики расчета налоговой нагрузки, вместе с тем для интегрированных формирований данный вопрос представляется неизученным [5]. В России активно развиваются агрохолдинги, в состав которых входят десятки сельскохозяйственных «дочерних» организаций, которые играют важную роль для устойчивого развития сельского хозяйства и государства в целом [6, 7].

Описание методов и методики проводимого исследования. Теоретической и методологической основой исследования послужили результаты научных изысканий ученых в области оценки эффективности функционирования и результативности налогообложения сельскохозяйственных организаций. В процессе исследования были использованы следующие специальные методы: сравнения, экономико-статистический (статистическая выборка, экономическая группировка, расчет статистических показателей).

Для оценки присутствия на российском рынке агропромышленных холдингов и корпораций была проанализирована информация аудиторско-консалтинговой компании BEFL [8]. Для анализа объемов поступивших налогов и сборов от сельскохозяйственных организаций, в том числе размер налоговой нагрузки, использованы данные Министерства сельского хозяйства Алтайского края [9], а также сервис «Налоговый паспорт субъекта РФ»

[10]. Критерий отнесения предприятий к агрохолдингам — аффилированность физических и юридических лиц по сведениям базы данных СПАРК-интерфакс.

Полученные результаты и их обсуждение.

За период 2014–2020 гг. объем налогов, которые были уплачены сельскохозяйственными товаропроизводителями Алтайского края, увеличился с 2115,5 млн руб. до 3206,6 млн руб., прирост составил более 51,0%. С 2017 г. налоговые службы администрируют также платежи по социальным отчислениям: прирост по ним за период 2017–2020 гг. составил более 18,4% (с 3364,7 млн руб. до 3985,1 млн руб.). Данные выплаты в 2020 г. составляли более 55% всех выплат сельскохозяйственных товаропроизводителей в пользу консолидированного бюджета Российской Федерации и в страховые фонды, что связано с существенной трудоемкостью большей части производственных процессов в сельском хозяйстве.

Объем поступлений налоговых платежей от сельского хозяйства в общей массе налогов в 2014–2020 гг. был несущественным и не пре-

вышал 3,2–3,9% от общих налоговых поступлений в консолидированный бюджет Российской Федерации от налогоплательщиков Алтайского края. Однако если учитывать страховые выплаты, то доля сельскохозяйственных товаропроизводителей существенно повышается. В тоже время, объем поступлений налогов и страховых платежей от сельского хозяйства в общей его массе всех налогоплательщиков Алтайского края снизился с 5,16% в 2014 г. до 4,83% в 2020 г.

Большая часть поступивших от сельскохозяйственных товаропроизводителей налогов и страховых платежей приходилась на крупные и средние сельскохозяйственные предприятия. За период 2014–2020 гг. объем налогов и страховых платежей, уплаченных ими, увеличился с 5834,9 млн руб. до 6296,7 млн руб., прирост составил более 7,91%. Платежи по социальным отчислениям увеличились более чем на 18,77% (с 2660,9 млн руб. до 3160,4 млн руб.). Данные выплаты в 2020 г. составляли более 50,19% всех выплат в пользу консолидированного бюджета Российской Федерации и в страховые фонды.

Таблица 1

Налоги, сборы и страховые платежи, уплаченные сельскохозяйственными предприятиями, подведомственными Министерству сельского хозяйства Алтайского края, млн руб.

Налоги		2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Налог на прибыль организаций	млн руб.	77,7	53,0	60,2	51,3	70,1	99,5
	% к итогу	1,3	0,9	1,1	0,9	1,1	1,6
НДС	млн руб.	1290,6	955,8	740,5	530,9	1104,3	705,3
	% к итогу	22,1	16,7	13,3	9,1	16,8	11,2
Налог на имущество организации	млн руб.	285,4	179,8	175,9	257,3	175,1	124,7
	% к итогу	4,9	3,2	3,2	4,4	2,7	2,0
Земельный налог	млн руб.	40,1	51,5	50,8	54,7	59,3	61,0
	% к итогу	0,7	0,9	0,9	0,9	0,9	1,0
ЕСХН	млн руб.	65,5	112,9	128,8	84,2	91,5	157,5
	% к итогу	1,1	2,0	2,3	1,4	1,4	2,5
УСН	млн руб.	8,5	9,2	7,7	5,5	10,2	14,2
	% к итогу	0,2	0,2	0,1	0,1	0,2	0,2
НДФЛ	млн руб.	1208,9	1343,0	1342,9	1535,0	1543,6	1873,7
	% к итогу	20,7	23,5	24,1	26,3	23,4	29,8
Другие налоги и сборы	млн руб.	197,4	158,6	137,1	144,1	103,3	100,4
	% к итогу	3,4	2,8	2,5	2,5	1,6	1,6
Страховые взносы, в т. ч. по травматизму	млн руб.	2660,9	2845,2	2920,0	3165,1	3430,8	3160,4
	% к итогу	45,6	49,8	52,5	54,3	52,1	50,2
ИТОГО		5834,9	5709,3	5563,8	5828,1	6588,2	6296,7

Удельный вес НДС ежегодно варьировал от 9,11 до 22,12% от общей суммы уплаченных налогов и социальных платежей. Среди льготных на-

логовых систем (ЕСХН, УСН, ЕНВД) основная доля приходилась на ЕСХН.

В аграрной экономике России в последние полтора десятилетия наблюдаются достаточно противоречивые тенденции, связанные, с одной стороны, с увеличением значимости в сельскохозяйственном производстве крупных холдинговых формирований (групп взаимозависимых лиц), а с другой — с развитием малых форм хозяйствования. Согласно информации аудиторско-консалтинговой компании BEFL, в сфере АПК в 2021 г. функционировали 66 крупных компаний, совокупно контролирующих на праве собственности, аренды, прочих правовых основаниях 15,4 млн га земли сельскохозяйственного назначения России (на 8% больше по сравнению с 2020 г.).

Всего в 2016–2020 гг. «интеграторами» на территории Алтайского края выступали 26–30 компа-

ний, две из которых по состоянию в конце 2020 г. находились в стадии ликвидации (ОАО «Ключевской элеватор», ООО ХК «Изумрудная страна»). В состав групп взаимозависимых лиц входили более 10,0% всех крупных и средних сельскохозяйственных организаций Алтайского края.

По структуре налогов и страховых платежей принципиальной разницы между предприятиями, функционирующими юридически самостоятельно и находящимися под управлением агрохолдингов, обнаружено не было: в 2017–2019 гг. на долю НДС приходилось 22,84–26,79%, на долю страховых выплат — 51,74–57,47%, налога на имущество — 1,63–4,41%, земельного налога — 0,52–1,33% от всей суммы налогов и страховых выплат средних и крупных сельскохозяйственных организаций.

Таблица 2

Налоги, сборы и страховые платежи, уплачиваемые сельскохозяйственными предприятиями Алтайского края в зависимости от их вхождения в состав агрохолдингов, млн руб.

Налоги 2017 г.		Предприятия в составе агрохолдингов		Самостоятельно функционирующие предприятия	
		2019 г.	2017 г.	2019 г.	2017 г.
Налог на прибыль организаций	млн руб.	27,0	29,3	33,1	27,6
	% к итогу	1,0	1,3	1,2	0,9
НДС	млн руб.	360,6	293,5	159,6	462,7
	% к итогу	13,7	13,4	5,9	14,4
Налог на имущество организации	млн руб.	116,0	72,5	60,0	52,4
	% к итогу	4,4	3,3	2,2	1,6
Земельный налог	млн руб.	13,8	18,5	36,0	37,6
	% к итогу	0,5	0,9	1,3	1,2
ЕСХН	млн руб.	25,5	9,3	103,3	73,5
	% к итогу	1,0	0,4	3,8	2,3
УСН	млн руб.	0,4	0,1	7,2	7,4
	% к итогу	0,0	0,0	0,3	0,2
ЕНВД	млн руб.	0,1	0,4	0,4	0,3
	% к итогу	0,00	0,02	0,01	0,01
НДФЛ	млн руб.	693,9	586,5	646,7	732,8
	% к итогу	26,4	26,8	23,9	22,8
Другие налоги и сборы	млн руб.	31,8	25,1	104,7	70,2
	% к итогу	1,2	1,2	3,9	2,2
Страховые взносы, в т. ч. по травматизму	млн руб.	1360,6	1153,8	1555,1	1743,6
	% к итогу	51,7	52,7	57,5	54,4
ИТОГО		2629,7	2189,0	2706,1	3208,0

Налоговая нагрузка входящих в состав агрохолдингов сельскохозяйственных организаций несколько выше, нежели у самостоятельно хозяйствующих предприятий: в 2017–2019 гг. она

составляла от 4,43 до 4,92% и от 3,84 до 3,88% соответственно, а с учетом страховых выплат — от 9,36 до 10,20% и от 8,50 до 9,02% соответственно по различным группам организаций.

Таблица 3

Налоговая нагрузка сельскохозяйственных товаропроизводителей Алтайского края, %

Показатель	2017 г.	2018 г.	2019 г.			
			всего	прирост к 2017 г., п. п.		
				п.п.	в т. ч. в результате изменения	
				выручки	уплаченных налогов	
<i>Суммарная налоговая нагрузка (без страховых платежей)</i>						
Сельскохозяйственные предприятия, подведомственные Минсельхоза Алтайского края	4,50	4,77	5,24	0,75	-0,13	0,87
в т. ч. входящие в состав агрохолдингов	4,92	н.д.	4,43	-0,50	0,41	-0,91
юридически автономные предприятия	3,84	н.д.	3,88	0,04	-1,00	1,04
В среднем по сельскому хозяйству (данные УФНС России по Алтайскому краю)	4,88	4,47	4,05	-0,84	-0,93	0,09
<i>На 100 руб. выручки получено налогов (в т. ч. НДС), сборов, страховых платежей</i>						
Сельскохозяйственные предприятия, подведомственные Минсельхоза Алтайского края	9,46	10,43	10,94	1,48	-0,27	1,74
в т. ч. входящие в состав агрохолдингов	10,20	н.д.	9,36	-0,84	0,87	-1,71
юридически автономные предприятия	9,02	н.д.	8,50	-0,52	-2,19	1,67

За период 2017–2019 гг. на 100 руб. выручки сумма уплаченных налогов, сборов, страховых платежей по входящим в состав агрохолдингов хозяйствующих субъектов снизилась на 0,84 п. п., а по юридически автономным предприятиям — на 0,52 п. п.

Однако факторы изменения различны по степени влияния: у входящих в состав агрохолдингов изменение выручки приводило к росту налоговой нагрузки, в то время как изменение налогов и страховых выплат — к ее снижению (если бы за период 2017–2019 гг. изменилась только выручка при неизменной сумме налогов и страховых выплат, то налоговая нагрузка увеличилась бы на 0,87 п. п.; если бы изменилась только сумма налогов и страховых платежей при неизменной сумме выручки, то налоговая нагрузка уменьшилась бы на 1,71 п. п.). Подобное соотношение свидетельствует о том, что темпы роста выручки существенно ниже темпов роста налогов и страховых выплат.

У юридически автономных предприятий изменение выручки, наоборот, приводило к снижению налоговой нагрузки, в то время как изменение налогов и страховых выплат — к ее повышению (если бы за период 2017–2019 гг. изменилась только выручка при неизменной сумме налогов и страховых выплат, то налоговая нагрузка уменьшилась бы на 2,19 п. п.; если бы изменилась только сумма налогов и страховых платежей при неизменной сумме выручки, то налоговая нагрузка увеличилась бы на 1,67 п. п.). Подобное соотношение свидетельствует о том, что темпы роста выручки

существенно выше темпов роста налогов и страховых выплат.

Подобные соотношения в доходах и налогах определяются специализацией предприятий и состоянием продовольственных рынков, в том числе ценовой конъюнктурой на рынке. В структуре товарной продукции предприятий в составе агрохолдингов в 2019 г. преобладала продукция животноводства: в среднем по предприятиям доля мяса птицы в доходах составила 27,30%, мяса свиней — 11,00%, молока — 16,92%, мяса КРС — 6,00%, что в совокупности формировало выручку предприятий на 61,21% (по автономно функционирующим предприятиям данный показатель не превысил 26,09%) (рис. 1).

Структура продаж является основным фактором рентабельности производства в сельскохозяйственных предприятиях, поскольку в автономно функционирующих предприятиях рентабельность производства молока составляла в 2019 г. 33,60%, на предприятиях в составе агрохолдингов — в среднем 45,38%; по мясу птицы — 25,55% и 79,35%, по сое — 38,58% и 58,31%, по маслосеменам подсолнечника — 46,39% и 35,53%, зерну — 29,97% и 34,93% соответственно. По сахарной свекле производство было рентабельным в агрохолдингах (уровень рентабельности в среднем составлял 88,77%) и убыточным — в автономно функционирующих предприятиях (окупаемость затрат в среднем не превысила 97,27%). Аналогичная ситуация была по продажам мяса свиней, которое было рентабельным в агрохолдингах (уровень рентабельности в среднем со-

ставлял 14,21%) и убыточным — в автономно функционирующих предприятиях (окупаемость затрат в среднем не превысила 73,92%) (рис. 2). Однако производство прочей продукции (овощи, картофель, яйца пищевые, мясо овец, шерсть, мясо лошадей, мед, корма растительные и т. д.),

наоборот, было убыточным в агрохолдингах (удельный вес в совокупных доходах в среднем составляла 12,84%) и рентабельным в самостоятельно функционирующих предприятиях (удельный вес в совокупных доходах в среднем составляла 7,45%).

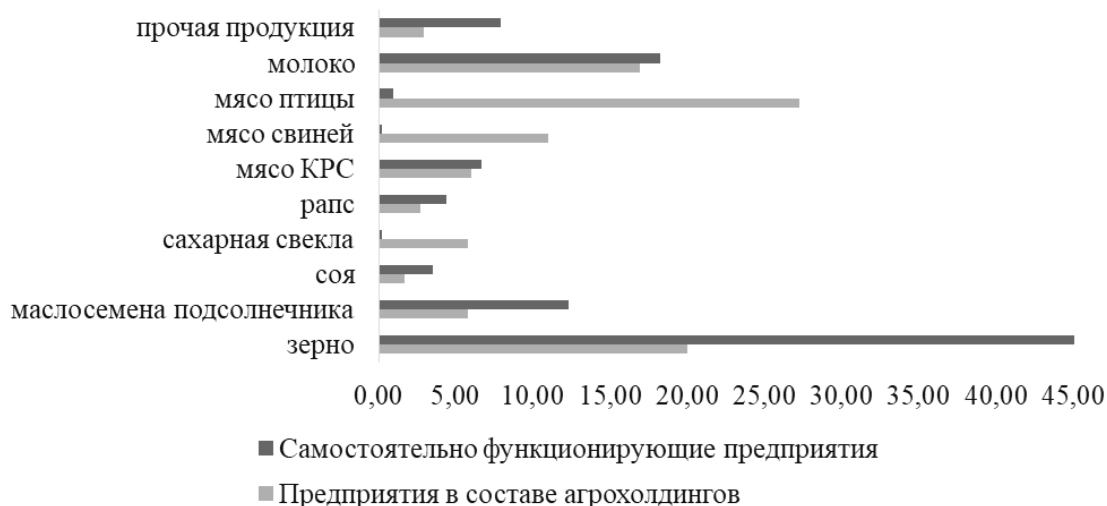

Рис. 1. Структура товарной продукции сельскохозяйственных предприятий Алтайского края в зависимости от их вхождения в состав агрохолдингов (2019 г.), %

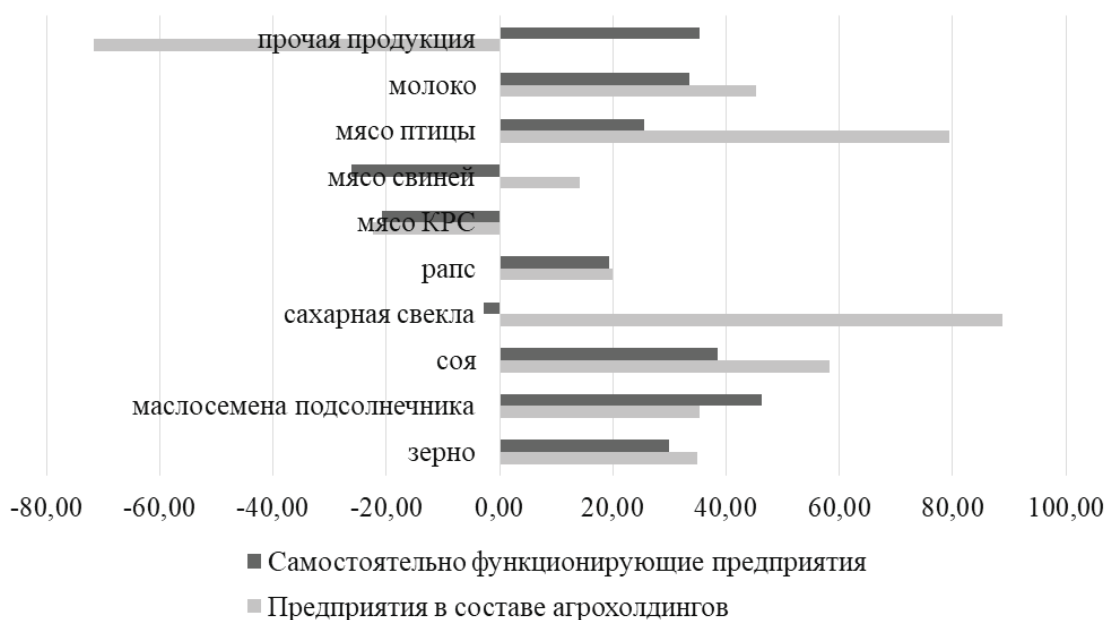

Рис. 2. Уровень рентабельности производства продукции в сельскохозяйственных предприятиях Алтайского края в зависимости от их вхождения в состав агрохолдингов (2019 г.), %

В среднем по агрохолдингам рентабельность сельскохозяйственного производства составила 25,18%, в самостоятельно функционирующих пред-

приятиях — в среднем 26,79%. Индексный анализ рентабельности позволил выявить, что различия в структуре затрат по видам реализованной

продукции между двумя группами анализируемых организаций приводило к снижению уровня рентабельности самостоятельно функционирующих предприятий на 1,88 п. п., основным же фактором более высокой рентабельности стала прибыльность отдельных видов продукции, что обеспечивало прирост рентабельности на 3,49 п. п. (в структуре продаж автономно функционирующих предприятий больший удельный вес занимала продукция с большей рентабельностью, в первую очередь, зерно и маслосемена подсолнечника).

Заключение. В ходе исследования не было установлено существенной разницы по структуре налогов и страховых платежей между предприятиями, юридически самостоятельно функционирующими и находящимися под управлением агрохолдингов. Отметим, что налоговая нагрузка организаций в составе агрохолдингов немного

выше по сравнению с юридически самостоятельными организациями. На рост налоговой нагрузки оказывают влияние как изменение выручки, так и изменение объемов налоговых платежей. Однако в зависимости от степени юридической самостоятельности сельскохозяйственной организации различается и степень, и характер влияния данных факторов. Можно отметить, что неравнозначные соотношения в темпах роста выручки и уплаченных налогов и сборов связаны с различием в специализации сельскохозяйственных организаций (в структуре продаж организаций в составе агрохолдингов преобладали доходы от реализации продукции птицеводства, молочного скотоводства, свеклосахарного производства) и изменениями ценовой конъюнктуры на аграрных рынках, в первую очередь, на рынках молока, сахара, зерна, семян масличных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гашенко И. В., Оробинская И. В. Особенности налогового регулирования деятельности участников интегрированных формирований АПК в Центрально-Черноземном регионе // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 26. С. 37–50.
2. Цапулина Ф. Х., Казакова Н. Ю., Герасимова И. Н. О проблемах налоговой политики агропромышленного комплекса России // Фундаментальные исследования. 2016. № 11–3. С. 662–667.
3. Рябинина Н. И., Туранцева Н. А. Особенности налогообложения предприятий АПК и налоговые риски сельхозпроизводителей в России // Экономика, предпринимательство и право. 2018. Т. 8. № 4. С. 203–212.
4. Тихонова А. В. Налоговое регулирование аграрного сектора: оценка и проблематика // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2014. № 6. С. 25–34.
5. Кожевников Е. Б., Осадчая О. П. Методические аспекты определения налоговой нагрузки на интегрированную бизнес-структуру // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2–2. С. 292–296.
6. Шагайда Н. И. Интеграция сельского хозяйства в продовольственные цепочки: российская практика и международный опыт (экспертная дискуссия) // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2015. № 3. С. 17–22.
7. Воробьев С. П., Гриценко Г. М., Воробьева В. В. Особенности формирования и реализации экономических интересов в сельском хозяйстве // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. 2017. № 6. С. 78–83.
8. Крупнейшие владельцы сельскохозяйственной земли в России на 2021 год. URL: <https://www.befl.ru/news/detail.php?ID=1246/> (дата обращения: 04.11.2021).
9. Доклад о ходе и результатах реализации в 2020 году государственных программ в сфере развития сельского хозяйства и сельских территорий Алтайского края. URL: <https://www.altagro22.ru/activity/analytics/> (дата обращения: 06.11.2021).
10. Налоговый паспорт субъекта РФ. URL: <https://analytic.nalog.ru/portal/index.ru-RU.htm/> (дата обращения: 06.11.2021).

REFERENCES

1. Gashenko I. V., Orobinskaya I. V. Characteristics of tax regulation of the activity of integrated units of the agro-industrial complex in the central black earth region // Regional Economics: Theory and Practice. 2015. No. 26. Pp. 37–50.
2. Tsapulina F. Kh., Kazakova N. Yu., Gerasimova I. N. About problems of tax policy of agroindustrial complex of Russia // Fundamental research. 2016. No. 11–3. Pp. 662–667.

3. Ryabinina N. I., Turantseva N. A. Features of taxation of agricultural enterprises and tax risks of agricultural producers in Russia // Journal of economics, entrepreneurship and law. 2018. Vol. 8. No. 4. Pp. 203–212.
4. Tikhonova A. V. Agricultural sector tax regulation: evaluation and problems // Bulletin of Baikal state university. 2014. No. 6. Pp. 25–34.
5. Kozhevnikov E. B., Osadchaya O. P. Methods to determine tax load on integrated business-structure // Izvestiya of Altai State University. 2011. No. 2–2. Pp. 292–296.
6. Shagaida N. I. Integration of agriculture in food chains: russian practice and world experience (expert discussion) // Economy of agricultural and processing enterprises. 2015. No. 3. Pp. 17–22.
7. Vorobyov S. P., Gritsenko G. M., Vorobyova V. V. Features of formation and realization of the economic interests in agriculture // Agricultural science Euro-North-East. 2017. No. 6. Pp. 78–83.
8. The largest owners of agricultural land in Russia for 2021. URL: <https://www.befl.ru/news/detail.php?ID=1246/> (date of access: 04.11.2021).
9. Report on the progress and results of the implementation in 2020 of state programs in the field of development of agriculture and rural territories of the Altai Territory. URL: <https://www.altagro22.ru/activity/analytics/> (date of access: 06.11.2021).
10. Tax passport of the subject of the Russian Federation. URL: <https://analytic.nalog.ru/portal/index.ru-RU.htm/> (date of access: 06.11.2021).

Поступила в редакцию: 16.11.2021.

Принята к печати: 09.02.2022.

О КРИЗИСЕ ОПЛАТЫ ТРУДА ТРЕНЕРОВ СПОРТИВНЫХ ШКОЛ: ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

И. И. Самсонов^{1,2}, Н. В. Попова³

¹Центр спортивной подготовки сборных команд Алтайского края (Барнаул, Россия)

²Алтайский институт труда и права (филиал) ОУП «Академия труда и социальных отношений»
(Барнаул, Россия)

³Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)

Статья посвящена изучению порядка формирования нормативных затрат на оплату труда тренерского состава в соотношении с применяемыми системами оплаты их труда. Авторы, изучив вопрос об используемых системах оплаты труда, приходят к выводу об огромной популярности «групповой» системы, но при частичном использовании «почасовой», «подушной», «рейтинговой» системы оплаты труда. Изучение порядка формирования нормативных затрат на фонд оплаты труда свидетельствуют об обесценивании нормативных затрат на оплату труда тренеров до 72,5%, что объясняется недостаточным учетом условий внешней и (или) внутренней среды организации. В условиях проводимой в стране гармонизации законодательства авторами предлагается реструктуризировать порядок определения нормативных затрат с учетом выявленных противоречий, учитывая: 1) пересмотр выделения самостоятельной работы как обязательной формы организации тренировочного процесса, 2) унификацию продолжительности занятия независимо от вида экономической деятельности реализуемой программы, 3) особый характер труда тренеров, 4) особенности комплектования групп спортивной подготовки, 5) необходимость пересмотра классификации услуг по спортивной подготовке.

Ключевые слова: спортивная подготовка, тренер, нормативные затраты, система оплаты труда.

ON THE CRISIS OF PAYMENT FOR TRAINERS OF SPORTS SCHOOLS: INVITATION TO DISCUSSION

I. I. Samsonov^{1,2}, N. V. Popova³

¹Center for sports training of national teams of the Altai Territory (Barnaul, Russia)

²Altai Institute of Labor and Law (branch) of the Academy of Labor and Social Relations (Barnaul, Russia)

³Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)

The article is devoted to the study of the procedure for the formation of standard costs for the remuneration of the coaching staff in relation to the applied systems of remuneration of their labor. The authors, having studied the issue of the systems of remuneration used, come to the conclusion about the enormous popularity of the “group” system, but the partial use of the “hourly”, “capitation”, “rating” system of remuneration. The study of the procedure for the formation of standard costs for the wages fund indicates a devaluation of the standard costs for wages of trainers to 72.5%, which is explained by insufficient consideration of the conditions of the external and (or) internal environment of the organization. In the context of the harmonization of legislation carried out in the country, the authors proposed to restructure the procedure for determining the normative costs, taking into account the identified contradictions, taking into account: 1) revision of the allocation of independent work as a mandatory form of organizing the training process, 2) unification of the duration of the lesson regardless of the type of economic activity of the program being implemented, 3) special the nature of the work of coaches, 4) the peculiarities of recruiting groups of sports training, 5) the need to revise the classification of sports training services.

Keywords: sports training, coach, standard costs, labor remuneration system.

Вопросы оплаты труда (далее — ОТ) работников в области физической культуры и спорта (далее — ФКиС), педагогических работников дополнительного образования (далее — ДО) в области ФКиС не один год активно обсуждаются в научно-методической литературе [1–13]. Модернизация подготовки спортивного резерва (далее — ПСР), переход на нормативно-подушевое финансирование [5, 14], изменение продолжительности занятий в федеральных стандартах спортивной подготовки (далее — ФССП), гармонизация законодательства об образовании и ФКиС [15] явились катализатором повышения внимания специалистов к этому вопросу.

Согласно Закону № 329-ФЗ (ч. 1 ст. 32), ПСР осуществляется по 5 этапам спортивной подготовки (далее — СП): спортивно-оздоровительный, начальной подготовки, тренировочный, совершенствования спортивного мастерства, высшего спортивного мастерства. В настоящее время эта деятельность относительно видов экономической деятельности относится к разделу «Спорт, отдых, развлечения», но в связи с гармонизацией законодательства будет относиться к разделу «Образование». Несмотря на это, опрос 476 тренеров (тренер и (или) тренер-преподаватель) показал, что для них не имеет значения, по какому виду экономической деятельности реализуется их программа. Объективным критерием целесообразности приложения труда является выплата справедливой заработной платы, обеспечивающей им и их семьям достойное существование, не ниже установленного минимального размера оплаты труда (далее — МРОТ).

Гипотезой исследования явилось предположение о том, что анализ порядка определения базовых нормативных затрат на услуги по СП в части формирования фонда на ОТ тренеров в их соотношении с системами ОТ тренеров позволит выявить вызовы и угрозы в ОТ тренеров и является основой для разработки рекомендаций по совершенствованию условий ОТ тренеров.

О нормативах затрат на фонд ОТ тренеров. В законодательстве о ФКиС, в отличие от законодательства об образовании, отсутствуют императивные нормы права, однозначно устанавливающие пределы ОТ тренеров. Например, обеспечение доведения заработной платы тренеров до средней заработной платы по региону предусматривается только Планом мероприятий по реализации Концепции ПСР в РФ до 2025 года (п. 23) [16]. Поэтому дотационные административно-территориальные образования в расчетах нормативных затрат используют не среднюю заработную плату по региону, а установленный МРОТ (на 01 января 2021 года) — 12792 рублей. Для получения объек-

тивных данных о базовых нормативных затратах на ОТ тренеров и применяемых систем оплаты труда (далее — СОТ) в организациях мы опирались именно на эту сумму.

Для расчета базовых нормативных затрат на ОТ использовался порядок (далее — Порядок № 83 [17]) и разъяснения по переходу на нормативно-подушевое финансирование [18]. Анализ правовых актов позволяет сделать вывод о занижении ОТ тренера в связи с использованием неточных коэффициентов и начавшимися преобразованиями в ФССП по видам спорта:

во-первых, рабочее время тренера в неделю разделяется на нормируемую (24 ч — 60%) и ненормируемую части (16 ч — 40%). Непосредственный размер ОТ исходит из обязанности выполнения именно нормируемой части рабочего времени (24 ч) на ставку заработной платы во взаимодействии с занимающимся по видам подготовки, а ненормируемая часть рабочего времени (воспитательная, методическая и т. д.) является обеспечительной нормой качественной организации тренировочного процесса, позволяющей корректировать, дополнять, совершенствовать выполняемую нормируемую часть должностных обязанностей тренера. Но в Порядке № 83 цена стоимости услуги (руб.) определяется путем отношения нормируемой части реализации услуги к норме часов производственного календаря для работников с 40-часовой рабочей неделей в году, то есть к сумме часов за нормируемую и ненормируемую части рабочего времени. В то же время на ставку заработной платы тренер обязан отработать 24 часа, а остальные 16 часов вытекают из его должностных обязанностей. Поэтому тренер, выполнив установленную норму часов рабочего времени (24 ч), должен получить как минимум МРОТ, но на практике он должен выполнить как минимум дополнительное время (16 ч) по совмещению, чтобы выполнить установленные нормативы по средней заработной плате. Расчеты показывают (табл. 1), что годовой фонд ОТ тренера, рассчитанный в соответствии с действующим Порядком № 83 относительно 40-часового производственного календаря, менее годового фонда ОТ, рассчитанного относительно 24-часового производственного календаря на 40%;

во-вторых, выделение в ФССП (2020 г.) самостоятельной работы в объеме не менее 10% от общего объема нагрузки уменьшает норматив затрат на фонд ОТ на 10%, так как самостоятельная работа не подлежит тарификации;

в-третьих, преобразования продолжительности часа тренировочных занятий в неделю, начиная с ФССП (2021 г.), из «академических» в «астрономические», уменьшило норматив затрат на фонд ОТ на 25%.

Таким образом, общее снижение норматива затрат на фонд ОТ тренеров составило 72,5%. Считаем, что это обусловлено не просчетами разработчиков, а отсутствием практики научного обоснования данного вопроса. Надеюсь на дальнейшую дискуссию и корректировку действующего Порядка № 83, предлагается установить на уровне Правительства РФ (ч. 2 ст. 100 ТК РФ) особый характер труда тренеров, наличие которого подтверждается решением Пленума ВС РФ от 24.11.2015 № 52 (аб. 2 п. 1) [19], включив в него положение о годовой норме нормируемой части рабочего времени, а также об едином исчислении продолжительности тренировочного занятия.

Понимая остроту последних двух вопросов, хотелось бы заранее обозначить нашу позицию:

— годовая норма нормируемой части рабочего времени на ставку заработной платы должна составлять 1104 ч (произведение недельной нагрузки (24 ч) на продолжительность тренировочного процесса (47,5 нед.) без учета отпуска (4,5 нед.). При наличии нормы (аб. 2 п. 46 Приказа Минспорта № 999) о возможном повышении или понижении объема тренировочной работы в неделю, начиная с тренировочного этапа, организации обязаны доказывать контрольным органам соответствие принятых ими управленческих решений действующему законодательству о праве на снижение или повышение недельного объема тренировочной работы в пределах годовой нормы часов на СП;

— продолжительность занятий тренировочного процесса должна быть единой независимо от вида экономической деятельности, поскольку эти нормы являются технико-юридическими и не имеют социального регулирования. В нормируемую нагрузку тренера, помимо продолжительности тренировочного занятия, включаются короткие промежутки времени перед и после тренировочного занятия, достигающие 15–25 минут в зависимости от возраста занимающихся.

О системах оплаты труда тренеров. СОТ в организации устанавливается коллективными договорами, соглашениями и другими локальными актами. В отрасли ФКиС, как правило, используются [2, 4, 8–13, 20–24]:

1) сдельная тарифная СОТ (сдельно-прогрессивная) или «подушевая», но больше напоминающая смешанную СОТ, так как она объединяет в себе тарифную и бестарифную СОТ (тренер имеет определенный оклад, но напрямую зависит от достижений и спортивной квалификации детей: от количества и этапа СП, от спортивного результата, от качества выполнения нормируемой части работы;

2) повременная тарифная СОТ (повременно-премиальная) или «групповая». Как и в сдельной тарифной СОТ, имеются признаки смешанной

СОТ. Это обусловлено спецификой работы тренера, где нельзя одномоментно достигнуть спортивного результата или форсировать СП. В этой СОТ тренеру устанавливается нагрузка, за выполнение которой с занимающимися он получает соответствующую заработную плату. Но объективным критерием эффективности его работы является достижение установленных показателей подготовленности (физической, технической и т.д.), а также уровень спортивной квалификации занимающихся, включение их в состав спортивных сборных команд и т.д. Иными словами, при повременной СОТ выплачивается заработная плата за время выполнения должностных обязанностей тренеров с укомплектованными группами, но окладная и стимулирующая часть оплаты их труда зависит от достижения занимающимися определенных количественно-качественных показателей, непосредственно установленных для каждого этапа СП в том или ином виде спорта;

3) «рейтинговая» и «почасовая» СОТ, как видно по предыдущим СОТ, рекомендованные к использованию Минспорта России, наряду с «подушевой» и «групповой», интегрированы в предыдущие СОТ. «Рейтинговая» СОТ используется как стимулирующая часть, а «почасовая» — как элемент бестарифной СОТ, обусловленная необходимостью выработки тренером установленного рабочего времени 40-часовой рабочей недели с обязательной нормируемой (24 часа) и ненормируемой частью (16 часов) на ставку заработной платы, отражаемой в таблице учета рабочего времени.

Таким образом, организациями используются все СОТ из рекомендованных Минспорта России, но в различных вариантах и вариациях. Независимо от устанавливаемой СОТ в организации (ст. 348.1 ТК РФ) должен использоваться «почасовой» учет рабочего времени [23].

О системах оплаты труда тренеров, используемых в спортивных школах. С целью определения правосознания тренерами об используемых в их организациях методов нормирования труда и (или) СОТ мы провели опрос 476 чел., показавший отсутствие знаний не только об используемой в организации СОТ, но и о нормировании их рабочего времени. Большинство тренеров путаются в нормах продолжительности рабочего времени (98,31%), указывая продолжительность только его нормируемой части (24 или 18 часов).

Огромной популярностью пользуется «групповая» (98,31%), но с элементами «рейтинговой» СОТ. Это объясняется установлением на уровне социально-трудового партнерства по организациям сферы ФКиС [25] единой СОТ учета выработки рабочего времени, затраченного на реализацию программ СП, разработанной на основе ФССП, в пределах

рабочего времени в неделю (40 часов) и успешного исполнения иных должностных обязанностей, в том числе выступления на спортивных соревнованиях лиц, проходящих СП («рейтинговый»). Нельзя не отметить, что «рейтинговая» СОТ используется фрагментарно, не имеет постоянной основы для использования. Причиной видится низкий процент обеспеченности бюджетов организаций на 1 чел. и высокий риск невыполнения рейтинговых показателей. Остальные из опрошенных (1,69%) используют «подушевую» СОТ.

Несмотря на популярность «групповой» СОТ, большинство опрошенных (96,42%), как и ряд ученых [1, 9, 12] высказались за предпочтение «подушевой» СОТ. Ведь при «групповой» СОТ необходимо контролировать различные переменные, влияющие на размер ОТ (количество часов, количество человек в группе, спортивная квалификация и т. д.), в том числе влияние человеческого фактора при установлении стимулирующих выплат. А при «подушевой» СОТ, применяемой с 1991 г., упрощается администрирование, усиливается стимулирующее воздействие заработной платы на повышение качества и результативности СП, устраняются такие явления как «уровнировка», «выводилровка», опирающиеся на количество времени, затрачиваемого на тренировочный процесс. На тот момент такая СОТ представлялась более перспективным путем интенсификации тренировочного процесса за счет качественной стороны, заинтересованности тренера в большей отдаче, в наилучшем проявлении инициативы и творчества, профессионального роста, а не в отработке установленных часов.

Не разделяя ни общественного признания, ни мнения ученых о «подушевой» СОТ, считаем, что в этой СОТ предопределяется формирование негативных целей деятельности тренера к: а) форсированию нагрузки [26], б) «снижению» количества квалифицированных кадров на ранних этапах СП из-за отсутствия материальной выгоды [11,

20]; в) саботажу исполнения «попутных» должностных обязанностей (методической, воспитательной и т. д.), автоматически включаемых в процент ОТ «за одного занимающегося».

Таким образом, основными СОТ, используемыми в организациях ПСР, являются «групповая» и «подушевая». Но, с одной стороны, большинство опрошиваемых респондентов склонны к использованию «подушевой» СОТ, а с другой стороны, в большинстве организаций используется «групповая» СОТ.

В целях определения эффективной СОТ мы сопоставили между собой базовый норматив затрат на ОТ в году на 1 чел. с годовыми фондами ОТ «подушевой» и «групповой» СОТ на 1 чел. (табл. 1).

О соотношении базовых нормативов затрат оплаты труда и системах оплаты труда тренеров. На основании пп. 1 п. 2.3, 2.4 п. 15 Порядка №83 [17], п. 2.4 Методических рекомендаций [18] был рассчитан базовый норматив на ОТ с 1 чел. по каждому этапу / подэтапу СП в год для 40-часовой (столбец 4) и (или) 24-часовой рабочей недели (столбец 5).

На следующем этапе исследования нами рассчитан годовой фонд ОТ по «групповой» СОТ (столбец 6, 8–11).

Затем мы рассчитали фонд ОТ по «подушевой» СОТ на 1 чел. (столбец 7–11) в установленном недельном объеме работы с группой. В этом расчете трудности возникли с уравниванием норматива «подушевой» ОТ с «групповой» ОТ. Произведен перерасчет ОТ за работу с группой минимально установленного количества чел. на том или ином этапе / подэтапе на процент ОТ за 1 чел. с группой минимального количества. Например, на спортивно-оздоровительном этапе сначала определялась доля времени работы с группой к общему времени, установленному на ставку заработной платы (1); затем определялся процент оплаты труда на работу с одним занимающимся относительно установленного минимального состава группы (2).

$$\text{НОТ}_{\text{гр}} = \left(\frac{\text{НОТ}_{\text{мн1}}}{\text{установленное минимальное количество человек в группе}} \right) \times 100\% . \quad (1)$$

$$\text{НОТ}_{\text{мн1}} = \left(\frac{\text{объем недельной нагрузки с группой на этапе (подэтапе) ФССП}}{\text{объем недельной нагрузки на ставку заработной платы}} \right) . \quad (2)$$

Годовой фонд ОТ тренера за работу с 1 чел. по «подушевой» и (или) по «групповой» СОТ определялся путем произведения МРОТ на процент оплаты труда за работу с 1 чел. и на 10,5 месяцев (без учета отпуска) (3).

$$\Phi\text{ОТ}_{\text{год}} = \text{МРОТ} \times \left(\frac{\text{НОТ}_{\text{гр}}}{100\%} \right) \times 10,5 \quad (3)$$

Таблица 1
Сравнительный анализ систем оплаты труда тренерского состава, используемых организациями (на примере вида спорта «самбо»)

№ п/п	Этапы / подэтапы спортивной подготовки 40-часовая рабочая неделя (руб.) *		Базовый норматив затрат на ОТ в году с учетом отпусков, страховых взносов на 1 чел. (руб.) в пределах установленной продолжительности работы по ФССП с группой в неделю согласно ФССП		Система оплаты труда		Норматив оплаты труда на 1 чел. в году (руб.)	Страховые взносы (30,2%) на норматив оплаты труда в году (руб.)	Резерв на отпуск на 1 чел. в году (42 дня) (руб.)	Сумма ФОТ в году на 1 чел. по системам оплаты труда (руб.)
			24-часовая рабочая неделя (руб.) *	«Групповая» (час /%)	«Подушевой» (час /%)	7				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Спортивно-оздоровительный		1422,95	2374,80	6 час / 1,67%	6 час / 2,2% 2954,95	2243,08	677,41	348,86	3269,35
			1778,69	2968,58	6 час / 2,083%	6 час / 3%	2797,8	844,94	435,14	4077,88
2	Начальной подготовки		2668,04	4452,87	9 час / 3,125%	9 час / 6%	4197,38	1267,61	652,81	6117,8
			4268,86	7124,60	12 час / 5%	12 час / 9%	6715,8	2028,17	1044,5	9788,47
3	Тренировочный этап		6403,29	10686,90	18 час / 7,5%	18 час / 15%	10073,7	3042,26	1566,75	14682,71
			49803,39	83120,31	28 час / 58,3%	28 час / 24% 32235,84	78306,23	23648,48	12178,89	114133,6
4	Совершенствования спортивного мастерства		113836,32	189989,28	32 час / 133,33%	32 час / 39% 52383,24	179083,52	54083,22	27852,68	261019,63
							15819,74	8147,11	76350,09	

* с учетом снижения нормативных затрат в связи с самостоятельной работой (10%) и преобразованием академических в астрономические часы (25%).

Аналогичным образом рассчитывались все нормативы ОТ за 1 чел. по каждому этапу (подэтапу) СП (столбец 8).

Затем нами рассчитаны страховые взносы на полученный норматив ОТ (столбец 9) и резерв на отпуск (42 дня) (столбец 10). Такая продолжительность отпуска обусловлена требованиями социально-трудового партнерства (пп. 3 п. 3.5.2. Трехстороннего отраслевого соглашения [25]).

Расчет отпускных выплат регламентирован ст. 139 ТК РФ, Положением об особенностях порядка исчисления средней заработной платы [27]. Норматив на оплату отпускных (далее — НОТ) рассчитывается путем суммирования нормативов ОТ за работу с одним занимающимся (далее — НОЗ) с нормативом оплаты страховых взносов за работу с одним занимающимся (далее — НОСВ) и деления полученной суммы сначала на 12 (количество календарных месяцев и затем на 29,3 (постоянный показатель), а затем умноженное на 42 дня (4).

$$\text{НОТ} = \left(\frac{\text{НОЗ} + \text{НОСВ}}{12 \times 29,3} \right) \times 42 \quad (4)$$

Соответствующим образом рассчитывается норматив на отпуск в расчете на одного занимающегося для всех этапов (подэтапов).

На последнем этапе исследования мы сравнили базовые нормативы на ОТ с нормативами на ОТ за 1 чел. по «подушевой» и «групповой» СОТ. На всех этапах (подэтапах) СП норматив затрат на ОТ на 1 чел., включая отпускные расходы, меньше, чем полученные расходы на ОТ 1 чел. от учредителя по базовым нормативам на ОТ. Иными словами, сопоставление планируемых годовых фондов ОТ по нормативным затратам (столбец 4, 5) и по используемым в организации СОТ (столбец 11) показывает огромный дефицит в планировании расходов на фонд ОТ.

С одной стороны, сбалансированный бюджет организации на ОТ является основой ее нормального функционирования, поэтому видится необходимость унификации порядка расчета нормативных затрат на ОТ с используемыми в организациях СОТ, а с другой стороны, дефицит бюджета вынуждает организации искать дополнительные источники финансирования для покрытия расхождений в планируемом и фактически необходимом финансовом обеспечении. Поэтому тренеры имеют нагрузку, превышающую нормы охраны труда, увеличивается численность групп и т. д.

Из таблицы 1 следует, что:

во-первых, базовые нормативы на ОТ по этапам СП не соответствуют нормативам ОТ по «групповой» и «подушевой» СОТ (столбец 4, 5, 11);

во-вторых, сравнительный анализ «подушевой» и «групповой» СОТ показал положительные и отрицательные их характеристики. Если до тренировочного этапа СП тренеру выгоднее работать по «подушевой» СОТ, то с этапа совершенствования спортивного мастерства по «групповой» СОТ. Основным отрицательным моментом «подушевой» СОТ является «жесткий» норматив ОТ, оплачиваемый в процентах от оклада за работу с одним занимающимся, включающий в себя оплату за ненормируемую часть работы, непреднамеренно приводящей к саботажу обязательных к выполнению ненормируемых должностных обязанностей. А «групповая» СОТ использует норматив ОТ за количество часов непосредственно выполняемой работы с группой, не считая ОТ за качественное выполнение ненормируемой работы, обусловленной должностными обязанностями;

в-третьих, низкий базовый норматив ОТ и отсутствие нормативно установленного требования о максимальном количестве лиц, занимающихся в одной группе под руководством одного тренера, вынуждает администрацию организаций включать в одну группу занимающихся сверх установленного ФССП от минимального значения. Это высвобождает средства на ОТ, направляемые на повышение ОТ тренера, но снижает качество ПСР. В настоящее время отсутствуют научно обоснованные нормативно установленные пределы максимальной численности человек в группе на одного тренера [28]. Например, практика показывает, что в 1995 г. [24] в системе ПСР до тренировочного этапа СП предусматривалась возможность увеличения численности группы СП в 2 раза относительно установленной минимальной численности группы СП;

в-четвертых, действующая классификация услуг по СП, основанная на концепции разделения этапов, ограничивает правомерную реализацию услуг по СП и дальнейшую реализацию программ СП, комплектование групп из лиц, проходящих СП на сопредельных ее этапах. Иными словами, несмотря на разрешение ФССП объединять в одну группу лиц, проходящих СП на различных соседствующих этапах, имеющих одну возрастную группу участия в спортивных соревнованиях, контрольно-надзорные органы не допускают такого объединения. Основанием этих выводов служит финансовое обеспечение по различным услугам СП. В связи с чем представляется установление единой интегрированной услуги по всем этапам СП и единого показателя по соотношению тренеров к лицам, проходящим СП на всех ее этапах.

Нам представляется, что это повысит устойчивость организации и качество учета, снизит риски нарушения законодательства и усилит ответствен-

ность организации за качество ПСР, но для этого требуется проведение отдельного исследования, в том числе анализ зарубежных источников информации.

Выводы. Действующий порядок расчета базовых нормативных затрат не является совершенным, обесценивая до 72,5% нормативные затраты на оплату труда. Спортивные школы при расчетах оплаты труда тренеров используют различные системы: «почасовую», «подушную», «групповую», «рейтинговую». Наибольшей популярностью пользуется «групповая» система оплаты труда.

Минспорта России необходимо рассмотреть:

1. Вопрос о переработке Порядка №83 с учетом выявленных противоречий в определении нормативных затрат на оплату труда тренеров:

предусмотреть выделение самостоятельной работы как обязательной формы организации тренировочного процесса в пределах 10% от годового объема тренировочного процесса;

унифицировать продолжительность тренировочных занятий независимо от вида экономи-

ческой деятельности реализуемого процесса ПСР, включая в нормируемую часть рабочего времени тренера короткие перерывы перед и после тренировочного занятия в зависимости от возраста занимающихся.

2. Вопрос о принятии на правительственном уровне положения об особом характере труда тренеров.

3. Продолжить исследование практики применения в ФССП академического времяисчисления тренировочных занятий, приведенных к продолжительности астрономического часа.

4. Разработать разъяснения по особенностям организации учебно-тренировочного процесса в части комплектования групп, в том числе с лицами, проходящими СП, одной возрастной категории, но частично различающихся спортивной квалификацией и (или) этапом прохождения СП.

5. Пересмотреть классификацию услуг по СП путем их интеграции в одну услугу с присвоением коэффициентов по ОТ в зависимости от этапа / подэтапа СП.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бауэр В. Г. Нормативное обеспечение подготовки спортивного резерва в РФ // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 1997. №2. С. 2–3.
2. Бондаренко М. П. Подход к созданию новой системы оплаты труда спортивных тренеров // Вестник Евразийской академии административных наук. 2014. №4 (29). С. 87–93.
3. Галицын С. В., Ткаченко П. А., Вдовина В. В. Особенности деятельности детско-юношеской спортивной школы в Приморском крае // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2018. №2 (156). С. 42–46.
4. Захарьин В. Р. Компенсационные и стимулирующие выплаты работникам бюджетных учреждений // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2009. №16. С. 5–19.
5. Зернова И. Расчет нормативных затрат на выполнение государственного (муниципального) задания в образовательных учреждениях Минспорта // Учреждения физической культуры и спорта: бухгалтерский учет и налогообложение. 2014. №10. С. 32–42.
6. Кандаурова Н. В., Лобанов Н. А. Факторы, влияющие на эффективность менеджмента спортивной школы // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2013. Вып. 1 (95). С. 55–61.
7. Корчагина Н. Л. Анализ заработных плат в сфере физической культуры и спорта в регионах ЦФО // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. №4 (25). С. 158–160.
8. Лунина О. Расчет оплаты труда тренера-преподавателя при подушном методе // Учреждения физической культуры и спорта: бухгалтерский учет и налогообложение. №5. 2017. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PKBO&n=27693#iUkmUpSme7npJUId1> (дата обращения: 29.10.2021).
9. Расин М. С. Новые организационно-управленческие решения для достижения целевых показателей стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации до 2030 года // Материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Роль организационно-управленческой деятельности и спортивного администрирования в развитии спорта и физической культуры населения» (27–28 мая 2021 г.). Омск, 2021. С. 4–11.
10. Самсонов И. И. Модификация оплаты труда работников спортивных школ в современных условиях // Омский научный вестник. 2008. №2 (66). С. 172–175.
11. Филиппов С. С., Еремин И. Б., Толоконников В. Г. Анализ отношения работников спортивных школ к современной системе оплаты труда // Ученые записки университета Лесгафта. 2012. №2 (84). С. 159–163.

12. Шавандина О. А., Коваленко Е. Ю. Заработная плата спортсменов: особенности формирования и регулирования // Экономика Профессия Бизнес. 2021. № 3. С. 133–141. DOI: 10.14258/epb202148.
13. Ширков Ю. А. Анализ заработных плат спортивных тренеров в различных по видам организациях // Иннов: электронный научный журнал. 2018. № 3 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-zarabotnyh-plat-sportivnyh-trenerov-v-razlichnyh-po-vidam-organizatsiyah> (дата обращения: 03.11.2021).
14. Генералов А. В., Евсеев А. С., Петухов Р. В., Кнутов А. Н. Нормативно-подушевое финансирование в сфере физической культуры и спорта // Вестник спортивной науки. 2017. № 5. С. 8–13.
15. Самсонов И. И., Клецов К. Г. О гармонизации законодательства в сфере физической культуры, спорта и образования, концепции подготовки спортивного резерва и детско-юношеского спорта в Российской Федерации // Вестник спортивной науки. 2021. № 4. С. 31–36.
16. Об утверждении Концепции подготовки спортивного резерва в РФ до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 17.10.2018 № 2245-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71985098/> (дата обращения: 29.10.2021).
17. Об утверждении общих требований к определению нормативных затрат на оказание государственных (муниципальных) услуг в сфере физической культуры и спорта, применяемых при расчете объема субсидии на финансовое обеспечение выполнения государственного (муниципального) задания на оказание государственных (муниципальных) услуг (выполнение работ) государственным (муниципальным) учреждением: приказ Минспорта России от 08.02.2019 № 83. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72173504/> (дата обращения: 29.10.2021).
18. О направлении Методических рекомендаций по переходу на нормативно-подушевое финансирование: письмо Минспорта России от 14.12.2015 № ВМ-04–10/8266. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71183670/> (дата обращения: 29.10.2021).
19. О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.11.2015 № 52 // Российская газета. 30.11.2015. № 270. URL: <https://rg.ru/2015/11/30/sport-dok.html> (дата обращения: 29.10.2021).
20. Самсонов И. И., Лазуткин В. В., Сапунков А. А. Организационно-правовые аспекты деятельности спортивных школ. Омск, 2015. 176 с.
21. Методические рекомендации по установлению системы оплаты труда и материального стимулирования тренеров-преподавателей и специалистов образовательных учреждений, осуществляющих подготовку спортивного резерва, при переходе на новую систему оплаты труда: утв. приказом Минспорттуризма России от 17.03.2010 г. № 197 // Сборник официальных документов и материалов / Минспорттуризм России. 2010. № 5. С. 41–55.
22. О направлении Методических рекомендаций по организации спортивной подготовки в Российской Федерации: письмо Министерства спорта РФ от 12.05.2014 № ВМ-04–10/2554. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163453/ (дата обращения: 29.10.2021).
23. Апелляционное определение СК по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 02 августа 2016 г. по делу № 33–19424/2016. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/143322714/paragraph/21:12> (дата обращения: 29.10.2021).
24. О сборнике нормативно-правовых основ, регулирующих деятельность учреждения дополнительного образования физкультурно-спортивной направленности, расположенных на территории Российской Федерации: письмо ГКФТ РФ от 25.01.1993 № 96-ИТ, Минобразования РФ от 01.02.1993 № 03-М. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=301854#_025oUpSnaGWv3vg1 (дата обращения: 29.10.2021).
25. Трехстороннее отраслевое соглашение по организациям сферы физической культуры и спорта Российской Федерации на 2021–2023 годы. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_398130/ (дата обращения: 29.10.2021)
26. Платонов В., Большакова И. Форсирование многолетней подготовки спортсменов и Юношеские Олимпийские игры // Наука в олимпийском спорте. 2013. № 2. С. 37–42.
27. Об особенностях порядка исчисления средней заработной платы: Постановление Правительства РФ от 24.12.2007 № 922. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73789/00737bae76cc5b4913b4eaf35b39060ca04b85be/ (дата обращения: 29.10.2021).
28. Самсонов И. И. О комплектовании (формировании) групп спортивной подготовки // Спорт: экономика, право, управление. 2019. № 4. С. 33–37.

REFERENCES

1. Bauer V. G. Normative support for the training of the sports reserve in the Russian Federation // *Physical culture: upbringing, education, training*. 1997. No. 2. Pp. 2–3.
2. Bondarenko M. P. Approach to the creation of a new system of remuneration for sports coaches // *Bulletin of the Eurasian Academy of Administrative Sciences*. 2014. No. 4 (29). Pp. 87–93.
3. Galitsyn S. V., Tkachenko P. A., Vdovina V. V. Features of the activity of a children's and youth sports school in the Primorsky Territory // *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2018. No. 2 (156). Pp. 42–46.
4. Zakharyin V. R. Compensation and incentive payments to employees of budgetary institutions // *Accounting in budgetary and non-profit organizations*. 2009. No. 16. Pp. 5–19.
5. Zernova I. Calculation of normative costs for the fulfillment of the state (municipal) task in educational institutions of the Ministry of Sports // *Physical culture and sports institutions: accounting and taxation*. 2014. No. 10. Pp. 32–42.
6. Kandaurova N. V., Lobanov N. A. Factors affecting the effectiveness of sports school management // *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2013. No. 1 (95). Pp. 55–61.
7. Korchagina N. L. Analysis of salaries in the field of physical culture and sports in the regions of the Central Federal District // *Azimuth of scientific research: economics and management*. 2018. No. 4 (25). Pp. 158–160.
8. Lunina O. Calculation of the salary of a trainer-teacher with the per capita method // *Institutions of physical culture and sports: accounting and taxation*. No. 5. 2017. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PKBO&n=27693#iUkmUpSme7npJUId1> (date of access: 29.10.2021).
9. Racine M. S. New organizational and managerial decisions to achieve the target indicators of the strategy for the development of physical culture and sports in the Russian Federation until 2030 // *Materials of the I All-Russian scientific and practical conference «The role of organizational and managerial activities and sports administration in the development of sports and physical culture of the population» (27–28 May, 2021)*. Omsk, 2021. Pp. 4–11.
10. Samsonov I. I. Modification of wages of workers of sports schools in modern conditions // *Omsk Scientific Bulletin*. 2008. No. 2 (66). Pp. 172–175.
11. Filippov S. S., Eremin I. B., Tolokonnikov V. G. Analysis of the attitude of employees of sports schools to the modern system of remuneration // *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2012. No. 2 (84). Pp. 159–163.
12. Shavandina O. A., Kovalenko E. Yu. Salary of athletes: features of formation and regulation // *Economy Profession Business*. 2021. No. 3. Pp. 133–141. DOI: 10.14258/epb202148.
13. Shirkov Yu. A. Analysis of salaries of sports coaches in organizations of various types // *Innov: electronic scientific journal*. 2018. No. 3 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-zarabotnyh-plat-sportivnyh-trenerov-v-razlichnyh-po-vidam-organizatsiyah> (date of access: 03.11.2021).
14. Generalov A. V., Evseev A. S., Petukhov R. V., Knutov A. N. Normative per capita financing in the field of physical culture and sports // *Bulletin of sports science*. 2017. No. 5. Pp. 8–13.
15. Samsonov I. I., Kletsov K. G. On the harmonization of legislation in the field of physical culture, sports and education, the concept of training a sports reserve and youth sports in the Russian Federation // *Bulletin of sports science*. 2021. No. 4. Pp. 31–36.
16. On the approval of the Concept for the preparation of the sports reserve in the Russian Federation until 2025: order of the Government of the Russian Federation dated 17.10.2018 No. 2245-r. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71985098/> (date of access: 29.10.2021).
17. On the approval of the general requirements for the determination of standard costs for the provision of state (municipal) services in the field of physical culture and sports, used in calculating the amount of subsidies for financial support of the fulfillment of the state (municipal) task for the provision of state (municipal) services (performance of work) to the state (municipal) institution: order of the Ministry of Sports of Russia dated 02/08/2019 No. 83. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72173504/> (date of access: 29.10.2021).
18. On the direction of the Methodological Recommendations for the transition to normative per capita financing: letter of the Ministry of Sports of Russia dated December 14, 2015 No. VM-04–10 / 8266. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71183670/> (date of access: 29.10.2021).
19. On the application by the courts of legislation regulating the work of athletes and coaches: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 24, 2015 No. 52 // *Rossiyskaya Gazeta*. 30.11.2015. No. 270. URL: <https://rg.ru/2015/11/30/sport-dok.html> (date of access: 29.10.2021).

20. Samsonov I. I., Lazutkin V. V., Sapunkov A. A. Organizational and legal aspects of the activities of sports schools. Omsk, 2015. 176 p.
21. Methodological recommendations on the establishment of a remuneration system and material incentives for trainers-teachers and specialists of educational institutions, carrying out training of the sports reserve, in the transition to a new system of remuneration: approved. by order of the Ministry of Sports and Tourism of Russia dated 17.03.2010 No. 197 // Collection of official documents and materials / Ministry of Sports and Tourism of Russia. 2010. No. 5. Pp. 41–55.
22. On the direction of the Methodological Recommendations for the organization of sports training in the Russian Federation: letter of the Ministry of Sports of the Russian Federation dated 05/12/2014 No. VM-04–10 / 2554. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163453/ (date of access: 29.10.2021).
23. The appellate ruling of the Investigative Committee on civil cases of the Krasnodar Regional Court dated August 02, 2016 in case No. 33–19424 / 2016. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/143322714/paragraph/21:12> (date of access: 29.10.2021).
24. On the collection of legal and regulatory frameworks governing the activities of institutions of additional education for physical culture and sports, located on the territory of the Russian Federation: letter of the State Committee for Physical Culture of the Russian Federation dated 01.25.1993 No. 96-IT, Ministry of Education of the Russian Federation dated 01.02.1993 No. 03-M. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=301854#_025oUpSnaGWv3vg1 (date of access: 29.10.2021).
25. Trilateral sectoral agreement on organizations in the sphere of physical culture and sports of the Russian Federation for 2021–2023. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_398130/ (date of access: 29.10.2021).
26. Platonov V., Bolshakova I. Forcing the long-term training of athletes and the Youth Olympic Games // Science in Olympic sports. 2013. No. 2. Pp. 37–42.
27. On the specifics of the procedure for calculating average wages: Resolution of the Government of the Russian Federation of 12.24.2007 No. 922. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73789/00737bae76cc5b4913b4eaf35b39060ca04b85be/ (date of access: 29.10.2021).
28. Samsonov I. I. On the recruitment (formation) of sports training groups // Sport: economics, law, management. 2019. No. 4. Pp. 33–37.

Поступила в редакцию: 14.12.2021.
Принята к печати: 17.01.2022.

ТРЕНДЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РЕГИОНАХ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

И. Н. Санникова, Д. Е. Борисова, М. Г. Краюшкин
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье рассматриваются особенности регионального стратегического планирования в условиях реализации национального приоритета — народосбережения. Цель исследования — определить ключевой вектор регионального стратегического планирования с учетом актуальных трендов и реалий пандемии. Исследование базируется на официальных данных Федеральной службы государственной статистики. Основу методики исследования представляет логико-гносеологический инструментарий с увязкой общенаучных приемов сравнения и корреляционного анализа.

Выявлено, что уровень смертности населения имеет критическое значение в достижении национальных стратегических приоритетов. И, следовательно, выявление факторов повышенного уровня смертности является приоритетной аналитической задачей при реализации региональной стратегии социально-экономического развития.

Результаты проведенных исследований дают начальные основания для разработки муниципальных стратегий. В целях конкретизации целенаправленных управленческих решений далее необходимо определить зависимость между смертностью от конкретных заболеваний и обеспеченностью врачами соответствующих специальностей с выходом на схемы целевой подготовки врачей для муниципалитетов. Более масштабные дальнейшие задачи — выявить факторы и оценить степень их влияния на смертность населения; создать комплексную модель при помощи инструментов Data Mining, обеспечивающую поддержку принятия управленческих решений, направленных на снижение смертности в регионе.

Ключевые слова: национальный приоритет, народосбережение, стратегии, смертность населения, факторы.

STRATEGIC PLANNING TRENDS IN THE REGIONS (ON THE EXAMPLE OF THE ALTAI TERRITORY)

I. N. Sannikova, D. E. Borisova, M. G. Krayushkin
Altai State University (Barnaul, Russia)

The article contains the features of regional strategic planning in the context of the implementation of the national priority — people-saving. The purpose of the study is to determine the key vector of regional strategic planning, taking into account current trends and realities of the pandemic. The study is based on official data from the Federal State Statistics Service. The basis of the research methodology is a logical-epistemological toolkit with a linkage of general scientific methods of comparison and correlation analysis. It was found that the mortality rate of the population is of critical importance in achieving national strategic priorities. And, consequently, the identification of factors of an increased mortality rate is a priority analytical task in the implementation of a regional strategy of socio-economic development.

The results of the studies carried out provide the initial basis for the development of municipal strategies. In order to concretize targeted management decisions, it is further necessary to determine the relationship between mortality from specific diseases and the availability of doctors in the relevant specialties, with access to the schemes of targeted training of doctors for municipalities. More ambitious further tasks — to identify factors and assess the strength of their influence on the mortality of the population; to create an integrated model using Data Mining tools, which provides support for making management decisions aimed at reducing mortality in the region.

Keywords: national priority, people-saving, strategies, mortality, factors.

Введение. Текущая ситуация предъявляет новые требования к процессам стратегического планирования и управления проектами. В настоящее время в зарубежном и отечественном стратегическом планировании явно обозначено два тренда: народосбережение и экология (зеленая экономика). Для Российской Федерации народосбережение официально обозначено в качестве главного национального приоритета в «Стратегии национальной безопасности» [1]. Численность населения, демографическая ситуация, человеческий потенциал являются основными факторами социально-экономического роста, определяющими национальный уровень конкурентоспособности. В период пандемии эти факторы стали еще более значительными.

Безусловно, стратегические национальные приоритеты должны находить отражение и в рамках регионального планирования. Многие регионы уже приняли стратегии социально-экономического развития. Так, в сентябре 2021 г. была принята стратегия Алтайского края до 2035 года [2]. И, соответственно, сейчас необходима ее реализация через соответствующие программы и проекты. Стратегия социально-экономического развития Алтайского края разрабатывалась на основе долгосрочного прогноза численности населения, при котором даже оптимистичный сценарий сопровождается существенным ее снижением. Последствия пандемии сейчас пока трудно прогнозировать, но уже очевидно, что прогноз численности становится еще более пессимистичным. Таким образом, тема исследования представляется достаточно актуальной. Его цель — определить ключевой вектор регионального стратегического планирования с учетом актуальных трендов и реалий пандемии.

Вопросы современного регионального стратегического планирования рассматривались в публикациях В. В. Папиорковского [3], Р. Н. Шпаковой [4], В. В. Кислицыной, Л. С. Чеглаковой, В. М. Караулова, А. Н. Чикишевой [5], Н. В. Морозовой, Н. В. Бондаренко [6], И. Е. Рисина [7], Дж. Бэйтера, Б. С. Жихаревича, Н. А. Лебедевой [8] и др.

Материалы и методы. Исследование базируется на официальных данных Федеральной службы государственной статистики: общий коэффициент смертности населения; смертность населения трудоспособного возраста; численность населения; численность врачей всех специальностей [9].

Основу методики исследования представляет логико-гносеологический инструментарий с увязкой общенаучных приемов сравнения и корреляционного анализа. При осуществлении корреляционного анализа использовались официальные статистические данные: общий коэффициент

смертности (результативный признак) и численность врачей всех специальностей на 10000 населения (факторный признак) с 2010 по 2020 г. в разрезе муниципальных образований и по Алтайскому краю в целом. Был определен коэффициент парной корреляции К. Пирсона между общим коэффициентом смертности и численностью врачей всех специальностей на 10000 населения.

Результаты. Анализ смертности населения целесообразно начинать с анализа общих коэффициентов. В 2020 г. смертность в Российской Федерации в целом возросла на 2,3 промилльных пункта по сравнению с предыдущим годом, что обусловлено последствиями развивающейся пандемии (табл. 1). В Сибирском федеральном округе смертность традиционно превышает среднероссийский уровень и в 2020 г. оно составило 0,5 промилльных пункта. По общим показателям смертности Алтайский край занимает 60-е место среди субъектов РФ и последнее — среди субъектов СФО. По уровню смертности в 2020 г. он опередил Кемеровскую область с традиционно высоким уровнем смертности. Общий коэффициент смертности в Алтайском крае в 2020 г. превысил среднероссийский уровень на 1,9 промилльных пункта. При этом нужно констатировать некоторое усугубление превышения среднероссийского уровня общего коэффициента смертности в первый «ковидный» год.

Для сравнения интенсивных показателей смертности в таблице 1 приведены данные с самыми низкими и с самыми высокими ее уровнями по Российской Федерации. Так, традиционно самый низкий показатель смертности фиксируется в Республике Ингушетия — 3,8 промилле, а самый высокий в Псковской области — 19,0 промилле в 2020 г.

Таблица 1

Общие коэффициенты смертности (число умерших на 1000 человек населения)

	2018	2019	2020	Место, занимаемое в РФ (2020 г.)
Российская Федерация	12,5	12,3	14,6	
Сибирский федеральный округ	13,0	12,9	15,1	7
Алтайский край	14,2	14,0	16,5	60 (последнее место среди субъектов СФО)
Республика Тыва	8,8	8,3	9,4	7 (первое место среди субъектов СФО)
Республика Ингушетия	3,1	3,0	3,8	1
Псковская область	17,2	16,8	19,0	85

Особое значение при анализе смертности населения имеет ее уровень в трудоспособном возрасте, который характеризует уровень развития здравоохранения, обеспечения защиты и безопасности от техногенных, природных факторов, а также уровень безопасности труда. В целом в Российской Федерации смертность населения трудоспособного возраста в 2020 г. существенным образом (табл. 2) возросла по сравнению с предыдущим годом (на 43 человека на 100 тысяч населения). Так как за год техногенные и природные факторы практически не претерпели существенных изменений, то можно также сделать вывод о негативном влиянии на смертность населения трудоспособного возраста последствий развития пандемии.

Смертность населения трудоспособного возраста в Сибирском федеральном округе традиционно выше среднероссийского уровня. В Алтайском крае в отношении смертности населения трудоспособного возраста ситуация немного лучше. В 2020 г. регион занял 45-е место в Российской Федерации (против 60-го места по общему коэффициенту смертности). При этом прирост общего коэффициента смертности в Алтайском крае формируется в основном за счет смертности лиц пенсионного возраста, так как детская смертность за последнее время практически не изменилась, несмотря на то что ее уровень несколько выше среднероссийского.

Таблица 2

Смертность населения трудоспособного возраста (на 100 тыс. населения), человек, значение показателя за год

	2018	2019	2020	Место, занимаемое в РФ (2020 г.)
Российская Федерация	482,2	470	521,6	
Сибирский федеральный округ	585,2	568,8	611,8	7
Алтайский край	577,5	556,8	582,2	45
Томская область	451,9	467,8	503,1	22 (первое место среди субъектов СФО)
Кемеровская область	703,8	682,9	718,4	83 (последнее место среди субъектов СФО)
Республика Ингушетия	142,4	142	174,7	1
Чукотский автономный округ	954,6	801,3	836,8	85

Для сравнения уровня смертности населения трудоспособного возраста в таблице 2 приведены данные с самыми низкими и с самыми высокими показателями по Российской Федерации. Так, традиционно самый низкий показатель смертности населения трудоспособного возраста в 2020 г. фиксируется в Республике Ингушетии — 175 человек на 100 тысяч населения и самый высокий в Чукотском автономном округе — 837.

Проанализировав данные общего коэффициента смертности и смертности населения трудоспособного возраста в Алтайском крае, можно констатировать повышенный уровень смертности по сравнению со среднероссийским уровнем и внутри Сибирского федерального округа прежде всего за счет повышенного уровня смертности населения пенсионного возраста. В этой связи считаем целесообразным отдельно рассматривать уровень смертности городского и сельского населения. В таблице 3 приведены общие коэффициенты смертности населения региона за 2018 г. — 2021 г. (10 месяцев).

Общий коэффициент смертности сельского населения Алтайского края традиционно выше общего коэффициента смертности городского населения на 2–3 промилльных пункта, в том числе в «ковидные» периоды.

Таблица 3

Общие коэффициенты смертности Алтайский край (число умерших на 1000 человек населения)

	2018	2019	2020	2021 (10 месяцев)
Сельское население	15,4	15,1	16,8	19,2
Городское население	12,1	12,0	14,9	15,9

Доля сельского населения Алтайского края существенно выше среднероссийского уровня (табл. 4). При этом, естественно, доля лиц пенсионного возраста в сельской местности существенно выше аналогичной доли в городской. Вместе с тем доля сельского населения Алтайского края ежегодно сокращается: с 43,6% в 2018 г. до 42,8% в 2021 г. — что не противоречит общероссийской тенденции ежегодного сокращения доли сельского населения (с 25,6% в 2018 г. до 25,3% в 2021 г.). Однако доля сельского населения в Алтайском крае существенно превышает аналогичную долю в целом по Российской Федерации, в 2021 г. превышение составило 17,5 процентных пункта.

Таблица 4

Численность населения в Алтайском крае

	Все население, тыс. человек	В том числе, тыс. человек		Доля сельского населения, Алтайский край, %	Доля сельского населения, РФ, %
		городское	сельское		
2018	2350,1	1326,4	1023,7	43,6	25,6
2019	2332,8	1322,6	1010,2	43,3	25,4
2020	2317,2	1319,6	997,6	43,1	25,3
2021	2296,4	1313,0	983,4	42,8	25,3

Сегодня считается доказанным факт снижения смертности у проживающих в «зеленой» местности. В исследовании, проведенном учеными из Гарвардской школы общественного здравоохранения, представлены данные о том, что у женщин, проживающих в «зеленой» местности, смертность снижается на 12%. У жителей городов выявлена более высокая смертность от рака и болезней дыхательных путей, жители в сельской местности меньше страдают психическими заболеваниями [10]. Другими словами, если абстрагироваться от основного фактора повышенной смертности населения — бедности и доступности медицины, при прочих равных условиях, то жители экологической сельской местности живут дольше жителей мегаполисов и городов.

Таким образом, уровень смертности населения, особенно в сельской местности, для Алтайского края имеет критическое значение в достижении национальных стратегических приоритетов. И, следовательно, выявление факторов повышенного уровня смертности является важнейшей аналитической задачей при реализации региональной стратегии социально-экономического развития.

Изучение факторов повышенной смертности населения в условиях пандемии обязывает прежде всего начинать с исследования организации региональной системы здравоохранения. Так, пример Алтайского края говорит о том, что государственные программы не могут быть успешно реализованы (в частности, в сфере оптимизации системы здравоохранения) по единому алгоритму и с единым набором управленческих решений. Демографическая ситуация, половозрастная структура населения должны учитываться региональной системой здравоохранения. Не последнее место при этом занимают такие факторы, как обеспеченность медицинским персоналом и уровень заработной платы в этой сфере.

Алтайский край занимает 75-е место среди регионов с заработной платой врачей 57983 рубля, или 64% от среднероссийского уровня, и 68-е место с заработной платой среднего медицинского персонала 32719 рублей, или 70% от среднерос-

сийского уровня [11]. При этом нужно понимать, что данная заработная плата представлена на физическое лицо, то есть с учетом коэффициента совместительства, среднее значение которого по региону составляет 1,4.

В настоящее время представлен на рассмотрение проект новой системы оплаты труда. Негативным компонентом для Алтайского края в новой системе оплаты труда является установление региональных коэффициентов дифференциации, которые значительным образом усилят разрыв в абсолютном значении заработной платы медиков Алтайского края и соседних регионов, не говоря уже о центральных регионах России, что, в свою очередь, не будет способствовать закреплению медицинских кадров в крае. Региональные коэффициенты в субъектах, участвующих в пилотном проекте внедрения новой системы оплаты труда, выглядят следующим образом: Белгородская область и г. Севастополь — 1,38; Курганская область — 1,00; Омская область — 1,11; Оренбургская область — 1,09; Республика Саха (Якутия) — 1,16; Тамбовская область — 1,14. Для Алтайского края коэффициент дифференциации — 1 (всего 12 регионов с аналогичным коэффициентом) [12].

Предварительный анализ региональной системы здравоохранения явился побудительной причиной исследования влияния обеспеченности врачами на уровень смертности в муниципалитетах Алтайского края (табл. 5).

Результаты исследования говорят о том, что заметная и высокая обратная корреляция (коэффициент парной корреляции К. Пирсона менее -0,5) выявлена у муниципалитетов, представленных в таблице 5. Отрицательное значение данного коэффициента означает, что при увеличении численности врачей снижается смертность и наоборот.

Из таблицы 5 следует, что во всех перечисленных муниципальных образованиях численность врачей всех специальностей на 10000 населения ниже, чем в среднем по краю, а общий коэффициент смертности (за исключением г. Алейска и Немецкого района) выше.

Таблица 5

Результаты корреляционного анализа

Муниципальное образование	Коэффициент парной корреляции К. Пирсона (по данным с 2010 по 2020 г.)	Общий коэффициент смертности, промилле (2020 г.)	Численность врачей всех специальностей на 10000 населения, человек (2020 г.)
Поспелихинский район	-0,89	17,6	17,0
Топчихинский район	-0,78	18,8	20,9
Тальменский район	-0,75	17,0	19,1
г. Алейск	-0,71	13,1	20,4
Локтевский район	-0,65	20,6	13,9
Бурлинский район	-0,63	18,8	14,5
г. Яровое	-0,63	18,3	23,4
Немецкий район	-0,59	13,0	15,3
Хабарский район	-0,57	18,6	15,9
Косихинский район	-0,54	20,1	24,4
Романовский район	-0,53	17,3	29,7
г. Новоалтайск	-0,53	17,3	18,4
Крутихинский район	-0,51	17,7	21,8
Алтайский край	0,18	16,5	43,4

Таким образом, в Поспелихинском, Топчихинском, Тальменском, Локтевском, Бурлинском, Хабарском, Косихинском, Романовском, Крутихинском районах, в г. Новоалтайске и г. Яровое целесообразно и необходимо увеличить численность врачей, чтобы добиться снижения смертности. В целом по Алтайскому краю корреляция слабая, в остальных муниципалитетах края связь умеренная. Это в свою очередь свидетельствует о том, что показатель численности врачей всех специальностей на 10000 населения слабо влияет на общий коэффициент смертности. Следовательно, пропорциональное увеличение численности врачей в целом не приведет к снижению смертности в крае. Но и в муниципальных стратегиях, и в отдельных государственных программах по выделенным в таблице 5 муниципалитетам следует учесть найденную зависимость.

Заключение. Результаты проведенных исследований дают начальные основания для разработки муниципальных стратегий. В целях конкретизации целенаправленных управленческих решений далее необходимо определить зависимость между смертностью от конкретных заболеваний и обеспеченностью врачами соответствующих специальностей с выходом на схемы целевой подготовки врачей для муниципалитетов.

Следующие, не менее масштабные задачи — выявление ключевых факторов и оценка их влияния на смертность населения; создание комплексной модели (при помощи инструментов Data Mining), обеспечивающей поддержку принятия управленческих решений, направленных на снижение смертности в регионе.

Этапы разработки рекомендаций для муниципального стратегирования следующие:

1. Анализ факторов, влияющих на смертность населения в целом по региону.
2. Выявление ключевых факторов в целом по региону.
3. Определение качественных и количественных характеристик ключевых факторов в целом по региону.
4. Оценка влияния факторов в муниципальном разрезе.
5. Разработка рекомендаций по воздействию на факторы, влияющие на смертность в муниципалитетах.
6. Формирование основ для разработки муниципальных стратегий.

Таким образом, в исследовании определен ключевой вектор регионального стратегического планирования с учетом актуальных трендов и реальных пандемии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» (Указ Президента РФ от 2.07.2021 г. № 400). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 28.12.2021).

2. Стратегия социально-экономического развития Алтайского края до 2035 года. URL: https://www.altairegion22.ru/territory/soc_econ/zakon-strategiya-2035-6-09-2021.pdf (дата обращения: 28.12.2021).
3. Пациорковский В. В. Анализ стратегий социально-экономического и инновационно-технологического развития регионов // Россия: тенденции и перспективы развития. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-strategiy-sotsialno-ekonomicheskogo-i-innovatsionno-tehnologicheskogo-razvitiya-regionov/viewer> (дата обращения: 15.12.2021).
4. Шпакова Р. Н. Стратегии социально-экономического развития регионов: от оценки достижения — к оценке эффективности // Вестник Евразийской науки. 2019. № 2. URL: https://mgimo.ru/library/publications/strategii_sotsialno_ekonomicheskogo_razvitiya_regionov_ot_otsenki_dostizheniya_tseley_k_otsenke_effe/ (дата обращения: 15.12.2021).
5. Кислицына В. В., Чеглакова Л. С., Караулов В. М., Чикишева А. Н. Формирование комплексного подхода к оценке социально-экономического развития регионов // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 2. С. 369–380.
6. Морозова Н. В., Бондаренко Н. В. Подходы к оценке эффективности реализации региональных стратегий социально-экономического развития // Вестник Чувашского университета. 2014. № 3. С. 178–182.
7. Рисин И. Е. Региональные стратегии второго поколения: особенности разработки // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2018. № 1. С. 90–96. URL: <https://journals.vsu.ru/econ/article/view/2550> (дата обращения: 18.12.2021).
8. Стратегическое планирование экономического развития: 35 лет канадского опыта / под ред. Дж. Бэйтера, Б. С. Жихаревича, Н. А. Лебедевой. СПб., 2004. 288 с.
9. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 18.12.2021).
10. James P., Hart J. E., Banay R. F., Laden F. Exposure to Greenness and Mortality in a Nationwide Prospective Cohort Study of Women // *Environmental Health Perspectives*. 2016. № 9. Vol. 124. Pp. 1344–1352.
11. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1eEUBIVB/itog-monitor05-20.htm> (дата обращения: 18.12.2021).
12. О реализации пилотного проекта в целях утверждения требований к системам оплаты труда медицинских работников государственных и муниципальных учреждений здравоохранения: Постановление Правительства РФ от 01.06.2021 № 847 (ред. от 27.09.2021). URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.11.2021).

REFERENCES

1. National Security Strategy of the Russian Federation «(Decree of the President of the Russian Federation of 2.07.2021 No. 400). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (date of access: 28.12.2021).
2. Strategy of socio-economic development of the Altai Territory until 2035. URL: https://www.altairegion22.ru/territory/soc_econ/zakon-strategiya-2035-6-09-2021.pdf (date of access: 28.12.2021).
3. Patsiorkovsky V. V. Analysis of strategies for socio-economic and innovative-technological development of regions // Russia: prospects and development prospects. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-strategiy-sotsialno-ekonomicheskogo-i-innovatsionno-tehnologicheskogo-razvitiya-regionov/viewer> (date of access: 15.12.2021).
4. Shpakova R. N. Strategies for the socio-economic development of regions: from assessing achievement — to assessing effectiveness // *Bulletin of Eurasian Science*. 2019. No. 2. URL: https://mgimo.ru/library/publications/strategii_sotsialno_ekonomicheskogo_razvitiya_regionov_ot_otsenki_dostizheniya_tseley_k_otsenke_effe/ (date of access: 15.12.2021).
5. Kislitsyna V. V., Cheglakova L. S., Karaulov V. M., Chikisheva A. N. Formation of an integrated approach to assessing the socio-economic development of regions // *Economy of the region*. 2017. Vol. 13. No. 2. Pp. 369–380.
6. Morozova N. V., Bondarenko N. V. Approaches to assessing the effectiveness of the implementation of regional strategies for socio-economic development // *Bulletin of the Chuvash University*. 2014. No. 3. Pp. 178–182.
7. Risin I. Ye. Regional strategies of the second generation: development features // *Bulletin of VSU. Series: Economics and Management*. 2018. No. 1. Pp. 90–96. URL: <https://journals.vsu.ru/econ/article/view/2550> (date of access: 18.12.2021).

-
8. Strategic planning of economic development: 35 years of Canadian experience / ed. J. Baiter, B. S. Zhikharevich, N. A. Lebedeva. Saint-Petersburg, 2004. 288 p.
 9. Federal State Statistics Service: Official site. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (date of access: 18.12.2021).
 10. James P., Hart J. E., Banay R. F., Laden F. Exposure to Greenness and Mortality in a Nationwide Prospective Cohort Study of Women // Environmental Health Perspectives. 2016. No. 9. Vol. 124. Pp. 1344–1352.
 11. Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1eEUBIVB/itog-monitor05-20.htm> (date of access: 18.12.2021).
 12. On the implementation of a pilot project in order to approve the requirements for the systems of remuneration of medical workers in state and municipal health care institutions: Decree of the Government of the Russian Federation dated 01.06.2021 No. 847 (as amended on 27.09.2021). URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 18.11.2021).

Поступила в редакцию: 11.01.2022.

Принята к печати: 01.02.2022.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ СВЯЗИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ С РЕГИОНАМИ СИБИРИ: ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

А. Я. Троцковский^{1,2}, Ю. А. Перекаренкова¹, Л. В. Родионова¹, А. М. Сергиенко¹

¹Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия)

²Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Статья посвящена характеристике предпосылок формирования и ограничений исследования интеграционных связей Алтайского края с регионами СФО. Изложены результаты исследования, ориентированного на разработку теоретико-методологических основ механизмов и движущих сил формирования интегрированного социально-экономического пространства Алтайского края с регионами СФО и оценку интеграционного потенциала края. Сделан вывод о необходимости систематизации и обобщения литературы по данной теме.

Раскрыты социально-экономические предпосылки формирования и активизации межрегиональных связей Алтайского края с регионами СФО. Обоснован вывод о недостаточном экономическом потенциале края для преодоления отставания от других регионов СФО по уровню социально-экономического развития и активизации межрегиональных связей. Заметный интеграционный потенциал присущ пищевой промышленности, хотя существует ряд препятствий его реализации. Значимым является влияние производства кокса, машин и оборудования на масштабы межрегиональной торговли. Дана оценка изменения доходов населения края на различных этапах экономики.

Рассмотрены ограничения исследования межрегионального движения товаров и населения, накладываемые спецификой статистического учета. Дана оценка последствий неадекватного отражения товарных и миграционных потоков на результаты исследования.

Ключевые слова: Алтайский край, межрегиональные взаимодействия, интеграционные процессы, межрегиональная торговля, миграция, доходы населения, валовой региональный продукт, ограничения исследования.

INTEGRATION RELATIONS OF ALTAI TERRITORY WITH THE SIBERIAN REGIONS: PREREQUISITES FOR FORMATION AND RESEARCH LIMITATIONS

A. Ya. Trotskovsky^{1,2}, Yu. A. Perekarenkova¹, L. V. Rodionova¹, A. M. Sergienko¹

¹Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS (Novosibirsk, Russia)

²Altai State University (Barnaul, Russia)

The article is devoted to the characterization of the prerequisites for formation and limitations of the study of the integration ties of the Altai Territory with the regions of the Siberian Federal District. The results of a study focused on the development of theoretical and methodological foundations of mechanisms and driving forces for formation of integrated socio-economic space of Altai Territory with the regions of the Siberian Federal District and an assessment of the integration potential of Altai Territory are presented. The conclusion is made about the need for systematization and generalization of literature on this topic.

¹ Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Движущие силы и механизмы развития кооперационных и интеграционных процессов в экономике Сибири», № 121040100279–5.

The conclusion about the insufficient economic potential of Altai Territory to overcome a lag behind other regions of the SFD in terms of socio-economic development and to activate of interregional ties is substantiated. A noticeable integration potential is inherent in the food industry, although there are a number of obstacles for its implementation. The influence of coke production, machinery and equipment on the interregional trade scale is significant. The estimation of changes in the population incomes of Altai Territory at various stages of the economy is given.

The limitations of the research of the interregional movement of goods and population imposed by specifics of statistical accounting are considered. An assessment of consequences of inadequate reflection of commodity and migration flows on the study results is given.

Keywords: Altai Territory, interregional interactions, integration processes, interregional trade, migration, population income, gross regional product, research limitations.

Постановка проблемы. Оценка социально-экономического кризиса в России в 2020–2021 гг., его истоки и специфика, возможные тенденции развития экономической ситуации остаются в центре внимания экономической науки. Несмотря на различия во взглядах ведущих экономистов на обозначенные выше явления и процессы, общим для многих экспертов является не только констатация негативного влияния на экономику пандемии коронавируса, но и поиск более глубоких корней кризиса, обусловленных незавершенностью структурной перестройки [1] и сложностью преодоления последствий шестилетней стагнации 2014–2019 гг. [2].

Ученые, анализируя ключевые вызовы, стоящие перед экономикой России, антикризисную программу Правительства и федеральный бюджет на 2021 г., предлагают различные пути совершенствования экономической политики современной России. Так, к примеру, ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ В. А. Мау акцентирует свое внимание на усилении этатизма и популизма, нарастании социальной и политической поляризации, повышении роли национальной повестки по отношению к глобальной, необходимости усиления внимания к вопросам национальной безопасности [3].

Академик А. Г. Аганбегян делает ставку на технологический прорыв и подъем показателей экономической эффективности и необходимость в этих целях проведения структурных реформ собственности, финансовой системы, регионального управления, осуществления «финансового форсажа» инвестиций в основной и человеческий капитал, жилищное строительство и подъем внешней торговли [4].

В предложениях экспертов Вольного экономического общества России по восстановлению экономики отмечена необходимость увеличить в 2021 г. объем финансирования антикризисных мероприятий правительства и поддерживать его

на этом уровне в 2022–2023 гг., актуальность проведения структурных реформ, восстановления доходов и потребления населения [2].

В статье М. В. Ершова предложено создавать условия для поддержания бизнеса, социальной стабильности в обществе и благополучия населения с помощью разработки и применения комплекса мер бюджетной, денежно-кредитной и валютной политики [5]. Детальное и разностороннее рассмотрение макроэкономических факторов, их влияния на экономическое и социальное развитие в условиях постковидного восстановления российской экономики представлено участниками круглого стола «Макроэкономические эффекты пандемии COVID-19 и перспективы восстановления экономики» [6].

В работах В. В. Кулешова, В. А. Крюкова и других сибирских ученых-регионоведов акцент сделан на формировании эффективного межрегионального и межмуниципального взаимодействия с целью получения синергетического эффекта. При этом ключевая проблема развития Сибири, на взгляд авторов, состоит в формировании сбалансированных (с учетом пространственных особенностей) цепочек как создания стоимости, так и «обратного» распределения полученных эффектов [7, 8].

Необходимость активизации межрегиональных взаимодействий как значимого рычага подъема российской экономики нашла понимание и поддержку не только в широких научных кругах, но и в государственных органах власти.

В научных публикациях по этой тематике высказываются различные точки зрения на процессы формирования интегрированного межрегионального пространства. Доминирует точка зрения, что для России и, в частности, для Сибири характерно усиление процессов пространственной фрагментации. Вместе с тем имеющиеся в науке примеры эмпирической верификации данного положения не охватывают всего круга межрегиональных связей и поэтому не всегда убедительны.

Актуальность исследования определяется необходимостью обеспечить сохранение и упрочение единства экономического пространства страны, способствовать усилению устойчивости ее экономического развития, последовательному достижению задач выравнивания уровня развития регионов и росту благосостояния населения.

Цель исследования в самом общем виде заключается в разработке теоретико-методологических основ анализа механизмов и движущих сил формирования интегрированного социально-экономического пространства Алтайского края и регионов СФО и на этой основе оценке интеграционного потенциала Алтайского края, его роли и места в этом процессе.

Эмпирическим объектом исследования является Алтайский край. В качестве предмета исследования выступают межрегиональные взаимодействия Алтайского края и регионов СФО как механизма, обеспечивающего формирование интегрированного экономического и социокультурного пространства макрорегиона.

Степень изученности проблемы. Исследование межрегиональных связей и взаимодействий, на наш взгляд, не получило в регионалистике столь широкого распространения как, к примеру, сравнительный анализ развития территориальных социально-экономических систем, обеспечения конкурентоспособности регионов и их устойчивого развития, вопросы регионального стратегирования, международного экономического сотрудничества и ряда других научных направлений¹. По-видимому, основной причиной этого наряду с широким кругом явлений и процессов, охватываемых понятием «межрегиональные взаимодействия», является сравнительно слабая информационная обеспеченность, за исключением межрегиональной миграции населения России и в определенной мере — межрегиональной торговли.

Преодоление ограниченности информации по рассматриваемой проблеме требует создания авторского инструментария и проведения отдельных исследований, что, как известно, с одной стороны, достаточно трудоемко и дорого, а с другой — подвержено быстрому устареванию результатов с силу высокой мобильности экономической ситуации.

Тем не менее проведенный нами анализ научной литературы, изданной за последнее десятилетие, не позволяет говорить о недостаточном внимании российской науки к исследованию межрегиональных взаимодействий и их принадлежности к периферии научных региональных ис-

следований. Об этом свидетельствуют не только многочисленные статьи по рассматриваемой теме, но и имеющиеся монографии [9–14].

В указанных монографиях изложены теоретико-методологические аспекты исследования межрегиональных взаимодействий, определения интеграционных возможностей региона, проанализированы факторы межрегиональной интеграции. Особое внимание уделено исследованию кластеров и других сетевых форм пространственной организации производства. Ключевое место в монографиях занимает раздел по совершенствованию государственного управления этим процессом.

Что касается многочисленных статей по рассматриваемой тематике, то следует отметить географическую широту работ и их разнообразие в части направленности исследований — от оценки условий, уровня и перспектив межрегиональной интеграции до анализа ключевых факторов-детерминант [15–21].

С нашей точки зрения наработанный российской наукой материал как в теоретико-методологическом, так и в эмпирическом плане требует обобщения и систематизации, начиная от используемого понятийного аппарата и заканчивая содержательными результатами. Заметим в связи со сказанным, что отдельные попытки систематизации подходов к обоснованию роли межрегионального взаимодействия в развитии региональных социально-экономических систем, используемых понятий, типов межрегиональных отношений и их ключевых факторов, видов межрегионального взаимодействия и критериев их оценки уже имеются [12, с. 45–61].

Предпосылки формирования и активизации межрегиональных связей Алтайского края. Развитие интеграционных связей между регионами предполагает наличие соответствующих экономических предпосылок или возможностей для их создания в каждом из интегрируемых регионов с целью производства нового продукта. Очевидно, данный подход содержит в себе предположение, согласно которому интегрируемые регионы должны обладать близким экономическим потенциалом, схожим уровнем социально-экономического развития, родственными либо взаимодополняющими отраслями, выступающими объективной основой для создания успешного альянса.

Рассматривая Алтайский край с этих позиций, важно оценить его накопленный потенциал за предыдущий период экономического развития, сформированный за счет преобладающих отраслей специализации. Такой подход позволит, с одной стороны, выявить имеющиеся предпосылки для формирования новых интеграционных свя-

¹ Детальный анализ ключевых направлений пространственного развития России дан в статье одного из авторов, опубликованной в настоящем журнале в прошлом году [9].

зей между регионами с позиции потенциальных возможностей для развития в Алтайском крае, а с другой — определить сложившиеся ограничения для межрегиональных экономических взаимодействий с позиции сложившихся отраслей специализации.

Проведенный анализ валового регионального продукта Алтайского края в сравнении с аналогичным показателем по регионам СФО показал, что в 1996 г. край превосходил республики Алтай, Тыву, Хакасию и Томскую область. Отставание от лидера по объему произведенного ВРП из си-

бирских регионов (Красноярского края) составляло 2,7 раза².

Сложившаяся динамика темпов экономического роста в Алтайском крае в последующие годы сформировала и укрепила тенденцию его отставания от большинства регионов СФО. Так, среднегодовые темпы роста ВРП Алтайского края на протяжении 1996–2019 гг. оставались ниже темпов роста крупнейших регионов СФО — Красноярского края, а также Новосибирской и Омской областей (рис. 1).

² Регионы России / Госкомстат России. Т. 2. М., 2001. С. 294.

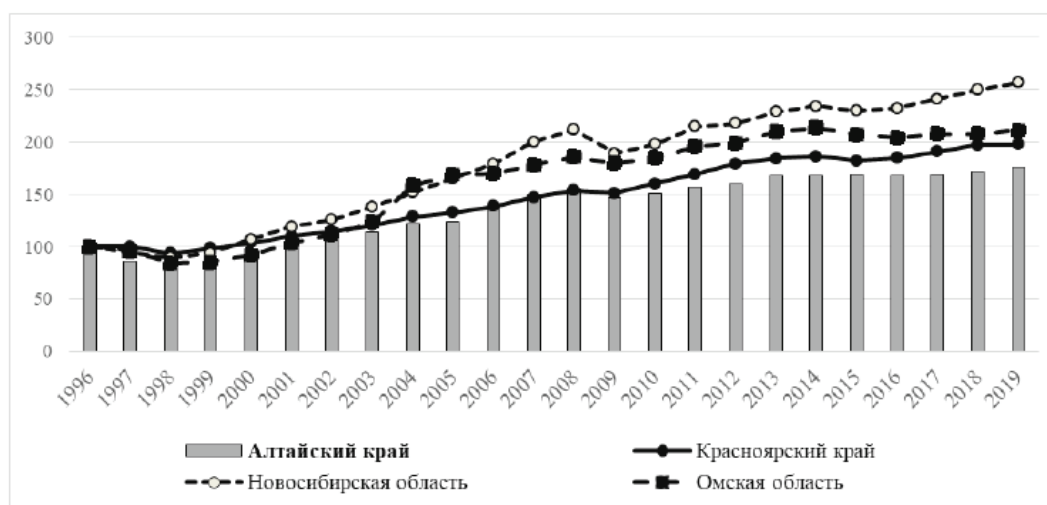

Рис. 1. Динамика индексов физического объема ВРП отдельных регионов СФО, % (1996 г. = 100%)

Источник: данные Росстата, расчеты авторов

В результате в анализируемые годы удельный вес Алтайского края в производимом валовом продукте СФО, инвестициях в основной капитал, объеме производимой продукции в сфере промышленного производства сократился. Отлич-

ительной особенностью в этот период стало увеличение доли производимой продукции сельского хозяйства в Алтайском крае в СФО с 18,85% в 1990 г. до 24,25% в 2020 г. (табл. 1).

Таблица 1

Удельный вес Алтайского края в основных показателях социально-экономического развития СФО, %

Показатель	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020
Численность постоянного населения в среднем за год	12,5	12,9	13,0	12,9	12,6	12,3	13,5
Валовой региональный продукт	н/д	7,05	7,10	6,95	7,33	7,15	6,87 ³
Объем промышленной продукции	11,0	6,39	5,55	5,48	5,72	5,12	5,33
Производство сельского хозяйства	18,85 ⁴	16,03	19,43	19,32	21,50	22,47	24,25
Инвестиции в основной капитал	9,95	7,40	7,20	6,03	6,27	6,64	6,36

Примечания. 1. Расчет ВРП ведется с 1994 г. 2. С 2005 г. — объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды». В 2019 г. при расчете объема промышленной продукции использованы данные объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха», «Водоснабжение, водоотведение, организаций сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации за-

грязнений». 3. Данные по ВРП приведены за 2019 г. 4. Продукция сельского хозяйства приведена за 1991 г. Источник: данные Росстата, расчеты авторов.

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что в целом Алтайский край на сегодняшний день не обладает достаточным экономическим потенциалом, позволяющим ему за счет созданных внутренних источников роста преодолеть накопленное за предыдущие годы отставание по производству валового продукта от обозначенных сибирских регионов и радикально активизировать межрегиональные связи.

Исследование отраслевой структуры формирования валовой добавленной стоимости (ВДС) в Алтайском крае в сравнении с остальными регионами СФО как фактора, предопределяющего характер межрегиональных взаимодействий, позволило выделить здесь значительный удельный вес сельского хозяйства — 12,7% в 2019 г. В Республике Алтай доля сельского хозяйства составляла 10,2%, в остальных регионах удельный вес данной отрасли составлял менее 8%. Наибольший удельный вес

в структуре ВРП этих регионов формируется за счет развитой добывающей промышленности (около четверти — в Красноярском крае, Иркутской, Кемеровской и Томской областях).

Значительный удельный вес обрабатывающих производств (более 1/3) предопределил экономическое развитие и межрегиональные связи в Красноярском крае и Омской области — 36,3 и 33,2% соответственно. В структуре отгруженной продукции обрабатывающих производств данных регионов наибольший удельный вес (более 70%) формируется за счет металлургического производства в Красноярском крае, и за счет производства нефтепродуктов — в Омской области (табл. 2). Удельный вес обрабатывающих производств в ВДС Алтайского края в два раза ниже, чем в Красноярском крае и Омской области. По вкладу данной отрасли в формирование валового продукта Алтайский край из всех регионов СФО сравним с Республикой Хакасия.

Таблица 2

Структура объема отгруженной продукции в сфере обрабатывающих производств в регионах СФО в 2020 г., %

Вид обрабатывающих производств	СФО	Республика Алтай	Республика Тыва	Республика Хакасия	Алтайский край	Красноярский край	Иркутская область	Кемеровская область	Новосибирская область	Омская область	Томская область
Производство пищевых продуктов	12,8	46,2	32,2	10,7	42,3	3,9	9,1	8,4	29,6	11,2	20,3
Производство текстильных изделий	0,5	0,4	39,4	0,1	1,8	0,1	0,2	0,3	1,8	0,2	0,3
Обработка древесины и производство изделий из дерева	2,9	1,3	1,5	0,2	2,8	2,4	12,1	0,3	1,6	0,1	8,6
Производство бумаги и бумажных изделий	2,1	0,7	3,3	0,1	1,5	0,1	12,2	0,2	3,5	0,6	2,8
Производство кокса и нефтепродуктов	19,2	3,8	-	0,8	17,8	2,3	6,8	20,8	6,5	70,7	18,2
Производство химических веществ и хим. продуктов	6,9	2,2	...	1,5	6,4	3,0	13,8	11,6	7,7	6,0	14,2
Производство прочей неметаллической продукции мин. продукции	3,1	7,9	15,7	1,0	2,6	1,7	3,7	3,6	10,3	0,9	2,5
Производство металлургическое	40,4	22,0	...	68,3	9,4	79,2	23,8	44,8	16,0	3,2	8,1
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	3,2	-	-	5,3	2,0	0,8	2,3	0,8	10,0	2,7	17,6
Производство машин и оборудования	5,0	-	-	1,8	11,6	2,6	11,9	4,3	7,6	2,4	2,6
Производство мебели	0,6	0,1	4,1	0,1	0,6	0,5	0,4	0,2	2,0	0,2	0,9
Ремонт и монтаж машин и оборудования	3,3	15,4	3,8	10,1	1,2	3,4	3,7	4,7	3,4	1,8	3,9

Источник: данные Росстата.

Исходя из структуры валового продукта, Алтайский край остается аграрно-промышленным регионом, что видно, с одной стороны, по удельному весу сельского хозяйства в структуре отраслей региона, а с другой — определяется спецификой производимой продукции за счет сосредоточенных в регионе обрабатывающих производств. Имеющаяся развитая пищевая промышленность (более 40%) вместе с сельским хозяйством создают экономические предпосылки для развития региона и его интеграции в социально-экономическое пространство Сибири. Однако на этом пути есть серьезные препятствия, в числе которых значительные объемы вывозимого за пределы края сельскохозяйственного сырья, относительно низкая добавленная стоимость производимой продукции, высокая конкуренция на продовольственных рынках и т. д. В свою очередь, имеющееся производство кокса и нефтепродуктов (17,8%), а также производство машин и оборудования (11,6%) вносят не столь большой вклад в формируемый ВРП по сравнению с пищевой промышленностью, но их роль в межрегиональной торговле достаточно заметна.

Исходя из рассмотренной динамики ВРП, его структуры в Алтайском крае, определяемой сложившимися отраслями специализации, можно сказать, что аграрно-промышленный потенциал региона является преимуществом, позволяющим ему быть востребованным в условиях проводимой политики импортозамещения, а также обеспечения других регионов продовольствием.

В то же время сложившаяся структура отраслей в Алтайском крае выступает ограничивающим фак-

тором развития интеграционных связей с другими регионами СФО. Различная отраслевая специализация сибирских регионов не позволяет создавать совместные крупномасштабные производства обрабатывающей промышленности, способные выступать драйвером развития региона. В этом смысле возможным выходом с позиции формирования интегрированных межрегиональных объединений является совместный поиск перспективных направлений развития, опирающихся на имеющийся в регионах экономический потенциал. Основой поиска интеграционных связей между регионами должны стать преобладающие в структуре ВДС взаимодополняющие отрасли и подотрасли.

На сегодняшний день, помимо сельского хозяйства и обрабатывающих производств, значительный вклад (порядка 25%) в ВДС Алтайского края вносит сфера движения торгового капитала и финансового капитала в сфере недвижимости.

Другой важной предпосылкой формирования межрегиональных экономических связей являются доходы населения [22–23]. Значимо более высокие доходы населения региона на фоне страны, других регионов могут стать драйвером притяжения капитала, инвестиций, рабочей силы из других регионов, развития межрегиональных связей, а существенно более низкие — ограничителем такого развития. Усиление же межрегиональной интеграции воздействует на межрегиональную дифференциацию по доходам населения, изменение позиций регионов по данному показателю, хотя вектор этого воздействия уже не столь однозначен.

Рис. 2. Соотношение доходов населения и заработной платы работников организаций с величиной прожиточного минимума в России и Алтайском крае в 1993–2020 гг.

Источник: данные Росстата

Трансформационные процессы в экономике России за три последних десятилетия оказали значительное влияние на межрегиональную дифференциацию по доходам населения, наблюдались значимые изменения в позиции Алтайского края по данному показателю на фоне Сибирского федерального округа СФО и России в целом. В благоприятные периоды экономического развития, проявляющиеся отчасти в наращивании межрегиональных торговых и бизнес-связей, наблюдался не только рост межрегиональной дифференциации по доходам населения, но и подтягивание к среднему уровню таких отстающих регионов, как Алтайский край. Так, в период экономического роста 2000–2007 гг. межрегиональные различия по доходам населения в СФО выросли до 2,18 раза, значительно сократилось отставание края от регионов СФО (до 22,4%), наблюдалось более значительное уве-

личение покупательной способности доходов населения в сравнении с Россией и СФО (рис. 2) [24].

Напротив, кризисные периоды в экономике, отражающиеся на ослаблении торговых и бизнес-связей, уменьшении объемов ввоза и вывоза товаров и капитала из регионов СФО, приводили и к сокращению межрегиональной дифференциации населения по доходам [24–25]. В такие годы более значительные потери в доходах населения, их покупательной способности чаще всего несла экономически «слабая часть» сибирских регионов, в том числе Алтайский край — таблица 3 [25]. Вместе с тем именно в кризисные периоды последних двух десятилетий все более существенное нейтрализующее воздействие оказывала государственная антикризисная политика поддержки экономики и социальной сферы, способствующая сокращению межрегиональных различий по доходам населения СФО.

Таблица 3

Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума в целом по России и регионам СФО в 2013–2020 гг., %

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Российская Федерация	351,6	340,5	311,9	314,1	316,2	323,4	324,5	315,4
Республика Алтай	213,9	214,4	189,4	188,0	191,9	203,6	200,1	199,7
Республика Тыва	172,7	164,6	158,8	149,4	154,8	156,8	157,4	159,7
Республика Хакасия	235,2	222,8	210,6	214,3	218,0	219,6	208,0	202,3
Алтайский край	242,1	246,4	237,1	239,3	242,9	243,7	240,2	232,1
Красноярский край	298,1	271,4	250,5	253,7	253,9	257,8	254,4	248,7
Иркутская область	266,6	235,8	219,0	224,2	234,1	233,3	230,1	223,2
Кемеровская область	283,0	266,3	248,2	238,8	240,1	249,7	247,2	239,2
Новосибирская область	299,8	269,5	245,0	257,4	257,8	267,8	269,0	261,9
Омская область	322,7	326,7	295,9	286,2	278,3	278,8	272,4	264,0
Томская область	294,6	282,7	253,6	244,4	248,4	250,3	247,5	240,7

Источник: данные Росстата.

Кризисные явления в условиях пандемии 2020 г. не явились исключением: межрегиональные различия по доходам сократились, усилилось отставание региона от среднесибирского и среднероссийского уровней. Несмотря на «нейтрализующее» воздействие государственной политики стимулирования агропромышленной сферы, поддержки бизнеса и населения, в том числе путем прямых денежных выплат семьям с детьми, среднедушевые доходы населения Алтайского края впервые за последние более чем двадцать лет сократились в номинальном выражении в отличие от продолжающегося роста доходов россиян, покупательная способность доходов жителей региона упала почти на 8 п. п.

Итак, несмотря на более высокие темпы восстановительных процессов в межкризисные пе-

риоды и позитивное влияние социально-экономической политики, в настоящее время сохраняется значительное отставание Алтайского края от средней по России и СФО по среднедушевым доходам населения (на 33,8% и 14,7% в 2020 г.). Край занимает шестую позицию по покупательной способности доходов населения среди десяти регионов СФО и 69-е из 85 мест в России (отставание почти на треть от среднего значения по стране) — таблица 3. Самая низкая среднемесячная начисленная заработная плата в крае в сравнении с СФО (в 1,5 раза ниже среднего уровня в 2020 г.) и одна из последних — в стране (в 1,7 раза ниже среднего уровня) стабильно формирует дополнительный риск для развития межрегиональных экономических связей в СФО и стране в целом. Значительной остается разница в уровне бедности, рассчитанном

как доля населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже прожиточного минимума: в 1,4 раза выше среднего по России в 2020 г.

Как следствие, сравнительно низкие среднедушевые доходы населения Алтайского края, определяющие невысокую покупательную способность и формирующие низкий потребительский спрос и даже значительный уровень недопотребления товаров и услуг в кризисные периоды, представляют собой реальную хроническую угрозу полноценному развитию экономики, являются сдерживающим фактором развития межрегиональных экономических связей края с регионами СФО и России в целом. Негативными последствиями низких доходов и покупательной способности населения края, высокого уровня бедности для его экономики и интеграционных связей с регионами СФО является, в частности, высокий миграционный отток экономической активной части жителей, особенно молодежи [26].

Ограничения исследования. В этой части статьи мы обратимся к тематике, крайне редко, на наш взгляд, отражаемой в научных публикациях регионоведов. Речь пойдет об ограничениях, с которыми сталкивается практически каждый исследователь, пытаясь адекватно отразить и глубоко проанализировать исследуемые явления и процессы регионального развития.

Между тем констатация ограничений исследования позволяет прежде всего оценить надежность и достоверность полученных результатов. С этих позиций четко сформулированные и скрупулезно прописанные ограничения «экономического» исследования играют не меньшую роль, чем, например, обоснование выборки в социологической работе.

Однако есть и другая, не менее, а может быть, и более важная сторона — с точки зрения развития научного познания в исследуемой области. Ограничения исследования, образно говоря, играют роль светофора, сигнализирующего исследователям, желающим продолжить либо углубить работу в этом направлении, нет ли непреодолимых заторов на намеченном ими пути и какова вероятность получения ожидаемых результатов.

Чтобы не быть голословными, приведем конкретный пример из собственной практики. Одной из целей проводимого нами исследования был поиск ответа на вопрос об усилении (ослаблении) торгово-экономических связей Алтайского края с регионами СФО в различных фазах экономического цикла (рост, стагнация, рецессия, оживление). Естественно, это требовало анализа межрегиональных торгово-экономических связей края на протяжении достаточно длительного времени (порядка 30 лет) и главное, — обеспечения сопо-

ставимости информации для получения корректных выводов.

В одной из монографий, излагающей результаты исследований подобного рода, подробного описания методики не было, а изложение содержательных результатов (построение и анализ динамического ряда объемов межрегиональной торговли одного из субъектов Российской Федерации за сравнительно длительный период в стоимостной и, главное, сопоставимой оценке) [11, с. 44] дезориентировало и породило ложные иллюзии о возможности получения нами аналогичных результатов.

Вышесказанное позволяет нам утверждать: ограничения исследования и, что даже более интересно, апробированные исследователями способы их «обхода» и решения — важная часть исследовательской работы, без понимания которой изучение содержательных результатов теряет в значительной мере свой смысл, способствует их фальсификации и, в конечном счете, дискредитирует науку¹.

Рассмотрим далее вкратце основные ограничения исследования межрегионального движения товаров и населения в период с 1990 по 2020 г.²

Информационной базой изучения межрегиональной торговли является статистическая отчетность предприятий по форме № 1 — вывоз «Сведения о вывозе продукции (товаров)», данные Федеральной службы государственной статистики, а также территориальных органов статистики республик, краев, областей Сибирского федерального округа. В частности, детализированная информация об объемах продажи (вывоза, ввоза) потребителям края продукции в разрезе регионов и ее видов взята из бюллетеня Алтайкрайстата «Ввоз и вывоз потребительских товаров и продукции производственно-технического назначения» за соответствующий год.

Ранее уже упоминалось, что принятая методика статистического наблюдения за межрегиональной торговлей не позволяет корректно отследить динамику процесса за длительный период по трем причинам. Первая из них связана с постоянным изменением методики статистического наблюдения. В частности, только за последние годы она изменялась трижды.

Изменения носили не поверхностный, а существенный характер, как, например, пересмотр

¹ Ограничения исследования по своей природе различны. Цель настоящей статьи не заключается в их классификации. Затем, однако, что изречение «статистика знает все» является большим преувеличением, особенно в периоды кардинальных сдвигов в экономике.

² Более подробно имеющиеся ограничения исследования межрегиональной торговли изложены нами в сборнике [27].

номенклатуры наблюдаемых видов продукции или другая ее классификация. В исследуемом периоде изменялись и подходы к оценке торговых потоков: в 1990–2000 гг. учитывалось движение товаров, попавших под наблюдение, только в натуральном выражении; в 2001–2016 гг. дополнительно был введен показатель стоимостной оценки продукции (в действующих ценах); с 2017 г. по настоящее время — учет вывозимых и ввозимых в регион продукции и товаров в натуральном выражении.

Вторая группа причин связана с использованием выборочного метода наблюдения за межрегиональной торговлей. Прежде всего, это касается включения в выборку ограниченного круга продукции (от 100 до 240 видов в различные годы), в силу чего динамика объема ввоза и вывоза по полному кругу товаров не совпадает с оценкой по наблюдаемой номенклатуре. В частности, в Алтайском крае высокая доля охваченных наблюдением товаров пищевой и перерабатывающей промышленности позволяет говорить о более-менее корректной оценке объемов вывоза продовольственных товаров.

Что же касается сельхозпродукции, не прошедшей промышленную переработку (зерно, картофель, овощи, бахчевые культуры, яйца), то они учитываются статистикой в балансах сельхозпродукции и не отражаются в объемах межрегиональной торговли. Для аграрных и агропромышленных регионов России такая методика приводит к существенному искажению информации об объемах поставки товаров в другие регионы.

Далее, методикой статистического наблюдения предусмотрено обследование крупных, средних и малых предприятий. В обследовании остались не охваченными микропредприятия и индивидуальные предприниматели, занимающие на рынке определенных видов продукции весомую долю. Не предусмотрен методикой и учет продукции, перемещаемой между подразделениями одного юридического лица, что приводит к неполноте информации.

Наконец, третья группа причин носит особый характер и фактически не поддается учету. Речь идет о продукции, произведенной в другом регионе и поставленной в край не для внутрирегионального потребления, а для перепродажи в другие регионы.

Таким образом, ряд выводов исследования в силу ограничений, связанных с особенностями статистического наблюдения за межрегиональной торговлей, не отражают в полной мере реальную действительность и должны интерпретироваться как результаты, полученные «в первом приближении».

Названные выше ограничения (их список можно было бы продолжить) заметно сокращают возможности исследования и достоверность полученных выводов. Очевидно, все они — следствие того, что существующая статистика изначально не была сориентирована на решение поставленных нами исследовательских задач. Она в определенных пределах позволяет решать другие задачи: во-первых, определить значимость края, его предприятий, рынков сбыта своей продукции в регионах России; во-вторых, оценить широту географии и масштаб поставок алтайской продукции на рынки России; в-третьих, оценить степень конкуренции на отдельных товарных рынках края.

Информационным основанием исследования межрегиональных миграционных связей стали данные статистического учета прибывших и выехавших на основе регистрации или снятия с регистрационного учета населения по месту жительства или месту пребывания в 1990–2020 гг. и результаты социологических опросов населения и экспертов по проблемам межтерриториальной мобильности населения.

Официальная статистика не совсем адекватно отражает реальные миграционные процессы, в одних случаях количество учтенных миграционных событий необоснованно завышается, в других — занижается. Формирование более достоверного представления о численности мигрантов, их составе, динамике, направлениях движения ограничивается особенностями миграционного учета на разных этапах развития, частыми изменениями методики их учета, изменением миграционного законодательства и усилением миграционного контроля, а также поведением самих мигрантов, которые довольно часто в силу различных причин не регистрируются.

Остановимся на тех изменениях в учете мигрантов, которые оказали наиболее существенное влияние на их объем и динамику, отображаемых в статистике. В советский период текущий учет мигрантов был более полный, он осуществлялся органами внутренних дел при оформлении прописки. Информация, полученная на основе листков прибытия и выбытия, передавалась в органы статистики, где на основе сопоставления данных по отдельным территориям корректировалась и принимала официальный статус. В 1995 г. произошла замена института прописки, на котором базировался миграционный учет, на институт регистрации по месту жительства и месту пребывания. В результате этих нововведений на практике учет временных внутренних мигрантов по месту пребывания в статистической отчетности практически прекратился. Это почти сразу же отразилось на официальной миграционной статистике и стало одной из причин

сокращения количества учитываемых мигрантов. О недооценке реальных объемов миграции в последующий период свидетельствуют и данные переписей населения 2002 и 2010 гг. Численность, состав, движение и размещение населения по их данным существенно отличались от данных текущего статистического учета [28].

В связи с накопившимися отклонениями между реальными и регистрируемыми миграциями и в соответствии с рекомендациями ООН от 1998 г. в статистике долговременной миграции в 2011 г. стали учитывать не только мигрантов, зарегистрированных по месту жительства, но и по месту пребывания на срок 9 и более месяцев. Это резко увеличило количество учтенных международных и внутренних мигрантов. По оценкам ученых-демографов за 2011–2012 гг. объем внутренних мигрантов увеличился в 2 раза [29, с. 84]. Но здесь возникли новые проблемы. По окончании срока регистрации по месту пребывания мигрант считается выбывшим к месту постоянной регистрации, что отражается в текущем статистическом учете. Но в действительности он может: никуда не выезжать и оформить новую регистрацию в том же населенном пункте (в этом случае в статистике отражается повторное выбытие и прибытие); оформить новую регистрацию в другом поселении, сразу выехав туда (здесь фиксируется повторное фиктивное выбытие к постоянному месту жительства); остаться и не оформлять регистрацию (в статистике также учитывается несостоявшееся выбытие). Кроме того, мигрант может многократно регистрироваться на более короткий срок (менее 9 месяцев) и не фиксироваться в статистике или вовсе не регистрироваться [30].

В результате всех этих погрешностей в учете миграционных событий, по мнению отдельных

исследователей, объемы учтенных фиктивных и не учтенных статистикой реальных мигрантов могут уравнивать друг друга [29, с. 94]. Итоги переписи 2021 г. позволят дать более точную количественную оценку миграции и скорректировать данные текущего учета.

Использование в ходе исследования миграционных связей данных социологических опросов населения и опросов экспертов дает возможность, с одной стороны, повысить надежность и достоверность достигнутых результатов, а с другой, — получить новые знания о миграционных процессах и их механизмах, а также о влиянии миграции на формирование интегрированного социально-экономического пространства.

Вывод. Проведенный анализ ключевых предпосылок исследования межрегиональных связей Алтайского края с регионами Сибири свидетельствует в целом о том, что уровень и динамика его социально-экономического развития является фактором, детерминирующим возможности радикальной активизации пространственных взаимодействий края в части движения товаров, капитала и рабочей силы. Исследование торгово-экономических межрегиональных связей края и движения населения, ограниченное особенностями статистического учета, не позволяет в принципе в полной мере решить поставленные в исследовании задачи. Выявленные и систематизированные в статье ограничения со стороны статистики, заключающиеся в не совсем адекватном отражении реальных процессов, накладывают свой отпечаток на результаты анализа межрегиональных торговых связей и миграции населения, требуют корректировки в целях повышения их надежности и должны рассматриваться как результаты в «первом приближении».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Май В. А. Пандемия коронавируса и тренды экономической политики // Вопросы экономики. 2021. № 3. С. 5–30. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-3-5-30.
2. Аганбегян А. Г., Порфирьев Б. Н., Широков А. А. О преодолении текущего кризиса и путях развития экономики России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 227. С. 193–213.
3. Май В. А. Экономика и политика 2019–2020 гг.: глобальные вызовы и национальные ответы // Вопросы экономики. 2020. № 3. С. 5–27. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-3-5-27.
4. Аганбегян А. Г. Новые тренды в кризисной ситуации 2020–2021 гг. // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2021. № 2 (65). С. 5–19. DOI: 10.52897/2411-4588-2021-2-5-19.
5. Ершов М. В. Мир 2021: сохраняется острота пандемических и экономических проблем // Вопросы экономики. 2021. № 12. С. 5–20. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-12-5-20.
6. Шохин А. Н., Акиндинова Н. В., Астров В. Ю., Гурвич Е. Т., Замулин О. А., Клепач А. Н., Май В. А., Орлова Н. В. Макроэкономические эффекты пандемии и перспективы восстановления экономики (по материалам круглого стола в рамках XXII Апрельской международной научной конференции НИУ ВШЭ) // Вопросы экономики. 2021. № 7. С. 5–30. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-7-5-30.

7. Крюков В. А., Карпик А. П. Организационно-структурные и пространственные проблемы развития экономики Сибири // Экономическая политика России в межотраслевом и пространственном измерении: материалы 2-й конференции ИМП РАН и ИЭОПП СО РАН по межотраслевому и региональному анализу и прогнозированию (Россия, Новосибирская область, 23–24 марта 2020 г.). Новосибирск, 2020. С. 7–18.
8. Крюков В. А., Лавровский Б. Л., Селиверстов В. Е., Сулов В. И., Сулов Н. И. Сибирский вектор развития: в основе кооперация и взаимодействие // Проблемы прогнозирования. 2020. № 5. С. 46–59. DOI: 10.1134/S1075700720050111.
9. Троцковский А. Я. Пространственные исследования в работах российских регионалистов: нарративный обзор // Экономика Профессия Бизнес. 2021. № 3. С. 125–132. DOI: 10.14258/epb202147.
10. Растворцева С. Н., Лебедев А. О. Развитие методов оценки факторов и форм межрегиональной экономической интеграции: монография. М., 2016. 213 с.
11. Лукин Е. В., Ускова Т. В. Межрегиональное экономическое сотрудничество: состояние, проблемы, перспективы: монография. Вологда, 2016. 148 с.
12. Махотаева М. Ю., Бакуменко О. А., Малышев Д. П. Межрегиональное взаимодействие как инструмент развития стратегических приоритетов региона: монография. Псков, 2017. 118 с.
13. Экономическая интеграция территорий: теоретические и прикладные аспекты: монография / В. А. Бородин, Д. В. Бородин, И. А. Голощапова и др. Барнаул, 2016. 125 с.
14. Условия расширения и оценка уровня региональной интеграции в целях обеспечения экономической безопасности (на материалах Сибирского федерального округа): монография / И. Н. Санникова, Т. А. Рудакова, О. Ю. Рудакова, О. В. Кожевина, М. М. Бутакова, О. Н. Соколова, А. Ю. Юдинцев, Г. Н. Трошкина, С. И. Межов, И. Н. Дубина, А. Р. Махотина; под. ред. И. Н. Санниковой. Барнаул, 2020. 246 с.
15. Бородин В. А., Гагарина Г. Ю. Экономическая интеграция регионов как механизм выравнивания и роста их потенциалов // Федерализм. 2020. № 2 (98). С. 76–91.
16. Гонтарь Н. В. Межрегиональная интеграция в России: институты и государственно-административное регулирование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2018. Т. 20. № 3. С. 14–24. DOI: 10.15688/jvolsu3.2018.3.2.
17. Батуева Т. Б. Межрегиональная кооперация на основе соконкуренции как фактор инновационного развития региона // Государственное и муниципальное управление: ученые записки. 2017. № 4. С. 80–84.
18. Горюнов А. П., Белоусова А. В. Процессы интеграции и фрагментации экономического пространства: структура систем расселения // Пространственная экономика. 2017. № 4. С. 81–89.
19. Яковлева Н. В., Ишунькина Е. А. Тенденции развития межрегионального сотрудничества Челябинской области в период 2010–2015 годов // Эколого-географические проблемы регионов России: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 110-летию со дня рождения кандидата географических наук, доцента, заведующего кафедрой геологии и географии, декана факультета естествознания Куйбышевского пединститута Т. А. Александровой. Самара, 2017. С. 320–327.
20. Тамова Б. А. Межрегиональное экономическое взаимодействие как фактор регионального стратегического развития // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2015. № 4 (170). С. 130–133.
21. Абдулманов С. Г. Межрегиональная экономическая интеграция: мировой опыт и перспективы развития на Северном Кавказе // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2012. № 47. С. 127–132.
22. Аганбегян А. Г. Преодоление бедности и сокращение неравенства по доходам и потреблению в России // ЭКО. 2017. № 9 (519). С. 66–84.
23. Григорьев Л. М., Павлюшина В. А., Бриллиантова В. В., Бондаренко К. А. Региональная динамика доходов и потребительского спроса населения в России // Пространственная экономика. 2018. № 3. С. 138–151.
24. Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае / под ред. А. Я. Троцкого. Новосибирск, 2017. 423 с.
25. Сергиенко А. М. Доходы населения агропромышленного региона в периоды экономических кризисов // Экономика устойчивого развития. 2019. № 4 (40). С. 239–246.
26. Миграция сельской молодежи: в фокусе Алтайский край / под ред. А. М. Сергиенко. Барнаул, 2019. 325 с.
27. Троцковский А. Я., Супонина И. В., Быкова В. А. Возможности и ограничения исследования межрегиональной торговли как механизма пространственной интеграции // Экономическое развитие региона: управление, инновации подготовка кадров: материалы VIII международного экономического форума. Барнаул, 2021. С. 239–243.

28. Чудиновских О. С. Современное состояние статистики миграции в России: новые возможности и нерешенные проблемы // Вопросы статистики. 2010. № 6. С. 8–16.
29. Мкртчян Н. Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 1. С. 83–99. DOI: 10.17323/demreview.v7i1.10821.
30. Чудиновских О. С. О пересмотре Рекомендаций ООН 1998 г. по статистике миграции в российском контексте // Вопросы статистики. 2019. Т. 26, № 8. С. 61–76. DOI: 10.34023/2313-6383-2019-26-8-61-76.

REFERENCES

1. Mau V. A. Coronavirus pandemic and economic policy trends // *Voprosy Ekonomiki*. 2021. No. 3. Pp. 5–30. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-3-5-30.
2. Aganbegyan A. G., Porfiriev B. N., Shirov A. A. On overcoming the current crisis and ways of developing the Russian economy // *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2021. Vol. 227. Pp. 193–213.
3. Mau V. A. Economics and Politics 2019–2020: Global challenges and national responses // *Voprosy Ekonomiki*. 2020. No. 3. Pp. 5–27. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-3-5-27.
4. Aganbegyan A. G. New trends in the crisis situation of 2020–2021 // *Economy of the North-West: problems and prospects of development*. 2021. No. 2 (65). Pp. 5–19. DOI: 10.52897/2411-4588-2021-2-5-19
5. Ershov M. V. Mir 2021: the severity of pandemic and economic problems remains // *Voprosy Ekonomiki*. 2021. No. 12. Pp. 5–20. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-12-5-20
6. Shokhin A. N., Akindinova N. V., Astrov V. Yu., Gurvich E. T., Zamulin O. A., Klepach A. N., Mau V. A., Orlova N. V. Macroeconomic effects of the pandemic and prospects for economic recovery (Based on the materials of the round table within the framework of the XXII April International Scientific Conference of the Higher School of Economics) // *Voprosy Ekonomiki*. 2021. No. 7. Pp. 5–30. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-7-5-30.
7. Kryukov V. A., Karpik A. P. Organizational-structural and spatial problems of the development of the Siberian economy // *Economic Policy of Russia in the intersectoral and spatial dimension: materials of the 2nd Conference of INP RAS and IEPP SB RAS on intersectoral and regional analysis and forecasting (Russia, Novosibirsk region, March 23–24, 2020)*. Novosibirsk, 2020. Pp. 7–18.
8. Kryukov V. A., Lavrovsky B. L., Seliverstov V. E., Suslov V. I., Suslov N. I. Siberian vector of development: based on cooperation and interaction // *Studies on Russian Economic Development*. 2020. No. 5. Pp. 46–59. DOI: 10.1134/S1075700720050111.
9. Trotskovsky A. Ya. Spatial studies in the works of Russian regionalists: a narrative review // *Economics Profession Business*. 2021. No. 3. Pp. 125–132. DOI: 10.14258/epb202147.
10. Solutseva S. N., Lebedev A. O. Development of methods for assessing factors and forms of interregional economic integration: monograph. M., 2016. 213 p.
11. Lukin E. V., Uskova T. V. Interregional economic cooperation: state, problems, prospects: monograph. Vologda, 2016. 148 p.
12. Makhotaeva M. Yu., Bakumenko O. A., Malyshev D. P. Interregional interaction as a tool for the development of strategic priorities of the region: monograph. Pskov, 2017. 118 p.
13. Economic integration of territories: theoretical and applied aspects: monograph / V. A. Borodin, D. V. Borodin, I. A. Goloshchapova et al. Barnaul, 2016. 125 p.
14. Conditions for expansion and assessment of the level of regional integration in order to ensure economic security (based on the materials of the Siberian Federal District): monograph / I. N. Sannikova, T. A. Rudakova, O. Y. Rudakova, O. V. Kozhevina, M. M. Butakova, O. N. Sokolova, A. Y. Yudinsev, G. N. Troshkina, S. I. Mezhev, I. N. Dubina, A. R. Makhotina; edited by I. N. Sannikova. Barnaul, 2020. 246 p.
15. Borodin V. A., Gagarina G. Yu. Economic integration of regions as a mechanism of leveling and growth of their potentials // *Federalism*. 2020. No. 2 (98). Pp. 76–91.
16. Gontar N. V. Interregional integration in Russia: Institutes and state-administrative regulation // *Bulletin of the Volgograd State University. Series 3: Economics. Ecology*. 2018. Vol. 20, No. 3. Pp. 14–24. DOI: 10.15688/jvolsu3.2018.3.2.
17. Batueva T. B. Interregional cooperation based on co-competition as a factor of innovative development of the region // *State and municipal administration: scientific notes*. 2017. No. 4. Pp. 80–84.
18. Goryunov A. P., Belousova A. V. Processes of integration and fragmentation of economic space: structure of settlement systems // *Spatial economics*. 2017. No. 4. Pp. 81–89.

19. Yakovleva N. V., Ishunkina E. A. Trends in the development of interregional cooperation of the Chelyabinsk region in the period 2010–2015 // Ecological and geographical problems of Russian regions: Materials of the VIII All-Russian Scientific and Practical conference with international participation dedicated to the 110th anniversary of the birth of the Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Geology and Geography, Dean of the Faculty of Natural Sciences of the Kuibyshev Pedagogical Institute T. A. Alexandrova. Samara, 2017. Pp. 320–327.
20. Tamova B. A. Interregional economic cooperation as a factor of regional strategic development // Bulletin of the Adygea State University. Series 5: Economics. 2015. No. 4 (170). Pp. 130–133.
21. Abdulmanap S. G. interregional economic integration: international experience and prospects of development in the North Caucasus // Bulletin of the Dagestan scientific center, Russian Academy of Sciences. 2012. No. 47. Pp. 127–132.
22. Aganbegyan A. G. Overcoming poverty and reducing inequality in income and consumption in Russia // ЕКО. 2017. No. 9 (519). Pp. 66–84.
23. Grigoriev L. M., Pavlyushina V. A., Brilliantova V. V., Bondarenko K. A. Regional dynamics of incomes and consumer demand of the population in Russia // Spatial economics. 2018. No. 3. Pp. 138–151.
24. Transformational processes and the formation of competitive advantages in the Altai Territory / ed. by A. Ya. Trotskovsky. Novosibirsk, 2017. 423 p.
25. Sergienko A. M. Incomes of the population of the agro-industrial region during periods of economic crises // Economics of sustainable development. 2019. No. 4 (40). Pp. 239–246.
26. Migration of rural youth: the Altai Territory is in focus / ed. by A. M. Sergienko. Barnaul, 2019. 325 p.
27. Trotskovsky A. Ya., Suponina I. V., Bykova V. A. Possibilities and limitations of the study of interregional trade as a mechanism of spatial integration // Economic development of the region: management, innovation training: materials of the VIII International Economic Forum. Barnaul, 2021. Pp. 239–243.
28. Chudinovskikh O. S. The current state of migration statistics in Russia: new opportunities and unsolved problems // Questions of Statistics. 2010. No. 6. Pp. 8–16.
29. Mkrtychyan N. Problems in the statistics of internal Russian migration generated by the change in the accounting methodology in 2011 // Demographic Review. 2020. Vol. 7., no. 1. Pp. 83–99. DOI: 10.17323/demreview.v7i1.10821.
30. Chudinovskikh O. S. On the revision of the 1998 UN Recommendations on Migration Statistics in the Russian Context // Questions of Statistics. 2019. Vol. 26, no. 8. Pp. 61–76. DOI: 10.34023/2313–6383–2019–26–8–61–76.

Поступила в редакцию: 31.01.2022.

Принята к печати: 15.02.2022.

К ВОПРОСУ О РОЛИ И ЗНАЧЕНИИ КОНТРОЛЛИНГА В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

О. А. Чиркова

Рубцовский индустриальный институт (филиал)
Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (Рубцовск, Россия)

В статье определена роль контроллинга в процессе разработки и реализации программ стратегического развития муниципального образования. Дано авторское определение понятию «контроллинг». Предложена схема его осуществления в процессе реализации программ стратегического развития муниципального образования, а также место в процессе выполнения программ. Автор пришел к выводу, что эффективная организация контроллинга позволяет обеспечить повышение результативности реализации программ стратегического назначения, снижение количества отклонений фактических показателей от плановых путем предупреждения их появления на ранних этапах. Если же отклонения зафиксированы, то необходимо своевременное принятие мер по их устранению, сглаживанию негативного влияния последствий отклонений, координации и регулированию процесса выполнения программ стратегического развития муниципального образования, поддержке в принятии решений.

Ключевые слова: контроллинг, реализация стратегических программ, муниципальное образование, плановые показатели, фактические показатели, результативность.

TO THE QUESTION OF THE ROLE AND SIGNIFICANCE OF CONTROLLING IN THE PROCESS OF IMPLEMENTING THE PROGRAMS OF STRATEGIC DEVELOPMENT OF MUNICIPALITY

O. A. Chirkova

Rubtsovsky Industrial Institute (branch) of the Polzunov Altai State Technical University
(Rubtsovsk, Russia)

The article defines the role of controlling in the process of development and implementation of programs for the the strategic development of the municipality. The author's definition of concept of controlling is given. A scheme for its implementation in the process of implementing strategic programs is proposed, as well as a place in the process of implementing programs, is proposed. The author came to the conclusion that the effective organization of controlling allows for an increase in the effectiveness of the implementation of strategic programs, a decrease in the number of deviations of actual indicators from planned ones by preventing their occurrence at an early stage. If deviations are fixed, then it is necessary to take timely measures to eliminate them, mitigate the negative consequences of deviations, coordinate and regulate the process of implementing strategic development programs of the municipality, and support decision-making.

Keywords: controlling, implementation of strategic programs, municipal formation, planned indicators, actual indicators, effectiveness.

На данный момент термин «контроллинг» весьма распространен и часто используется в научных и деловых кругах. Свидетельствует об этом огромное количество определений и множество различных взглядов на содержание, свойства и функции контроллинга. В современной литературе можно встретить десятки разнообразных трактовок термина «контроллинг».

В большом энциклопедическом словаре дана следующая трактовка термина: «Контроллинг» (пер. с англ. controlling) — систематический контроль, отслеживание хода выполнения поставленных задач с одновременной коррекцией работы» [1]. Д. Н. Чимитова подразумевает под контроллингом «инструмент поддержки и реализации управленческих решений при решении оперативных и стратегических задач» [2]. П. Хорват под контроллингом понимает «подсистему управления, которая координирует подсистемы планирования, контроля и информационного обеспечения, поддерживая тем самым системообразующую и системоувязывающую координацию» [3]. Э. Майер, Ю. П. Анискин, А. М. Павлова контроллинг трактуют как «концепцию, которая направлена на ликвидацию «узких мест» и ориентированная на будущее в соответствии с поставленными целями и задачами получения определенных результатов» [4]. Н. М. Большаков — «как систему эффективного управления предприятием и обеспечения его долгосрочного стабильного существования на рынке на основе реализации функций разработки и обоснование управленческих решений и контроля над их выполнением» [5]. Ю. Вебер под ним понимает «особой элемент управления системой, выполняя свою главную функцию поддержки руководства в процессе решения им общей задачи координации системы с упором, прежде всего, на задачи планирования, контроля и информирования» [6]. Такие российские ученые, как А. М. Карминский, Н. И. Оленев, А. Г. Примак, С. Г. Фалько определяют контроллинг «как концепцию системного управления и способа мышления менеджеров, в основе которых лежит стремление обеспечить долгосрочное эффективное функционирование организации, а также как методическую и инструментальную базу для поддержки основных функций менеджмента» [7]. Е. А. Ананькина, С. В. Данилочкин, Н. Г. Данилочкина определяют контроллинг как «координацию, интеграцию и направление деятельности всей системы управления предприятием на достижение поставленных целей, выполняет функцию «управления управлением» и является синтезом планирования, учета, контроля, экономического анализа, организации информационных потоков и многого другого» [8]. П. Э. Шлендер: «Контроллинг представляет собой систему регулирования затрат и результатов деятельности, помо-

гающую достигнуть цели организации, избежать неожиданностей и своевременно принять правильные управленческие решения» [9]. Р. В. Нагуманова: «Сущность контроллинга заключается в сведении воедино, интеграции, этих информационных потоков и на основе их координации, определения направления воздействия на внешнюю и внутреннюю среду для достижения цели и своевременно доведения информации до лиц, принимающих управленческие решения (управляющей подсистеме)» [10]. «Назначение контроллинга — предупреждение возникновения кризисных ситуаций» [11].

На данный момент недостаточно исследованными остаются вопросы, связанные с контроллингом реализации программ стратегического развития муниципального образования. С целью повышения обоснованности и эффективности принимаемых решений в области реализации таких программ необходимо не только обеспечить поступление информации, которая должна быть своевременной и актуальной, отражающей реальное положение дел, но и обеспечить эффективное регулирование процессом, детальным контролем и анализом. С каждым годом увеличивается объем информации, которую необходимо осмыслить для принятия верного решения. Постоянно изменяется окружающая среда процесса реализации программ стратегического назначения муниципального образования, меняются потребности его развития. Из этого можно сделать вывод, что основное назначение контроллинга в процессе реализации программ стратегического назначения — это проведение постоянного регулирования, контроля, анализа хода выполнения стратегических программ и снижение количества отклонений фактических показателей от плановых, путем предупреждения их появления на ранних этапах. Если же отклонения зафиксированы, то необходимо своевременное предпринятие мер по их устранению. Система контроллинга предполагает наличие обратной взаимосвязи и осуществление корректировки, внесение изменений с целью повышения результативности выполнения стратегических программ развития муниципального образования. При возникновении отклонений в процессе реализации этих программ от плановых показателей предпринимается меры, которые направлены на сглаживание негативного влияния последствий данных отклонений. Из вышеизложенного можно заключить, что контроллинг реализации программ стратегического назначения — это система мер, направленная на координацию процесса выполнения таких программ, контроля и анализа их эффективности с целью разработки оптимальных решений, которые позволят повысить результативность их реализации. Иными словами, контроллинг про-

грамм стратегического развития муниципального образования предназначен для координации процессов анализа и корректировки плановых и фактических показателей реализации таких программ, чтобы по возможности устранить ошибки, отклонения от плановых показателей, повысить результативность реализации программ.

На сегодняшний день есть некоторые недочеты в системе контроля над реализацией программ стратегического развития муниципального образования:

- «планируемые цели развития муниципального образования, не сформированы в виде системы показателей» [12];
- отсутствие взаимосвязи между показателями стратегии развития территории и программами муниципального образования;
- «из-за постоянного увеличения объемов анализируемой информации и ее изменения, необходимо перейти на автоматизированную систему поддержки принятия решений» [13].

Необходимость применения контроллинга в реализации стратегических программ развития муниципального образования объясняется следующими причинами:

- повышение нестабильности в окружающей среде процесса реализации таких программ;
- необходимость построения системы информационного обеспечения процесса реализации программ стратегического назначения;

- необходимость увеличения скорости реакции на внесение корректировок;
- необходимость в непрерывном отслеживании изменений хода выполнения программ;
- необходимость продуманной схемы действий по обеспечению стабильной, положительной динамики достижения запланированных целей и избегания кризисных ситуаций.

Из этого следует, что основными задачами контроллинга реализации программ стратегического развития муниципального образования, являются:

- сбор необходимой информации и ее анализа для принятия оптимальных решений;
- учет информации о ходе выполнения реализации программ стратегического назначения развития муниципального образования;
- распознавание на ранних этапах отклонения от фактических показателей, что позволит своевременно предпринять необходимые меры;
- координация процесса выполнения программ стратегического назначения;
- оценка рисков, определение уровня риска, который считается приемлемым;
- поддержка в принятии решений;
- обеспечение выполнения плановых показателей, даже при возникновении трудностей.

Рис. 1. Функции контроллинга реализации программ стратегического развития муниципального образования

На основании всего вышесказанного также можно сделать вывод, что основными функциями контроллинга в процессе реализации стратегических программ развития муниципального образования, являются следующие (рис. 1):

- информационно-аналитическая;
- контрольно-проверяющая;
- координационно-регулирующая.

Поэтому контроллинг является сложной структурой, объединяющий в себя следующие элементы:

- контроль;
- учет;

- анализ;
- регулирование;
- корректировка;
- управление информационными потоками;
- разработка рекомендаций по принятию решений;
- выбор наиболее оптимальных решений для решения конкретных задач.

Схему осуществления контроллинга реализации программ стратегического развития муниципального образования, по нашему мнению, можно представить следующим образом (рис. 2):

Рис. 2. Схема осуществления контроллинга реализации программ стратегического развития муниципального образования

Выполнение программ стратегического назначения находится под постоянным текущим контролем. На протяжении исполнения этих программ есть несколько контрольных точек, на которых осуществляется сбор и обработка информации. Затем производится ее анализ. После этого осуществляется оценка результатов анализа по степени влияния на результативность реализации данных программ, производится анализ возможных последствий сложившейся ситуации и на основе проведенных этапов осуществляется разработка рекомендаций по принятию решений.

Контроллинг занимает особое место в реализации программ стратегического развития муниципального образования, связывая воедино информационное обеспечение, контроль и координацию выполнения таких программ, тем самым помогая повысить результативность реализации данных программ.

Основную роль в контроллинге реализации программ стратегического назначения играет исследование и определение фактического состояния по отношению с планируемым (желаемым) состоянием, моделирование регулирующих воздействий и анализ на этой основе процессов и ситуаций, которые могут привести к планируемым (желаемым) целям (рис. 3).

Таким образом, можно заключить, что контроллинг в реализации программ стратегического развития муниципального образования играет огромную роль, занимая особое место, выполняет роль навигатора, который выявляет векторы необходимых регулирующих воздействий для достижения планируемых целей, что позволяет повысить результативность выполнения программ, путем выполнения усложняющих задач в области организации и контроля.

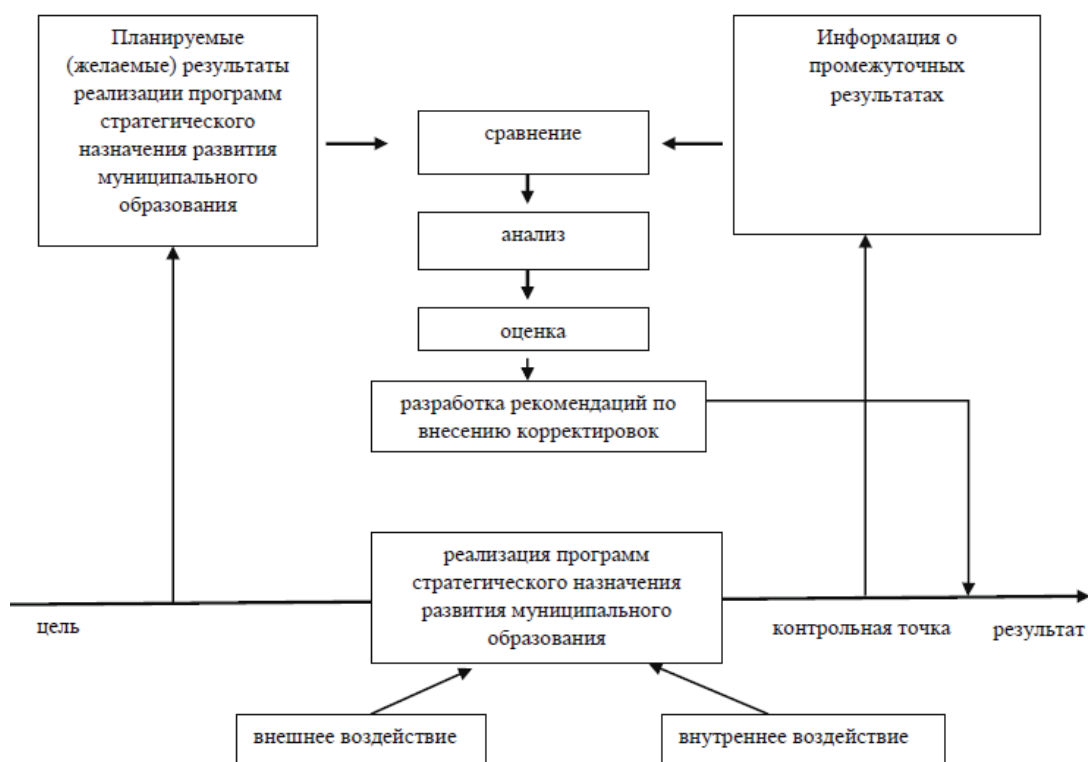

Рис. 3. Контроллинг в процессе реализации программ стратегического развития муниципального образования

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. GIFO.ME. Контроллинг. URL: <https://gufo.me/search?term=%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B3> (дата обращения: 07.08.2021).
2. Чимитова Д. Н. Контроллинг как инструмент стратегического управления // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2006. № 4. С. 61–62.
3. Концепция контроллинга: управленческий учет, система отчетности, бюджетирование: перевод с немецкого. М., 2009. 268 с.
4. Анискин Ю. П., Павлова А. М. Планирование и контроллинг: учебник. М., 2005. 280 с.
5. Большаков Н. М. Контроллинг не значит контроль // Регион. 1998. № 10.
6. Введение в контроллинг / Вебер Ю., Шеффер У.; пер. с нем. М., 2014. С. 412.
7. Карминский А. М., Оленев Н. И., Примаков А. Г., Фалько С. Г. Контроллинг в бизнесе. Методологические и практические основы построения контроллинга в организациях. 2-е изд. М., 2002. 256 с.
8. Ананькина Е. А., Данилочкин С. В., Данилочкина Н. Г. Контроллинг как инструмент управления предприятием. М., 2002. С. 279.
9. Шлендер П. Э. Аудит и контроллинг персонала организации: учеб. пособие для вузов. М., 2010.
10. Нагуманова Р. В., Сабирова А. И. Контроллинг как современный метод управления субъектами различных сфер деятельности. Казань, 2016. 82 с.
11. Пономарева Е. В. Контроллинг на предприятии: учебное пособие. СПб., 2012. 188 с.
12. Брагина Э. Н. Использование возможностей мониторинга экономического развития региона // Современные тенденции развития науки и технологий: сборник научных трудов по материалам II Международной научно-практической конференции. Белгород, 2015. Ч. VII. С. 20–22.
13. Бияков О. А. Теория экономического пространства: методологический и региональный аспекты. Томск, 2004. 152 с.

REFERENCES

1. GIFO.ME. Controlling. URL: <https://gufo.me/search?term=%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B3> (date of access: 07.08.2021).
2. Chimitova D. N. Controlling as a strategic management tool // Proceedings of the Irkutsk State Economic Academy. 2006. No. 4. Pp. 61–62.
3. The concept of controlling: management accounting, reporting system, budgeting: translated from German. M., 2009. 268 p.
4. Aniskin Yu. P., Pavlova A. M. Planning and controlling: textbook. M., 2005. 280 p.
5. Bolshakov N. M. Controlling does not mean control-Region. 1998. No. 10.
6. Introduction to controlling / Weber Ju., Schaeffer U.tz; trans. from ger. Moscow, 2014. 412 p.
7. Karminsky A. M., Olenev N. I., Primak A. G., Falko S. G. Controlling in business. Methodological and practical foundations of controlling in organizations. 2nd ed. M., 2002. 256 p.
8. Anankina E. A., Danilochkin S. V., Danilochkina N. G. Controlling as an enterprise management tool / edited by N. G. Danilochkina. M., 2002. P. 279.
9. Shlender P. E. Audit and controlling of the organization's personnel: studies. manual for universities. M., 2010.
10. Nagumanova R. V., Sabirova A. I. Controlling as a modern method of managing subjects of various spheres of activity. Kazan, 2016. 82 p.
11. Ponomareva E. V. Controlling at the enterprise: a textbook. SPb., 2012. 188 p.
12. Bragina E. N. Using the possibilities of monitoring the economic development of the region // Modern trends in the development of science and technology: a collection of scientific papers based on the materials of the II International Scientific and Practical Conference. Belgorod, 2015. Part VII. Pp. 20–22.
13. Biyakov O. A. Theory of economic space: methodological and regional aspects. Tomsk, 2004. 152 p.

Поступила в редакцию: 08.12.2021.

Принята к печати: 19.01.2022.

НАШИ АВТОРЫ

OUR AUTHORS

1. Алабина Татьяна Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры стратегии регионального и отраслевого развития Института экономики и управления Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия), e-mail: madam-alabina@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0002-0600-0584.

2. Бахирева Анна Алексеевна, старший преподаватель кафедры экономики Рубцовского института (филиала) Алтайского государственного университета (Рубцовск, Россия), e-mail: isakova@rb.asu.ru. ORCID ID: 0000-0001-8240-3943.

3. Беляев Виктор Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: belyaevvi@mail.ru.

4. Борисова Диана Евгеньевна, аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: pheobe_co@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-1574-2010.

5. Булатова Галина Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической безопасности, учета, анализа и аудита Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: bulatovg@mail.ru. ORCID ID: 0000-0001-9190-3587.

6. Воробьев Сергей Петрович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и метрологии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: servsp@mail.ru. ORCID ID: 0000-0001-8504-7622.

7. Воробьева Виктория Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: vvvtoria@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-2999-1453.

8. Воронкова Ольга Юрьевна, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: olka2004@yandex.ru.

9. Григорьева Евгения Гербовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления человеческими ресурсами Института экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия), e-mail: eggrigoreva@sfu-kras.ru. ORCID ID: 0000-0003-4091-7385.

10. Дзангиева Хеда Салмановна, магистр экономики, ведущий специалист Банка АО «Газпромбанк» (филиал) (Кемерово, Россия), e-mail: dzangieva.kheda.1997@mail.ru

11. Дятлов Юрий Николаевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Псковского филиала Академии Федеральной службы исполнения наказаний России (Псков, Россия), e-mail: dyuriy@mail.ru. ORCID ID: 0000-0001-8673-5734.

12. Кошевой Олег Павлович, доктор технических наук, профессор Пензенского государственного университета (Пенза, Россия), e-mail: olaal@yandex.ru.

13. Краюшкин Максим Геннадьевич, магистрант кафедры цифровых технологий и бизнес-аналитики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: Kramaks-97@mail.ru.

14. Кылгыдай Ай-кыс Чамдаловна, научный сотрудник Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН (Кызыл, Тыва), e-mail: aikys_k@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-4608-7968.

15. Перекаренко Юлия Александровна, научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия), e-mail: perekarenkova@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-9572-3716.

16. Петрова Марина Васильевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, анализа и информационных технологий Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: petrova_mv1@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-2443-019.

17. Попова Наталья Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теоретических основ физического воспитания Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия), e-mail: natalie-barnaul77@bk.ru. ORCID ID: 0000-0003-2039-014.

18. Родионова Людмила Васильевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия), e-mail: lvrieie@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-2343-2466.

19. Самсонов Иван Иванович, кандидат педагогических наук, доцент Центра спортивной подготовки сборных команд Алтайского края (Барнаул, Россия), e-mail: sii2009@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0003-1826-7291.

20. Санникова Инна Николаевна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической безопасности, учета, анализа и аудита Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: sannikova00@mail.ru. ORCID ID: 0000-0001-5457-6812.

21. Савченко Александра Сергеевна, аспирант Сибирского института управления (филиала) Российской Академии народного хозяйства и государственной службы (город), e-mail: list_24.96@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-5768-8243.

22. Сергиенко Алие Мустафаевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия), e-mail: a.m.sergienko@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-8615-7329.

23. Стакутис Сергей Зигмасович, старший преподаватель кафедры управления человеческими ресурсами Института экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия), e-mail: sstakutis@sfu-kras.ru.

24. Титова Ольга Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: otitova82@icloud.com. ORCID ID: 0000-0002-7669-709X.

25. Троцкий Александр Яковлевич, доктор социологических наук, заведующий лабораторией социально-экономических исследований Алтайского края Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия), профессор кафедры экономики и эконометрики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: trotskovskiy@dc.asu.ru. ORCID ID: 0000-0002-3233-8570.

26. Чиркова Ольга Александровна, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономики и управления Рубцовского индустриального института (филиал) Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (Рубцовск, Россия), e-mail: olgach2010@mail.ru.

27. Шилова Евгения Владимировна, старший преподаватель кафедры управления человеческими ресурсами Института экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия), e-mail: shev26@mail.ru.

28. Юшковская Анжела Алексеевна, магистр экономики, специалист управления бухгалтерского учета ПАО «Россети Сибирь» — «Кузбассэнерго-РЭС» (филиал) (Кемерово, Россия), e-mail: AngelaUshkovskaya@yandex.ru

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС»

ARTICLE SUBMISSION GUIDELINES FOR "ECONOMICS PROFESSION BUSINESS"

1. Статья представляется в электронном варианте по адресу: epb@asu.ru:

- Название файла по фамилии автора или первого из авторов.
- Используется одна из последних версий текстового редактора WORD.
- Объем публикации не должен превышать 0,5 п. л. (20 000 знаков с пробелами или примерно 11 страниц, включая список литературы, сведения об авторах и иллюстрации); для кандидатов и докторов наук объем публикаций не должен превышать 1,0 п. л. (40 000 знаков с пробелами или примерно 22 страницы), минимальный объем статьи составляет 0,35 п. л. (14 500 знаков с пробелами или примерно 8 страниц). Таблица или рисунок формата А4 составляет 5 400 знаков с пробелами.
- Публикации принимаются на русском и английском языках.

2. Статьи, поступающие в редколлегию, **проверяются с использованием системы «Антиплагиат»**; авторам рекомендуется перед отправкой проверять свои статьи на степень оригинальности текста.

3. К статье прилагаются:

- рекомендация кафедры (научного семинара кафедры) отсканированная в цвете (по возможности);
- письмо-согласие с заверенной подписью (подписями) автора (авторов) статьи, отсканированные в цвете.
- для аспирантов обязательным документом является справка об обучении в аспирантуре.

4. Структура статьи:

- индекс УДК, который проставляется в левом верхнем углу первой страницы рукописи;
 - название статьи;
 - инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на русском языке (например, И. И. Иванов, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия));
 - аннотация на русском языке (объем аннотации от 1000 до 1600 знаков без пробелов, слово «Аннотация» не используется), ключевые слова к публикации на русском языке (от 5 до 10 слов);
 - название статьи на английском языке;
 - инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на английском языке (например, I. I. Ivanov, Altai State University (Barnaul, Russia));
 - аннотация на английском языке (объем аннотации от 1000 до 1600 знаков без пробелов, слово «Abstract» не используется), ключевые слова к публикации на английском языке (Keywords, от 5 до 10 слов);
 - собственно текст статьи;
 - библиографический список;
 - references;
 - таблицы с заголовками;
 - рисунки с подписями;
 - сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, ученая степень, должность, место работы, телефон для связи), адрес с указанием почтового индекса, электронный адрес (e-mail) и ORCID ID (при наличии).
-

5. Для основных текстов на английском языке сначала указываются название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова к публикации на английском языке, затем все то же самое на русском языке.

6. По содержанию в тексте должны присутствовать:

- вводная часть (введение), содержащая обзор современных публикаций по данной тематике, в том числе зарубежных авторов, и четко формулирующая актуальность и цель работы;
- описание методов и методик проводимого исследования;
- полученные результаты и их обсуждение;
- заключительная часть (заключение) с выводами по работе.

7. Требования к тексту, представленному в WORD:

- формат А4 (21х30 см);
- используемые версии текстового редактора — MSWord 2003 и выше;
- рисунки представляются в виде отдельных файлов в форматах JPG, TIFF, BMP, PNG с разрешением не менее 300 dpi;
- набор формул производится с помощью редактора Math Type;
- интервал между строками — 1,5;
- шрифт — гарнитура Times New Roman;
- размер шрифта — 14 кегль;
- все поля по 2 см;
- текст неформатированный;
- текст должен быть разбит на абзацы, абзацный отступ 1,25 см;
- без переносов;
- возможно выделение текста шрифтами (жирный, курсив);
- возможно употребление спецсимволов (% и др.).

8. Библиографический список кириллицей оформляется следующим образом:

а) статьи в периодических изданиях:

Ермолина Л. Т. Откуда у парня афганская грусть? // Алтайская правда. 2001. № 2. С. 2–5.

б) монографии, учебники и учебные пособия:

Антонян Ю. М. Преступность в федеральных округах России: монография. М., 2012. С. 117;

в) сборники статей и труды конференций:

Кубишин Е. С. Гендерные проблемы занятости и рынка труда Москвы // Гуманитарные, экономические и правовые проблемы современного общества: сб. науч. трудов / под общ. ред. В. Хозова. М., 2014. С. 72–87;

г) электронные источники:

Гужвенко Ю. Н. В Алтайском крае активно действует казахская диаспора. URL: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5196/> (дата обращения: 05.10.2018).

Гиперссылку необходимо всегда заканчивать знаком «/».

д) ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

е) если для цитируемого источника существует DOI (Digital Object Identifier), его следует указывать в конце источника после точки в следующем виде: DOI: префикс/суффикс (например: DOI: 10.14258/izvasu (2014) 1.1–01).

Ссылки на цитируемую литературу даются в тексте цифрами в квадратных скобках, здесь же указываются цитируемые страницы: [1, с. 15; 2, с. 45]. Сам список литературы под заголовком «Библиографический список» приводится после основного текста в порядке цитирования (один пункт списка — одно наименование). Один и тот же источник в библиографическом списке указывается один раз, в тексте статьи при повторной ссылке указывается в квадратных скобках номер, который использовался первый раз.

При оформлении списка литературы на английском языке учитывать порядок библиографического списка. Список литературы на английском языке оформлять под заголовком «References».

9. Требования к рисункам (схемам, графикам, диаграммам) и таблицам:

- рисунки должны иметь подписи;
- таблицы должны иметь заголовки;
- сокращения должны быть объяснены;

- сканированные изображения не принимаются;
- размер шрифта в рисунках и таблицах — не менее 10 кегля;
- не допускается использование заливки, цвет контуров — черный.

10. Библиографический список должен содержать, как правило, не менее 10 источников, содержащих ссылки как на отечественные, так и на зарубежные монографии и статьи в ведущих научных журналах.

11. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку (в том числе изменять заголовки и сокращать тексты) без согласования с авторами и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной экспертной оценки. При соответствующей доработке статья может быть опубликована. Отклоненные редколлегией журнала статьи авторам не возвращаются.

Контакты

Публикацию, оформленную по всем правилам, необходимо выслать на адрес редакционной коллегии: epb@asu.ru

Адрес редколлегии:

656049, г. Барнаул, пр. Социалистический, д. 68, к. 113

ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС

2022. № 1

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер ПИ № ФС77-77154 от 10 декабря 2019

Литературный редактор *С. И. Тесленко*
Подготовка оригинал-макета *О. В. Майер*

Подписано в печать 10.03.2022.
Дата выхода в свет 14.03.2022.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 14,4. Тираж 500 экз. Заказ 78. Цена свободная.

Издательство Алтайского государственного университета
Адрес издательства: 656049 Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

Типография Алтайского государственного университета
Адрес типографии: 656049 Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Социалистический, д. 68, ауд. 113
